ПОЭТЫ КАРАКАЛПАКИИ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ПОЭТЫ КАРАКАЛПАКИИ

Вступительная статья
З. С. Кедриной
Составление, биографические справки
и примечания
Ибрагима Юсупова

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1980

С (Карак) 1
П 67

Настоящий сборник знакомит читателя с классиками каракалпакской поэзии XVIII — начала XX века и наиболее примечательными поэтами советской эпохи, завершившими свою литературную деятельность. Центральное место в книге отведено произведениям Бердаха (1827—1900), выдающегося мастера стиха, автора известного дастана «Царь-самодур».

Продолжая традиции фольклора и восточной поэтической классики, каракалпакские поэты широко и правдиво отразили нелегкий исторический путь своего народа, пережившего тяжкие лишения и бедствия, а в годы Советской власти активно включившегося в борьбу за построение социализма, за духовный и культурный рост своей республики в семье братских народов СССР.

П $\frac{70403-385}{083(02)-80}$ 386—78 4702250000

ПОЭЗИЯ КАРАКАЛПАКОВ

Поэзия каракалпаков формируется и растет на грани двух культурных миров: древнего Востока и молодой, пробуждающейся к революционному подъему России, отражая в себе суровый путь своего народа к новой исторической общности людей — семье братских народов СССР, а вместе с тем и к высотам самой передовой в мире социалистической литературы.

С точностью, доступной лишь поэтическому слову, определил сегодня существо родной поэзии народный поэт Каракалпакии, широко известный советскому читателю Ибрагим Юсупов:

Привил я скромный черенок к узлу больших ветвей.
Я — древа Пушкина росток. Бердах в крови моей.
И незабвенный Навои в моем сердцебиенье.
О ветер всех земных дорог, овей меня, овей!

(Перевод С. Ломинадзе)

Только в составе многонационального социалистического государства, придя к строительству новой жизни, народ Каракалпакии, оказавшийся в прошлом на трудном перекрестке истории, познавший всю тяжесть ее ударов, мог обрести столь полнозвучный поэтический голос и во всеуслышание провозгласить свое торжество.

Народ этот ведет свою родословную от древнего племени массагетов — поклонников божества Солнца. Героиня народных преданий — царица Томирис, согласно свидетельству Геродота, возглавляя войска бесстрашных амазонок, задержала нашествие царя

Кира на родные степи. Победив его войска и отрубив голову царю-завоевателю, она повелела опустить ее в бурдюк с кровью, дабы царь смог утолить свою ненасытную жажду...

Раннесредневековыми предками своими числят каракалпаки печенегов и огузов, а дальше — половцев, вплотную подходивших некогда к пределам Киевской Руси «черных клобуков», о которых говорит Ипатьевская (XII—XIII века) и другие русские летописи. Эти воинственные племена, состоя в рядах великокняжеских дружин, роднились с дружинниками, имели право голоса в «приговорах» народного веча.

Дальнейшая историческая судьба каракалпаков тесно связана с берегами Едиля (Волги) и Жаика (реки Урал), о которых в старых народных песнях каракалпаков поется с такой любовью и горечью, как о «потерянном рае». Кочуя по среднеазиатским степям (XVI век), некогда многочисленные каракалпакские роды постоянно приходили в столкновение с родственными им (этнически и по языку), но более сильными племенными объединениями, стремившимися к созданию своего государства. Подвергаясь с другой стороны территориальным притязаниям многоплеменных среднеазиатских ханств, каракалпаки терпели урон в людях и достатке. Опустошительное джунгарское нашествие 1723 года заставило каракалпаков, покинув родные места, бежать вместе с казахами и другими разоряемыми истребительным нашествием народами на север через пустыню, теряя на этом скорбном пути многие тысячи людей, погибавших и в стычках с врагом, и от голода, зноя, повальных болезней.

Не успевшие оправиться от этого бедствия, каракалпаки, стремившиеся найти защиту под эгидой России, подверглись новому разорению (1743) со стороны казахского властителя Абулхаира, в ханстве которого состояли, а после его гибели снова и снова терпели всяческие утеснения от феодалов, находившихся в постоянных распрях из-за земли, пока зимой 1762 года не вынуждены были под ударами воинов султана Ералы покинуть свои хорошо обработанные земли и вместе с некоторыми казахскими родами Средней и Малой орды откочевать в незаселенные еще пространства Приаралья.

В этом новом великом бедствии — гонимые врагом, разоренные до нитки, бегущие в условиях ранней морозной зимы — каракалпаки потеряли две трети своего населения, погибшего от холода и голода в открытых степях и на завьюженных горных перевалах. А оставшиеся в живых, придя к устью реки Амударьи, впадаю-

щей в Аральское море, заселили никем до них не освоенные, богатые рыбой и дичью земли и в содружестве с ближайшими соседями — узбеками и перекочевавшими вместе с ними казахскими родами — начали земледельческое освоение новых территорий.

Жестокие исторические испытания заставили каракалпаков и здесь, на новом месте, вновь обратиться к России, возобновить переговоры о прямом к ней присоединении, которое избавило бы их от посягательств хивинских ханов, стремившихся огнем и мечом прибрать к рукам пришлый трудолюбивый народ. Усиление ханского произвола, все новые и новые поборы и притеснения вызвали народные волнения, вожаки которых ратовали за присоединение к Русской державе как единственное средство сохранить жизнь и целостность своего народа. Борьба за присоединение длилась сто лет и закончилась в последней трети XIX века победой прогрессивных сил — актом принятия правобережных каракалпаков в русское подданство. Тем самым народ каракалпакский присоединился к многим другим народам, стоящим у истоков зарождения новой исторической общности людей.

Конец XIX века ознаменован возникновением многосторонних взаимосвязей каракалпаков с Россией, экспедициями русских путешественников, усилением культурного взаимодействия с башкирами, татарами, казахами и узбеками, постепенным включением каракалпаков в политико-экономическую жизнь России, а позже — и в общероссийское освободительное движение.

Октябрьская революция, освободив все народы России от колониальной зависимости и предоставив каждому из них право самоопределения, открыла и перед каракалпакским народом, впервые обретшим свою государственность, путь в социализм в составе Союза Советских Социалистических Республик.

К революции каракалпакский народ пришел в условиях сплошной неграмотности. Грамотных было едва 2,5—3 процента населения, а ростки письменной литературы еще только-только начали выделяться из народно-поэтического искусства кочевых и полукочевых племен. До революции каракалпаки не имели своих печатных изданий, книг и газет. Даже зачинатели и классики каракалпакской письменной литературы Ажинияз и Бердах нередко творили свои произведения как импровизаторы, лишь после изустного исполнения записывая по памяти свой импровизированный текст. А исполняли они стихи и поэмы под аккомпанемент народного струнного инструмента дутара. Ныне поэтическое наследие народных певцов — бахсы и шаиров, в том числе и Ажинияза и Берда-

ха — восстанавливается и пополняется по рукописным спискам и даже по записям, принадлежащим поэтам стихов, бытовавших как народные песни.

Но за плечами зачинателей литературы каракалпаков был богатый народный эпос, обрядовая песня и песенное искусство безымянных и именитых бахсы и шаиров, в которых отражался исторически сложившийся идеал народа. Народный характер получил у каракалпаков воплощение в героическом эпосе, восходящем к соответствующим вариантам общетюркских эпосов, таких как «Алпамыс», «Гёроглы» или «Коблан». Но он явил миру и свое совершенно оригинальное творение — поэму «Сорок девушек» («Кырк кыз»). Прославляющий героизм девушек-воительниц, отстоявших родную землю от нашествия врага, этот древний эпос, который связывается с историей массагетов и сказаниями об амазонках, является, очевидно, и своеобразным памятником, отсылающим нас к периоду матриархата.

Процесс выделения индивидуального творчества из фольклора у каракалпаков (так же как у родственных им казахов, например) начинается во второй половине XVIII века. По-видимому, в преобладающих случаях поэты выходят из среды жырау (сказителей эпоса) и бахсы (исполнителей песен), деятельность которых связывалась и со своеобразным даром пророчества и истолкования значения сил природы в человеческой судьбе. И те и другие сопровождали свои выступления игрой на музыкальных инструментах. Поэты пользовались уважением среди народа, являясь своего рода общественными деятелями, участниками родовой борьбы и военных походов, нравственными наставниками масс, выражавшими интересы той или иной социальной группы своего времени.

Как в свое время и у казахов, выступления каракалпакских жырау и бахсы имели значение общественной трибуны, заменяли газету, книгу, театр. Это было не просто развлечение, а практическое участие в общественной жизни.

Не случайно первым известным по имени каракалпакским поэтом был Жиен-жырау. Он испытал на себе все ужасы джунгарского нашествия (1723 года), бегства «с белыми пятками» через пустыню и отразил трагедию каракалпаков в поэме «Разоренный народ», где раскрыл единственную реальную силу неимущего трудового народа перед лицом бедствия и гнета богатых родоправителей — единение и взаимопомощь.

Поэма «Разоренный народ» сочетает в себе характерные черты,

пришедшие к жырау от письменной восточной классики с традицией древнего эпического сказа, и новый, индивидуальный, если можно так выразиться, реалистический взгляд на окружающую действительность самого поэта — участника изображаемых им событий. На манер старовосточной повести («Книга путешествий») рисует Жиен-жырау странствия бегущего от иноземного врага героя, в пути удочерившего сиротку, потерявшего ее, отнятую у него насильником-баем, а затем счастливо возвращенную. Жиен-жырау изображает реальную картину общественных отношений (баи и в час всенародной беды сохраняют свой достаток и власть сильного, а беднота спасается лишь взаимной помощью и поддержкой). Правдиво рисует поэт и обстановку бегства: муки голода (отравление ядовитыми растениями), дает яркое описание пустынного пейзажа, а затем — обильного рыбой устья Амударьи, где поселился потерпевший бедствие народ.

Эти картины, созданные певцом-жырау в конце XVIII века, могут поспорить правдивой силой своего изображения с написанными уже в наши дни в романе «Сказание о Маман-бие» народным писателем Каракалпакии Каипбергеновым.

Не менее отчетливое, реальное вйдение мира найдем мы у шаира более позднего времени — Кунходжи (1799—1880), являющегося прямым предшественником классиков каракалпакской поэзии Ажинияза и Бердаха, его современников и учеников. (Если даты рождения и смерти Жиена-жырау неизвестны, то годы жизни последующих поэтов удалось установить.) В стихах Кунходжи уже отчетливо проступает новое качество поэта, ориентированного и на письменное творчество. Общее направление его поэзии, его основная тема (основная в каракалпакской поэзии и по сей день) — сохранение и благо народной жизни — берет свое начало в творчестве таких его предшественников — народных певцов, как Жиен-жырау. Но его поэтическое мышление уже несколько иное, как бы переходное от фольклорного к индивидуально-творческому. В своих стихах он упоминает туркменского классика Махтумкули. Посещавший в юности медресе, Кунходжа кое-что записывает из своих стихов, хотя метод их сложения остается во многом прежним. Ярче в этих стихах выступает и личность поэта — мы уже можем говорить о присутствии в них индивидуальности — лирического героя.

В «Обращении к полуслепому верблюду» рисуется горестный образ поэта, зачахшего от «ханской милости». Но и в этом стихотворении, как и во многих других, где участь поэта неизменно

сопрягается с долей угнетенного народа, звучит призыв к мудрому терпению и вере в лучшие дни:

Эй, Кунходжа, зря не скули —
Будь мудрым, как Махтумкули.
Сейчас унижен ты, в пыли,
А был — как молодой верблюд.[1]

В стихотворении «Камыш», где народ и его певец уподоблены камышу, увядающему на ветру, хотя корни его в воде, звучит призыв:

И все-таки жди доброй вести,
Держись, не сохни у воды!

Преследуемый властями за свои обличительные стихи, Кунходжа вынужден был скрываться. Он покидает пределы родного края, странствует в пустыне и по всему Хорезмскому оазису. Это путешествие обогащает творчество шаира реальными жизненными наблюдениями, а вместе с творческим ростом растет и его слава, привлекая к нему таких поэтов нового времени, как Ажинияз и Бердах.

На новую ступень поднимается каракалпакская поэзия в творчестве Ажинияза (1824—1878), родившегося в поселке у самого устья Амударьи и учившегося в лучших медресе Хивы, где его предшественником по учебе и своего рода поэтическим образцом был туркменский классик Махтумкули, почитаемый у всех тюркоязычных народов Средней Азии. Выступавший под псевдонимом Зийуар, Ажинияз был первым шаиром-каракалпаком, сочетавшим в своем лице поэта, бунтаря и просветителя.

Приняв непосредственное участие в Кунградском восстании хорезмских каракалпаков, казахов и узбеков (1858—1859), Ажинияз попадает в плен к ханским усмирителям в селении Бозатау, все население которого было уничтожено или продано в рабство. Потрясенный пережитым, он создал лучшее свое произведение — историческую песню «Бозатау», которую и поныне поют в народе под музыку, сочиненную самим Ажиниязом.

Ратовавший, подобно всем прогрессивным деятелям своего народа, за объединение каракалпакских родов и племен, разъединен-

---

[1] Фамилии переводчиков в подписях под цитатами из стихотворных переводов не указываются, если эти переводы включены в настоящее издание. — *Ред.*

ных хищническими набегами соседей, Ажинияз покидает родину, кочует с зааральскими казахами, а затем уходит к башкирам и татарам. Высокообразованный по понятиям своего времени поэт, глубоко освоивший традицию древневосточной классики и обогативший на этой основе каракалпакский стих, Ажинияз приобщается к жизни и поэзии татар и башкир, более тесно связанных с русской культурой. Ажинияз становится глубоким и тонким мастером лирики, разрабатывает ее жанровые разновидности: лирику гражданскую, философскую, любовную. Поэт-письменник, он одновременно бережно культивирует и традиционные народно-поэтические формы и жанры, участвует в айтысах (поэтических диалогах и состязаниях), исполняет свои стихи под музыку, созданную им самим. «Век земля с народом, при земле народ» — эти слова из поэмы-песни «Бозатау» могут служить девизом лирической поэзии Ажинияза.

В стихотворении «Не было», где перечисляются все достоинства и добрые намерения, присущие лирическому герою, поэт как бы подводит итог своей горестной судьбы, в которой не было условий для тех свершений, что были ему по плечу:

Мир чарующий явил мне, как у Лейли, лик,
Отнял разум, отнял разом помыслы мои.
Час настал зерно провеять — ветер вдруг поник;
Появился снова ветер, а зерна как не было.

И хотя мотивы скорби и разочарования нередко звучат в стихах поэта, не угасает, рвется через все преграды его пламенное слово:

Клокочет вещая моя душа —
Взволнованный родник напоминает,
Бурлит, наружу вырваться спеша,
Сель, рушащийся с гор, напоминает.

(«Напоминает мне. . .»)

И хотя не было у Ажинияза условий для того, чтобы широко развернуть просветительскую деятельность, его поэзия была и остается школой истинного народного искусства.

Поэт на свет рождается не часто.
Уходит он, чтобы стихом начаться. . . —

(Перевод Р. Казаковой)

так сказал о нем современный советский поэт Ибрагим Юсупов в стихотворении «Пропойте песню мне Ажинияза...». За Ажиниязом началась новая письменная каракалпакская поэзия, его «долгий взгляд» озаряет и стихи самого Юсупова, как некогда озарял творчество современника, дожившего до начала нашего века поэта-классика каракалпакской литературы Бердаха. Не случайны слова, сказанные Ибрагимом Юсуповым в стихотворении «Бердаху»:

Ты — песня, что босой по снегу шла,
А рядом горя цокали копыта,
Что в ветхой юрте рождена была
И бедами народными омыта...

Твои слова — вопль истины из тьмы,
И каждый стих твой подвиг, а не поза,
Его с мечом сравнить могли бы мы
Героя Ерназара-Алагёза.

(Перевод Р. Казаковой)

Бердах, изобразивший в своей исторической поэме подвиг Ерназара, возглавлявшего народные массы в их борьбе против хивинского хана за присоединение к России, и сам был непосредственным участником и вожаком повстанцев. Он вел за собой людей, вдохновляя их песней, в которой не просто оплакивал горестную участь неимущих и свою собственную тяжкую жизнь, но одновременно беспощадно разоблачал угнетателей и воспевал победную силу народного гнева. Его гражданская лирика, сатира, исторические песни и поэмы питаются из трех источников: взволнованного моря народной жизни, традиций народного эпоса и восточной классической поэзии. Изгнанник и скиталец, проведший всю жизнь в беспросветной нужде, Бердах был широкообразованным для своего времени и своей среды человеком. В его стихах мы встречаемся с именами Платона (Афлатун) и Аристотеля (Арастун), Бедиля, Навои, Физули и Махтумкули, а также и с именами героев народного эпоса Едиге и Алпамыса. Каракалпакский же народный эпос «Сорок девушек» («Кырк кыз») вдохновляет его в лучшем из его произведений, дастане «Царь-самодур» («Ахмак-патша»), на создание образа сорок первой жены хана, рыбачки Гулим, которая побудила всех сорок жен его к тайному сговору против жестокого тирана и самодура, сговору, окончившемуся восстанием народа и свержением насильника. Новое заключается здесь и в том, что сговор этот создается в защиту обреченных свирепым ханом на гибель

собственных его малюток дочерей, ставших как бы приемными дочерьми восставших бедняков.

Удивительно прямым и целостным видится нам путь развития каракалпакской демократической поэзии, берущей свое начало от народной песни-трибуны, объединившей в себе и скорбь, и мужество, и поющую душу каракалпака, и бессмертную мудрость, и высокое искусство Древнего Востока. Все ширящимся потоком разливается она, захватывая новые и новые явления и тенденции искусства и жизни на пути к демократической России.

Униженья для мудрых нет,
О народ мой, прими совет:
Если хочешь увидеть свет,
Путь в Россию надо найти! —

(«Найти бы»)

восклицает Бердах. Таким путем пошли и его потомки, и он вывел их к новой исторической общности людей — советскому народу. Но свое место в нем каракалпаки обрели именно потому, что вобравшие в себя мудрость веков такие поэты прошлого, как Бердах, твердо осознали в свое время:

Справедливых в мире царей
С сотворения мира не было.
Правду пишущих рифмачей
С сотворения мира не было...

...О господь мой, страшно сказать,
Как подла и корыстна знать;
Всё взяла, что мыслимо взять,
А того, кто давал бы, не было.

(«Не было»)

И всеми средствами своего поэтического слова, всей силой жизненного примера призывал Бердах народ свой к борьбе за светлое будущее, которое можно завоевать только героическими усилиями в битве за то, чего не было при жизни Бердаха, но что, по убеждению поэта, должно быть и будет у потомков.

Творчество классиков каракалпакской поэзии зачиналось и развивалось в системе народного импровизационного слова, обновляясь веяниями жизни, дополняясь опытом восточной классики, традиционные формы которой воспринимались и варьировались в со-

четании с канонами устнопоэтического искусства. Рядом с Кунходжой, Ажиниязом и Бердахом, предваряя их, сопутствуя или следуя за ними, выступали народные шаиры, жырау, такие певцы, как Гульмурат-шаир, творчество которого, тесно связанное с его трудом рыбака, отличается силой непосредственного чувства и вещностью изображения; как Сарыбай, обогативший каракалпакскую поэзию своими баснями; как Отеш-шаир, потомок Жиена-жырау, друг и ученик Бердаха, посвятивший смерти великого поэта самую проникновенную свою песню, яркий обличитель гнета власть имущих; как младший его современник Омар-шаир. Гневный сатирик и защитник бедноты (особенно вдвойне угнетенных женщин), Омар-шаир как бы соединяет век минувший с нашим столетием (он дожил до 1922 года) и передает первым советским поэтам эстафету демократического народного искусства с его идеалами и вековыми традиционными формами их воплощения.

Через все творчество шаиров, жырау, поэтов-письменников проходят сквозные темы: сетования на жестокую судьбу, на время, когда у трудящегося человека не было счастья и доли, когда давила его жестокая и враждебная сила всех и всяческих угнетателей, когда нужны были ему герои-защитники, доблестные носители справедливости. С волнующей горестью описывали они бесправное положение женщины, продаваемой как скот. Выражали они и добрые чувства к безответным «братьям меньшим», с которыми вместе тянули ярмо на скудной пашне («Обращение к полуслепому верблюду» Кунходжи, «Мой черный бык» Бердаха) и бедственное положение которых разделяли всей своей безрадостной жизнью.

Не случайно эти мотивы, равно как и восточноклассические формы поэзии (подчас идущие вразрез с новым содержанием), оказались присущими и первому поколению советских писателей. Не сразу возникли в каракалпакской советской поэзии пронизанные светом революционной действительности картины новой народной судьбы, ибо не сразу после победы революции установились в аульной глубинке новые, справедливые порядки. Отчаянно сопротивлявшиеся и ловко мимикрирующие феодальное байство и религиозные мракобесы еще стремились удержать, а местами и удерживали свою власть, устрашая население жестокими расправами басмачей. Бывало, что юноши и девушки, направлявшиеся в город на учебу, платили жизнью за свое стремление к свету, сельские коммунисты нередко гибли от байской пули, а наименее стойкие, темные бедняки становились жертвой религиозных предрассудков, запуганные ишанами и муллами, они делались их послушным орудием.

И такие стихотворения, как «Черный ишак», принадлежащее перу одного из зачинателей каракалпакской советской поэзии Аяпбергена Мусаева, посвятившего исполненное живого чувства слово павшему на пашне верному и безответному ишаку, отражают все еще гнетущие бедняка тяготы жизни. Однако даже подобные мотивы звучат уже по-новому, отмеченные доброй интонацией человечности, любви и жалости к тому, кто пал на своей борозде, отдавая последние силы труду, будь то человек или покорное ему животное.

Широкий ощутимый подъем каракалпакской советской поэзии начинается примерно в середине 20-х годов.

Ленин! Как призыв боевой трубы прозвучало это бессмертное имя по всей Стране Советов. В каракалпакской поэзии оно стало синонимом новой жизни, всего самого светлого на земле, а образ вождя революции — первым реалистическим образом нового человека, борца и героя народных масс.

Простите, если я не знаю лучших слов, —
Редчайшей редкостью в наш мир явился Ленин.
Он стал отцом для всех голодных и рабов,
Священны все места, где жил, трудился Ленин, —

(*«Ленин»*)

восклицает А. Мусаев. Идущий от корня народного творчества поэт и впрямь не знал новых слов, но особенную убедительность образа Ленина составило именно то, что поэт живописал вождя лучшими словами, пришедшими к нему из тысячелетнего художественного опыта Востока. Ленин А. Мусаева — ясный, как «лик луны», своим огненным словом расплавлял камни, сыпал тучи стрел на врагов, пел вещим соловьем о новой жизни, горел над землей пламенным цветком. И от его проникновенного слова, как от животворного дождя, вся земля покрылась ковром цветов, бай рухнул в прах, а бедняк сел на коня.

Как с равным говорил Ленин с каждым бедняком, ему верили все, ибо он породнился с народом:

Мне книжной мудрости учиться не пришлось,
Но главное сказать мне всё же удалось:
Заветы Ленина бессмертны! Всё сбылось,
Что нам предсказывал, к чему стремился Ленин!

В традиционной форме газели, с именем Ильича, повторяющимся, как рефрен, воспевает вождя революции другой каракалпакский поэт Сейфулгабит Маджитов, но он уже приближает свое поэтическое слово к газетной публицистике, находя точное определение деяниям Ленина:

Взять всю Вселенную и взвесить на весах —
Твой труд весомее, твой труд ценней, Ильич!
Свет человечности горел в твоих глазах,
Любил свободу ты, любил людей, Ильич.

(«Ильич»)

Новые темы, новые мотивы идут потоком, долго сохраняя традиционные изобразительные средства, которые, однако, постепенно смягчаются, становятся более гибкими, точнее соответствующими содержанию. В той же форме газели приветствует С. Маджитов «зарю свободы»:

Это утро свободы вступает в наш край,
Эй, измученный труженик, стан распрямляй,
Вся природа зовет: «Пробуждайся! Вставай!»
Оживился народ, — что же с нами случилось?

(«Заря свободы»)

На свой вопрос он сам ответит в другом стихотворении:

При ханах кем ты был, каракалпак?
Твой край темницей был, каракалпак!
Тебя глупцом, невеждой называли,
Рабом ты прежде слыл, каракалпак.

(«Каракалпак»)

Под бременем бедствий, обид и унижений не мог расцвести «древний дух» каракалпака. Теперь в «дальний край» каракалпака пришли со своей помощью большевики, и поэт призывает народ забыть «ночи скорбные» и, «засучив рукава», пуститься в новый путь, отринув дрему веков:

...Бессилен дремлющий народ,
Учись, вперед стремись из года в год, —
Свобода счастья нам не принесет,
Пока твой темен край, каракалпак.

Призыв к учебе становится лейтмотивом боевой каракалпакской поэтической публицистики с ее традиционной дидактикой и ориентацией на газету, которая открывает свои страницы для стихов. К народу, «к невестам и невесткам», к друзьям-джигитам, к «сынам отечества» обращают свое слово новые советские поэты, славя свои сбывшиеся мечты и напоминая о тех, кто, как Бердах, провидел будущее, обличая тьму прошедших времен («Учись!» Аббаза Дабылова). У Садыка Нурумбетова новая жизнь олицетворяется в образе светлой весны:

С улыбкой сладостной вступает в мир весна,
Душа ее светла, просторна и ясна, —
Цветут, красуются, огнем переливаясь,
Земля счастливая и неба вышина.

(«Весна»)

Вспоминая в своих стихах черные дни, когда даже природа угнетала и обманывала бедствующий, не находящий себе надежного приюта народ (стихи об озере Даутколь), поэт не забывает упомянуть стремительную своенравную Амударью — Джейхун (бешеную), которая сегодня, орошая земли, стала источником изобилия, света и радости. Осуждая рабское унижение женщины, обличая мрачную власть обманщиков порханов (колдунов), религиозных мракобесов всех мастей, невежество и бескультурье, доставшиеся в наследство от темного прошлого, поэзия Нурумбетова зовет народ в колхозы, к радостному коллективному труду, воспевает женщину-труженицу — хлопкороба и трактористку. Такая поэзия становится новой трибуной на всенародной великой стройке трудового счастья свободного и гордого своей светлой судьбой каракалпака.

Откликаясь на радостный зов грядущего, едет поэт на Тахиаташ:

Еду к тем, кто сплотился в могучую рать,
Чтоб народу богатство и счастье создать,
Еду к нашим батырам — героям труда,
Чтоб крылатыми песнями их вдохновлять!

(«Еду на стройку»)

Каракалпакская поэзия прошла путь развития, характерный для других новописьменных литератур Советского Востока. В первые послереволюционные годы она воспевала новый справедливый строй

языком устной народной поэзии, который преобладал и в произведениях шаиров-письменников, обогащенных к тому же традицией старого Востока. Затем в поэзии наступает полоса принципиального отказа от традиционных форм устнопоэтической и восточноклассической традиции. Новая жизнь должна быть воспета новыми словами, считают поэты советской Каракалпакии. Справедливо причисляя себя к пропагандистам нового общества, они ориентируются на газету — не только в области идей, но и в форме их воплощения. Они еще не стремятся к художественной емкости образа, к созданию характера человека, а выступают глашатаями социальных перемен, воспевают труд рабочего, воина и земледельца, разоблачают врагов новой жизни, славят своенравную реку Джейхун, орошающую посевы, призывают бороться под знаменем Ленина, учиться в новой светлой школе. Таковы стихотворения и поэмы М. Дарибаева, Х. Ахметова и других.

В стихотворении «Учитесь, дети!» Науруз Жапаков, например, пишет:

Старье закрыто
На замок,
Чтобы никто
Открыть не мог.
А новый свет
Горит, лучист!

Препятствий нет —
Садись, учись.
В работу школа вас
Берет,
Культура масс
Идет вперед.

(Перевод Н. Панова)

Если на первых порах такое обращение к газете было плодотворным, так как помогало выражению новых понятий и устремлений широких масс, то вскоре отрыв от культурного наследия дал о себе знать прозаизацией стиха, сухостью и схематизмом. И поэзия вновь, но уже на более высоком уровне обращается к народно-поэтической и древневосточной традиции, к ее красочному языку, к богатейшим формам стихосложения, а главное — к воспеванию чувств человека. В творчестве поэтов первого советского поколения своеобразное возрождение традиции особенно ярко сказывается в годы Великой Отечественной войны, когда, чтобы показать военную доблесть, поэты обратились к богатырским образам народного эпоса и старовосточной классики. Еще не современный красноармеец, но уже осовремененный Рустам стоит у гвардейского знамени своего полка в стихотворении «Гвардейское знамя» Жапакова. Постепенно картина народной жизни в его стихах оживает. Вместо общих рассуждений о пользе, которую несут на поля воды

Амударьи, возникают зримые образы и краски. Волны бешено мчащейся реки напоминают поэту смех девушек:

Как смех девичий — плеск бегучих вод,
Как нежный смех — журчанье струй целебных,
Стремятся волны, словно хоровод
Красавиц в древних повестях волшебных...

...Издревле, может быть, родней всего
Душе твой шум, немолчный, неспокойный.
Ты — благодать народа моего,
Душа живая ты равнины знойной.

(«Амударья». Перевод В. Державина)

Но классическая традиция возрождается в стихах каракалпакских поэтов уже не сама по себе, но в сочетании с чертами реалистического искусства других народов нашей страны, с которым каракалпакская поэзия приходит во взаимодействие. Развивается пейзажная лирика. В традиционных для народов Востока мотивах времен года образное пластичное описание природы соединяется с изображением свободного труда. Традиционное воспевание луноликой красавицы дополняется чертами трудовой доблести, ее красота уже не только внешний облик — в ней отражен новый народный идеал. Маленький сборник стихов Науруза Жапакова «На берегах Аму» наглядно демонстрирует характерные черты плодотворно развивающейся новой поэзии. Вслед за образом Ленина возникают в каракалпакских стихах образы все новых и новых положительных героев: девушки ударницы Айхан («Стихи о красавице Айхан»), старого зоотехника Жумана («Рассказ о Жумане»):

Жизнь проживших строго,
Он один из стариков,
Повидавших много.

(Перевод А. Чепурова)

Наряду с богатырской отвагой в нем сочетается нежная любовь ко всему живому. Ветеран войны, не побоявшийся, защищая колхозный скот, вступить в единоборство с тигром, он, еще не оправившись после больницы, сел на коня искать пропавшую жеребую кобылу, а найдя ее в степи уже с жеребенком, заговорил с ней, как с человеком, поздравляя ее с потомством.

Стихи поэтов среднего поколения, воспринимая обновленную традицию пейзажной лирики, сочетают ее с растущим разнообразием и внутренним обогащением образов современников. Произведения таких поэтов, как Галым Сейтназаров например, позволяют говорить о наличии уже целостного реалистического образа лирического героя, не просто воспевающего новую жизнь, а представляющего собою яркий и своеобразный характер нового человека.

Взаимообогащаясь и развиваясь в процессе все расширяющихся взаимосвязей с другими литературами народов нашей страны, каракалпакская поэзия не только сохраняет, но и углубляет свой национальный характер. Жаркое дыхание пустыни веет в стихотворении И. Юсупова «Глаза ящерицы», таинственный отсвет огней ворвавшихся в степь автомашин мерцает в ее зрачках. Нежный ветерок жайлау (летнего пастбища), шуршание его шелковых трав исходит от стихов Галыма Сейтназарова. «Не быть камнем» — так называется сборник стихов Матена Сейтниязова, раскрывающий духовный мир современного каракалпака.

По традиции философская лирика каракалпакских поэтов через одухотворенный пейзаж ставит общие вопросы бытия, живописует нравственный кодекс народа, черты его национального характера. Новым содержанием наполняются в этих стихах традиционные образы черного тала, цветка, степных трав и кустарника, животных: верблюда, коня. Живучий, стойкий, упорно ищущий живительную влагу в глубинах недр безводной пустыни — таким предстает образ упорного в своем мудром терпении каракалпака в стихотворении Ибрагима Юсупова «Саксаул»:

В зной и стужу растет саксаул на сыпучей гряде,
Право жить на земле добывает он в тяжком труде:
Как бурильщики скважин, упорные, твердые корни
Прах бездушный сверлят, пробираясь к соленой воде.

(Перевод С. Северцева)

Подобный же метафорический прием и в стихотворении Матена Сейтниязова «Корни», где поэт, обращаясь к цветущему на горной круче колючему янтаку, спрашивает:

Не объяснить его природу.
Иль корни столь его длины,
Что он живительную воду
С любой достанет глубины?

И тут же дает разъяснение:

Наверно, нет травы упорней,
Но всё ж янтак не одинок:
Питающий людские корни
Родник не менее глубок!

(Перевод А. Землянского)

Не от корня ли того самого «Камыша», который еще первый классик-письменник каракалпаков Кунходжа призывал стоять, не сохнуть у воды, ведут свою родословную и саксаул И. Юсупова и янтак М. Сейтниязова? С другим стихотворением Кунходжи, изображающим терпение и стойкость как исконные черты национального характера, перекликается стихотворение М. Сейтниязова «Верблюд». Старый, загнанный, полуслепой верблюд у Кунходжи, согласно исторической обстановке его времени, служит поэту для разоблачения ханского произвола, а сопоставление силы молодого верблюда и цветущей молодости поэта — с той жалкой дряхлостью, к которой привели их беспощадное угнетение и жестокость власть имущих. У М. Сейтниязова иная задача. Художник нового, справедливого строя, он печется не о социальной справедливости, а о справедливости духовно-нравственной (отдавая тем должное и увлечению советских литераторов морально-этической темой). Несправедливо считать бесчувственным и равнодушным верблюда, основываясь на том, что это — сильное животное, которое может долгими днями нести тяжкий груз через знойную пустыню без глотка воды, довольствуясь колючей травой. Нет, верблюд терпит свою участь, но он тяжко страдает, и, будь его воля, он безусловно выбрал бы себе иную «планиду», чем та, что выпала на его долю.

А выпала — и нет спасенья:
Не хочешь, хочешь ли — влачи,
Верблюд... Такое назначенье!
Шагай пустыней и — молчи.

Но, что бездушен он, — напрасны
Слова: обидчив, нравом крут,
Свой неуклюжий и пристрастный
Вершит известный самосуд...

(Перевод А. Землянского)

Наивно было бы относить подобные стихи всецело к проблеме охраны природы. Нет, здесь, в этом стихотворении звучит призыв быть внимательным к человеку, уметь сквозь грубую порой оболочку рассмотреть внутренний мир, самую душу по той или иной причине страдающего человека.

Подобным же призывом к уважению истинно человеческого мужества и красоты исполнено стихотворение Ибрагима Юсупова «Фазан», где поэт рисует картину гибели подстреленной птицы, до последнего мига борющейся за жизнь. Собаки и люди бросились уже на подранка,

Но, не желая покориться,
Пытаясь выжечь смерть дотла,
Как пламя, трепетала птица,
Сопротивлялась и жила!

Не жалость даже, а восторженное преклонение, нравственный урок звучат в словах поэта:

И я подумал, птицу славя,
Что нужно пламенно мечтать,
Любить, как пламя,
Жить, как пламя,
И, пламенея, умирать!

(Перевод О. Дмитриева)

Так мотивы скорбного терпения сменяются в каракалпакской поэзии мотивами пламенной борьбы за жизнь. Особое место занимает в ней тема женщины, в прошлом наиболее бесправного человека среди людей Востока. От восславления женщины в труде, когда, по сути дела, не она сама, а лишь ее ударный труд являлся героем стиха, поэты идут к раскрытию взаимообусловленности ее гражданских и человеческих качеств. Хвалу невестке, которая озарила дом своей улыбкой, украсила веселым сноровистым трудом, воздает Жолмурза Аймурзаев. Сегодня он не только замечает ее деловитость и полезный труд, но и слышит звонкий голос, ощущает ароматное тепло кос, любуется сияющей красотой молодости:

Улыбнешься — день прекрасный,
Молвишь слово — каплет мед,
А в глазах любовь не гаснет,
Поселилась и живет.

(«Невестка». Перевод Н. Горской)

Высокой поэзией звучит у Ибрагима Юсупова любовь к женщине, прекрасной и в своем материнстве, и в ясности раскованного чувства. Первая любовь становится темой каракалпакской лирики, и стихи советских поэтов о счастливой любви, как и в далекие времена прошлого, ложатся на музыку и уходят в народ.

Показателем нового, высокого уровня каракалпакской любовной лирики становится маленькая поэма И. Юсупова «Аллея Анны Керн», вдохновленная пушкинским «чудным мгновеньем» и свидетельствующая об органическом восприятии каракалпакской поэзией русской классической традиции:

Я жалею поэта, пусть он и велик,
Если не пережил он, горя вдохновеньем,
Тот короткий, единственный, может быть, миг,
На века остающийся чудным мгновеньем... —

так говорит поэт, рисуя аллею Анны Керн, которая протянулась по всей жизни поэта, маня его мечтой «за придуманной Анной». Это дорога, ведущая через немеренные версты России, вздыбленная конскими копытами, омытая слезами Бахчисарайского фонтана, то исчезающая в дыму и пыли, то сверкающая под солнцем, дорога, ведущая поэта за призраком его идеала свободы и счастья, но приведшая к Черной речке, где

Вечным гимном свободе, борьбе и любви
Негасимо горит на снегу кровь поэта.

(Перевод Р. Казаковой)

Успешно развиваются сегодня в каракалпакской литературе эпические жанры поэзии: баллада, поэма. От философско-дидактического жанра толгау она постепенно идет к реалистическому эпосу: бытовой балладе о юности, стремящейся к новой жизни, за которую иной раз приходится отдать и свою жизнь («Двадцать два» М. Сейтниязова, «Баллада о двух деревьях» Н. Жапакова), к героической поэме о прошлом («Томирис» И. Юсупова) и настоящем («Степные мелодии» Г. Сейтназарова, «Степные грезы» И. Юсупова). Но о чем бы ни повествовала каракалпакская поэма, она неизменно сохраняет национальное своеобразие, тесную связь с поэтикой народного творчества, с высоким словом устного предания и живым лиризмом народной песни.

Десятки лет вдохновенного и кропотливого труда понадобились для того, чтобы создать новую каракалпакскую многожанровую поэзию, развитую и обновленную в процессе братского взаимодействия с многонациональной советской литературой, ныне представленную такими именами, как Жолмурза Аймурзаев, Ибрагим Юсупов, Улмамбет Хожаназаров, Тлеуберген Джумамуратов, Тулепберген Матмуратов, имеющую право сказать: «Я видеть мир хочу как на своей ладони!» (М. Сейтниязов). Сегодняшняя поэзия каракалпаков, вышедшая в этот мир, по праву обогащает его своим вдохновенным словом.

З. Кедрина

I

ЖИЕН-ЖЫРАУ

Жиен Тагай улы, известный в народе и в литературе под именем Жиена-жырау, — знаменитый каракалпакский поэт и жырау, т. е. сказитель, исполняющий под аккомпанемент кобыза героические поэмы. Сохранились сведения о том, что в репертуаре Жиена-сказителя были такие монументальные дастаны, как «Сорок девушек» и «Маспатша».

Скудные биографические данные, собранные о поэте, гласят о том, что происходил он из каракалпакского рода Муйтен, жил в низовьях Сырдарьи, в первой половине XVIII века. Жиен прославил свое имя как автор замечательной поэмы «Разоренный народ», выдержанной в форме толгау, стихи которой не имеют строгой системы рифмовки. Поэма посвящена важному историческому событию в жизни каракалпаков, свидетелем и участником которого был сам Жиен.

Сначала опустошительное нашествие джунгар в 1723 году, а затем полчищ хана Абулхаира в 1743 году вынудили каракалпаков покинуть родную землю — Туркестан (вдоль среднего течения Сырдарьи) и переселиться в другие места. С 1743 года миграция в основном шла в юго-западном направлении, в район Хорезмского оазиса (низовья Амударьи). Переход по безжизненной пустыне Кзылкум обошелся переселенцам дорогой ценой. Обнищавшие, лишенные воды и пищи люди массами гибли в пути, устилая трупами дорогу от Туркестана до Хорезма. В это скорбное время Жиен продолжал играть на кобызе и слагать новые песни, желая этим морально поддержать соплеменников. «Больше я ничем не мог помочь своему народу», — с горечью вспоминал поэт.

Поэма поражает своим полнокровным реализмом, верностью в изображении жестокой действительности, минимальным количеством поэтических условностей. Как подлинный сын народа, Жиен-жырау изобличает богатеев, оставивших без всякой помощи бедный люд и благополучно перекочевавших на новое местожительство.

Существует правдоподобное мнение, что Жиен был автором песни «Прощайте, друзья». Из нее можно заключить, что из Хорезма Жиен снова вернулся в Туркестан. Но добраться до «отцовского края» он так и не смог: в пути, в ауле Аккамыш (южная Каракалпакия) старый поэт заболел и скончался.

1. РАЗОРЕННЫЙ НАРОД

В Туркестане, в стране отцов,
Мы пристанища не нашли.
Хоть работали целый год,
Не хватало на ползимы
Хлеба оскудевшей земли.

Черная настала беда —
Лет засушливых череда.
От набегов ханских страдал,
Вымирал, погибал народ.
Истлевали трупы людей
На песке пересохших рек.

Налетели со всех сторон,
Пировали стаи ворон.
Беззащитен был человек.
И от горя у дев степных
Косы черные расплелись.

По арыкам вместо воды
Волны крови нашей лились.
Сына не мог отец спасти,
Сын — отца от беды увести.

Старухи со сгорбленной спиной,
Старцы преклонных лет
Не могли поспеть за кочевкой вслед,
Отставали в пути.

Непогребенными остались они,
Не смогшие Кызылкум перейти,
От голода ослабли они,
Брели еле-еле они.

*

Разоренный каракалпакский народ
В богатый Хорезм пошел:
Бросил пастбище, пашню, дом,
В Туркестане — в краю родном —
Он пристанища не нашел.

Одиноким и нищим, нам,
Обездоленным беднякам,
Наши главные не помогли —
Были склонны к жестокости и греху
Восседавшие наверху.
Наш казий дела неправедно вел,
А ишан развратен был, как козел.

Всё, что есть у нас, вымогали они,
Пыткам нас подвергали они,
Людей, не повинных ни в чем.
Солнца правды скрывая лицо,
Горе наше усугубляли они.

Эй, джигиты, братья мои!
По пустыне вы разбрелись.
На плечах своих ношу влача,
Не нашли в пустыне ключа,
Чистой влагой не напились.
От голода ослабели вы,
Лицом потемнели вы,
Ваши руки, могучие еще вчера,
Словно у больных, затряслись.

День померк. Закрутил снеговей.
Мы не видели ясных дней.
Мы голодные шли в степи снеговой
С непокрытою головой.

Наши матери на руках
Плачущих младенцев несли.
Пересохло у матерей молоко,
Только слезы из глаз текли.

И не знает бедная мать,
Чем ребенка слезы унять, —
Нечем ей дитя накормить.
А несчастный отец — покровитель семьи —
Чем поможет? Ведь должен он
Котел на спине тащить.
Ах, бедные матери! Где ваш след?

Ах, бедные девушки! Где ваш цвет?
Наши почтенные старики,
Где былая сила вашей руки?
Вы не в силах шагу ступить.
Почтенные — как жалки они!..
Бредут, опираясь на палки, они,
Измученные, — опять и опять —
Садятся они отдыхать.

Кучками в пустыне маячат они.
Отстали...
Садятся и плачут они.
И некому их спасать.

Как овца, отбившаяся от отар,
Возвращались к ним сыновья,
Уводили, словно на поводу.
А старик говорит: «Дорога долга...
До Хорезма я не дойду!»

*

О, страдания матерей!
Опираясь на сыновей,
Через силу они бредут.
Из последних сил сыновья
Матерей несчастных ведут.
Сил источник в них изнемог.
Со словами: «Прощай, сынок!»
Умирают они в пути.

Чтоб одеть умерших, саванов нет,
И заплаканные сыновья,
Облачив умерших в клочья тряпья,

В ямах хоронят их.
Ставят знаки, чтоб на обратном пути
В пустыне их след найти.
Ах, джигиты, джигиты мои,
Дорогие мои друзья!
Вы уходите дальше — в степь.
Неотступно за вами — я.
Мы бредем поредевшей толпой
Средь пустыни этой скупой.
Много было женщин с детьми,
Что ушли к хорезмским садам.
Разоренным же счета нет,
Что брели по нашим следам.
Нет страданий в мире лютей,
Чем страдания малых детей.
Неразумный ребенок грудной
Плачет...
Детский услышав крик,
Дыбом становится волос мой,
Прилипает к нёбу язык.
Матери ноги едва волокут,
Не бросают малюток — несут.
Сколько молодых матерей
По дороге умерло тут!
Распеленатых их детей
Средь пустых безлюдных степей
Черные вороны клюют.

О погибшие молодые сердца,
Без защиты, без матери и отца,
Как весенний цвет, облетели вы,
В пустыне истлели вы!
Ничего, чем славится белый свет,
Увидать не успели вы!
За неделю, как цвет степной,
В зное дня обгорели вы.
Ваша гибель запала в душу мою!
Пусть об этом я спеть могу,
Что за толк вам, родные, в том?
Чем я вам теперь помогу?

*

Владелец бесчисленных табунов
Коня вам не дал во дни беды.
Ваши слезы видел мираб,
Но ни капли не дал воды.
Хозяин неисчислимых отар
Мог бы дать вам хоть малый дар.
Нет... Безропотно голодали вы,
Толпами умирали вы.

О погибшие малютки мои!
Что вы можете нам сказать
О безжалостных, несправедливых, злых
И о том, как пришлось голодать?
Ах, джигиты, джигиты мои,
Дорогие мои друзья!
О лишениях, постигших нас,
Рассказать сумею ли я?
Трое суток минуло, как мы ушли
Из Туркестанской земли.
И за этот короткий срок
Девяносто и четырех из нас
Досчитаться мы не смогли.
Не от болезней пали они,
Под пытками умирали они.
Наши баи не от нужды
Вздумали откочевать,
А чтоб нас вконец разорить,
Чтоб народ в рабов превратить! —
Вот что замышляли они.

«Там, в Хорезме, жизнь хороша!» —
Людям обещали они.
Наша жизнь им дешевле была гроша.
Нам в пустыне голодным пришлось брести.
День четвертый прошел в пути —
И сто сорок умерло человек.
Жаль мне их, ушедших навек,
Бросивших отчизну свою!
И беру я в руки кобыз
И печальную песню пою.

Родичи остались в глухой степи,
Матери остались в скупой степи,
Дети потерялись в нагой степи, —
Степь рассеяла нашу семью.
Полей поливных не имели мы,
Чтоб колосья на них налились.
Кобылиц степных не имели мы,
Чтобы в чашках кипел кумыс.
Не было иноходцев у нас,
Что широкой скачут юргой.
Не было белой юрты у нас,
Где бы отдых найти и покой.
Не было ни мяса у нас,
Ни куска лепешки сухой.
Не было одежды у нас,
Чтоб укрыться от стужи ночной.
Мы на лоне отчей страны
Были баями разорены.
Всё они прибрали к рукам,
Ни зерна не оставили нам!
Матери седые мои,
Отцы дорогие мои,
Скитальцами стали вы,
Еле ноги влача, брели...
А путь бесконечно далек.
Ваши слезы, как каменный град,
Падали на песок.
Слез не стало под веками глаз.
Восемь суток в пути прошло —
Триста сорок еще человек
Замертво полегло.
Страшно было на них глядеть,
Страшно их теперь вспоминать,
Но казалось, что лучше — смерть,
Чтобы муки такой не знать.
И беру я в руки кобыз,
Начинаю рассказ вести
О девочке, о сиротке Мнаим,
Потерявшей мать и отца
На страдальческом том пути.
Ей тринадцать исполнилось лет.
Черноброва, лицом смугла,

Красива она была,
Пуглива она была.
Не было у нее никого,
Кто б ее в беде защитил.
Видя беззащитность ее,
Разрывалось сердце мое...
И отца я ей заменил.
Оставался голодным сам,
Для нее же кусок всегда
Чудом каждый день находил.
А она заботы мои
С благодарностью приняла
И меня отцом назвала.
Десять дней миновало в пути,
Десять дней
Смерть косила людей.
Миновало пять дней с тех пор,
Как осиротела Мнаим
И дочерью стала моей.

*

Собирайтесь, джигиты, в круг,
Напрягайте, джигиты, слух.
Чутко слушайте мой дастан!
Как-то ночью перевалили мы,
Словно гору, высокий бархан.
А когда заря поднялась,
К кочевью богатому одному
Мы с сироткою подошли.
Верблюдов их и ослов
Развьючить им помогли.
На кошмах, за обильной едой,
Сытые, сидели они,
Но сурово, грозно на нас,
Сдвинув брови, глядели они.
Я с поклоном к ним подошел,
Чтобы хлеба у них попросить —
Девочку мою накормить, —
Об ином не думал в тот час.
И откуда мне было знать,
Что несчастье постигнет нас?

Это был богатейший бай Ереке.
Отары его овец
Текли подобно реке.
Бесчисленные табуны
У озер паслись вдалеке.
С безобразным, мясистым лицом
На подушках, рядом с отцом,
Старший сын Ереке сидел.
Он поглядывал на нас,
Что-то, чавкая, жадно ел.
Обглоданный отшвырнув мосол,
Встал, рыгнул и к нам подошел.
Шею вытянув, вытаращив глаза,
На сиротку мою он глядел.
Мы попятились от него,
От ужаса онемели мы.
Ничего за работу не получив,
На плечи пожитки взвалив,
От кочевья того уйти
Поскорее хотели мы.
За полу халата схватив,
Байский сын меня сильно рванул.
Был я голодом изнурен,
Он же грузен, сыт и силен.
На землю меня повалил
И, рыгнув мне прямо в лицо,
Издеваясь, так говорил:
«А зачем тебе эта девчонка, бедняк,
Что с тобою к нам прибрела?
Где ты хочешь ее променять
На верблюда иль на осла?
Ты отдай мне ее по добру —
Я ее к себе в жены беру.
Если будет плохой женой,
За скотом ей ходить велю.
Если будет дерзка со мной,
Я ножом ее заколю.
Честь ей, побродяжке степной,
Если будет моей женой.
Ну какой твой теперь ответ —
Отдаешь ее или нет?»

Я сказал: «Она сирота!
Я остался ей вместо отца,
Чтобы с голоду не умерла,
Чтобы клювы черных ворон
Не коснулись ее лица,
Чтобы кожи ее драгоценный шелк
Не порвал ни шакал, ни волк!
Страшный грех — сироту обижать...»
Сбил меня он в песок пинком
И ударил по голове
Грузным своим кулаком.
Подбежали другие ко мне,
Принялись меня избивать.
К баю старому Ереке
Стал о помощи я взывать.
Подошел ко мне старый бай,
Длинный посох в его руке,
Посохом ударил меня.
Помутилось в моих глазах
Ясное сияние дня.
Я сознание потерял...
Сиротку мою в злодейских руках,
Крик сиротки отчаянный —
Вот что я
На пороге смертного забытья
Увидел и услыхал.

*

А когда я очнулся, открыл глаза,
Вижу: нет кругом никого.
Откочевали они давно,
Бросили меня одного
В пустыне, без капли воды,
Без помощи, без еды.
А когда прояснился мой взгляд,
Вижу, наклонившись ко мне,
Двое передо мной сидят,
«Ожил наконец!» — говорят.
Это родичи были мои,
Что со мною вместе росли.
От кочевки отстали они,

Не оставили одного
Друга старого своего.
В рот по капле мне воду вливали они.
Я, дрожа, с их помощью встал,
Опираясь на плечи их,
Через степь опять зашагал.
Было за́ полночь. Над землей
Ветер дул, порывистый, злой.
Туча по небу шла, черна.
Иногда в разрывах ее,
Высоко, близ ковша Плеяд,
Тусклая светилась Луна.
Ветер яростно налетал,
Подымая пустынный прах.
Шли мы медленно, тяжело,
С пожитками на плечах.
Это месяц был саратан.
Вечерняя закатилась звезда,
Плач совы доносился порой,
А когда уснула сова,
Над песками, пунцово горя,
Утренняя засияла заря.
Только Солнце подняться никак не могло
Из своего гнезда,
Там, где сходятся небо с землей,
Яблоком краснело оно.
Почему бы ему не краснеть,
Почему над землей не встать,
Если льется кровь по земле,
Если в стаи слетается воронье
Сердца наших братьев клевать?
Если баям привычно наших детей
За вьючный скот отдавать,
Если ханам привычно руки свои
Кровью нашею умывать?
Что же Солнцу теперь не взойти,
Месяцу не зайти,
Если голод косит людей,
Если в высохших руслах рек
Умирают и дети, и старики,
Облетают, как лепестки?

*

Уже Солнце высоко взошло,
Как свою кочевку догнали мы.
Родичи увидали нас,
Плакали, обнимали нас,
По кусочку лепешки сухой
Они отломили нам.
По крошечному куску казы
Они уделили нам.
Съел я мясо и черствый хлеб
И почувствовал, что окреп,
И легко я на ноги встал,
Уверенный в силах своих.
На привале том оставались мы,
Целый день дожидались мы
Отставших в пути родных.
Не было ликованью конца
Сыновей, повстречавших отца.
И когда оставшиеся в живых
Наши люди вместе сошлись,
Пищу поровну разделив,
Мы в поход опять поднялись.
Если вместе люди идут,
То не страшно встретить беду.
Мы тащили другу друга на поводу;
Скудные пожитки неся,
Переваливали барханы мы,
Высокие переходили холмы,
По́том склоны их орося.
Был у нас лишь один осел,
Мы навьючили на него
Убогое одеянье свое —
Одеяло, кошмы, рванье.
А новых вещей у нас
Не было ничего.
Трое суток в пути прошло,
Не осталось пищи у нас —
Съели мы свой скудный припас.
Снова голод, снова нужда,
Снова гибель видит народ...
Черепах мы хотели ловить,

Чтобы голод свой утолить,
А они не даются нам.
Ящериц хотели ловить —
Разбегаются по сторонам.
Старая пословица есть:
«В сеть голодного рыба нейдет!»
А в пустыне сухой,
В пустыне глухой
Лишь один саксаул растет.
Чтобы с голоду не умереть,
Саксауловую кору
Стали мы в порошок тереть.
Мы не знали, что яд в коре
Саксаул таит молодой.
От негодной пищи такой
Наши лица и ноги вдруг отекли,
Глотки начали опухать,
Голоса охрипли у нас
Так, что мы говорить не могли.
И когда мы вовсе изнемогли
И увидели: смерть пришла —
Саксауловых дров нарубили мы,
И зарезать решили мы
Единственного осла.
Чтобы не пропадало добро,
Кожу осла опалили мы,
Стали кожу ослиную есть,
А мясо приберегли,
В бурдюки его уложили мы,
А ослиный вьюк, разделив,
На плечах потащили мы.

А еще через два-три дня
Мы увидели море Арал.
На полуострове Айырша
Долгий сделали мы привал.
Всякой рыбой кишели там
Воды талые Амударьи.
Мы протоку вброд перешли
И на острове Мунайтпас
Наконец покой обрели.
От него на запад лежит

Место славное Тербенес.
Это старый песчаный кряж,
Паводки ему не грозят,
А с обеих его сторон
Зеленеет, растет куга,
Камыши, густые, как лес.
Дымные зажгли мы костры,
Чтоб укрыться от мошкары.
Из куги мы невод сплели,
В мелководье его завели.
Столько рыбы в невод зашло,
Что едва-едва свой улов
Мы на берег приволокли.
Жирной рыбой питались мы.
Голода не боялись мы.
Незаметно лето прошло.

И нежданно-негаданно вдруг
Снег пошел...
И белым-бело
Всё от снега стало вокруг.
Караваны уток и лебедей
Улетели к реке Жайык,
Стаи вольных счастливых птиц
Улетели на теплый юг.
А над нами буран бушевал,
Наступил жестокий мороз.
А у нас — ни пары сапог,
Не в чем нам в шугу ледяную лезть,
Чтобы в воду невод завесть.
Не было одежды у нас,
Чтобы тело в стужу укрыть.
Не было постелей у нас,
Ничего, кроме камыша,
Чтобы на землю постелить.
Снова нам пришлось голодать,
Чаша горькая наших бед
Переполнилась опять.

Там — в солончаковой степи —
Рос кустарник карабарак.
Мы сбивали с макушек этих кустов

Косточки обильных плодов,
На солнцепеке сушили их
И ели, очистив от шелухи.
Не было ни ступ, ни пестов,
Чтобы зернышки истолочь,
Не было ручных жерновов,
Чтобы их в муку размолоть.
Что карабарак ядовит,
Мы не знали тогда о том,
Многие умерли от него,
А живые мучились животом.
Чтоб избавиться от беды,
Мы целебных трав не нашли.
Корни сочные иногда
Мы выкапывали из земли.
Земляники там много росло,
Только снегом ее замело,
Трудно было ее искать,
И лопат не имели мы —
Из-под снега ее откопать.
Нас пришло туда десять юрт,
И в любой из них — что ни день —
Стали пó двое умирать.
Триста нас пришло человек,
А осталось сто пятьдесят,
Да и те тяжело больны.
Стало думаться нам тогда —
Не дотянем мы до весны...
Тот простуженный — на земле,
Весь охвачен огнем, лежит.
Тот от голодухи опух —
С почернелым лицом лежит.
Слабо бьются у них сердца,
Еле-еле они говорят.
Лишь глаза, страдальцев глаза,
Лихорадочно горят.
Так прошла лихая зима.
Умирали люди кругом,
Умирали ночью и днем...

А для тех, кто остался в живых,
Наконец наступила весна.

Прошлогоднюю нашу сеть
Поскорей починили мы
И в реку ее завели.
Хоть у берега толстый лед
Не растаял еще до конца,
Мы разделись, в воду вошли.
Хоть от той воды ледяной
Шелушилась кожа у нас,
Хоть потрескались до крови пятки у нас,
Боли не замечали мы,
Жили только надеждой одной —
Как побольше рыбы поймать.
На камушках, на помете сухом
Об улове гадали мы.
Нагадает один, что, мол, рыбы нет, —
Все его проклинали мы.
Нагадает другой, что, мол, рыба есть, —
Того обнимали мы.
С вечера поставивши сеть,
Не могли мы уснуть в ту ночь.
Изголодавшимся беднякам
Было спать в ту пору невмочь.
Нас тогдашних сравнить я могу
С человеком, который коня своего
Состязаться послал на байгу
И вестей с нетерпением ждет:
И тревога в сердце его,
И надежда в сердце его,
Что скакун его первым придет...
Так в ту ночь не спал наш народ.

Наконец забрезжил рассвет.
Поскорей на плечи взвалив
Корзины из камыша,
Поспешили на берег мы.
От волнения в ту пору у нас
Подступала к горлу душа.
От студеной рассветной росы
Пробегала по телу дрожь,
Резкий ветер с просторов морских
Лица нам царапал, как нож.
От ударов ветра того

Ноги онемели у нас.
Руки закаменели у нас.
Только к берегу мы подошли,
Видим: тонким ледком затянулась вода.
А на чистой воде, вдали,
Виднеется наша сеть.
Страшно было в ту пору нам
В ледяную воду войти.
Но решили: лучше иль умереть,
Или вытащить нашу сеть.
Сбросили одежду свою
Храбро все, кто двигаться мог.
На канате друг друга держа,
Разбивая палкой ледок,
В воду по пояс забрели,
Добрались до сети своей.
Поглядели — а в ней полно
Усачей, сазанов, лещей.
От радости не помня себя,
Мы подняли крик и шум.
Жирных рыб за жабры хватали мы,
Клали их в корзины, в мешки, —
И откуда силы взялись!
До восхода солнца выбрали мы
Всё до рыбинки, весь улов, —
И на берег приволокли.
Крупных рыбин сочли — девяносто две,
Ну а мелочи счета нет.
Воротились мы с уловом домой
И взялись готовить обед.
Притащили и мелочь всю —
Ведь и воблой брезговать грех.
Разделили мы наш улов
Поровну на всех.
От радости женщины слезы льют,
Братьями нас зовут.
А как кончили мы дележку свою,
Оказалось: пришлось на семью
По пяти сазанов больших,
Не считая рыбин других.
Были так велики и жирны
Нами пойманные сазаны,

Что хватило и одного,
Чтоб насытилась вся семья.
Над котлами клубился пар,
Клокотал в них густой навар!
Наконец-то мы сыты вновь.
От обильной пищи у нас
Оживилась, согрелась кровь,
Все болезни наши прошли.
Стон мучений в стане умолк,
Сгинул бедствий смертный поток,
И впервые за этот год
Вспомнили мы песни свои
И запели, как соловьи.

Ах, джигиты, джигиты мои,
Хорошо, когда сукна, бархат и шелк
Бережет окованный медью сундук!
Стада верблюжьего красота —
Одногорбый могучий нар.
Хорошо, когда много скота!
Человека одежда должна украшать.
А в голодный год, чтобы хлеба купить,
Можно шелк дорогой продать.
А когда ты в довольстве живешь —
Ты одежду себе найдешь.

Вспомните, джигиты мои,
Сколько мы претерпели бед!
Вспомните, что каждый из нас
Был голоден и раздет!
Разоренный мы были народ.
А когда залучили мы
В нашу сеть богатый улов,
Чтобы высказать радость, нам
Не хватало в ту пору слов.
А джигит, говорит народ,
Время попусту не проведет.
Отдохнув после сытной еды,
Чуть закатом зардел небосклон,
Взяли сеть, зашагали мы
Бечевой на дальний затон.
Сеть на нем поставили мы.

А на утро стало тепло,
Словно летом, Солнце пекло.
Как стекло, блестела вода,
А по зеркалу светлых вод
Белоснежный лебедь плывет.
Над затоном чайки летят,
Сердце криками веселят...
Осторожно мы в воду вошли,
Посмотрели — улов у нас
Больше, чем вчерашний, в пять раз.
Много жирных мы выбрали там
Сазанов и усачей,
Много рыбьей мелочи там
Застряло в ячейках сетей.
В корзины и в травяные мешки
Всю рыбу поклали мы.
Целый день, до вечерней зари,
Улов свой таскали мы.
Мелочь рыбью выбрали всю,
Ничего не бросали мы.
С той поры, джигиты мои,
Перестали мы голодать —
Изобилье настало у нас,
Стали рыбу мы продавать.

Ах, джигиты, джигиты мои!
Нас тогда от гибели спас
Этот островок Мунайтпас!
Если люди дружно живут,
Не страшны им горе и труд.

И опять расцвел наш народ.
Мы хозяева сами себе —
Баи стали нам не нужны,
Ханы стали нам не страшны.

Стали вялить рыбу, солить,
Продавать ее повезли
И кибитки из толстой кошмы
И одежду купили мы.
По благодатным тем берегам,
По бесчисленным островкам

Нашей матери Акдарьи
Стали мы кугу молодую косить,
Чтоб из нее циновки плести.
Мы сплели их в пору летней жары
Добротные, как ковры.
И настала радость у нас,
Небывалая никогда.
Дружно все работали мы,
Не жалея сил и труда,
Коз достали, овец и коней, —
Расплодились наши стада.

Ах, джигиты, джигиты мои!
Вы послушайте повесть мою:
О старинном горе моем
Я еще вам песню спою.
Я свой звонкий кобыз возьму —
И давно минувшие дни
Из забвенья подыму.

Я в те дни о сиротке Мнаим
Не переставал тосковать.
Из-за жгучей печали моей
Перестал я в ту пору спать.
И решил: мне надо идти,
Мне сиротку надо найти,
От неволи ее спасти...

Я с друзьями держал совет
И такие слышал слова:
«Ну куда ты, старый, пойдешь?
Где ее ты, бедный, найдешь?
Да и вряд ли она жива!
Как она уцелеть могла
У злодея бая в руках?
Ты один — в пустыне умрешь!
И останется непогребенный твой прах
В раскаленных солончаках!»

Не понравился мне их совет.
Но один из них мне сказал:

«Если хочешь искать, иди!
Эту девочку помню я.
Ты найди ее, приведи!
Пусть живет среди нас она
В наши лучшие времена
Пусть поет она соловьем!
Друг, ты будешь не одинок —
Мы пойдем с тобою вдвоем.
Коль жива она до сих пор,
Мы ее с тобою найдем.
Коль мертва она, прах ее
Мы с собой возьмем, унесем.
Мы всю правду должны узнать,
Сами всё должны увидать».
Не остановленные никем,
Вышли утром мы налегке.
Я, привыкший скитаться давно,
Лишь один кобыз захватил.
Добровольный мой спутник-друг
Хлеб тащил за спиной в мешке.
Ради той сиротки моей
Мы ушли в пустыню — искать,
Где кочует бай Ереке.

В солонцах пустыней глухой
Мы с ним четверо суток шли.
Ни колодца, ни капли воды
Мы в дороге той не нашли
И от жажды изнемогли.
А на пятый день, поутру,
Нам блеснули в лучах зари
Воды светлой Амударьи.
Подошли мы к горам Каратау,
К Ходжа-Колу едва доплелись
И прохладной чистой водой
Из горстей наконец напились.
В светлом озере искупались мы,
И, решив до вечера отдохнуть,
Новой силой наполнив грудь,
Тыквенные бутыли свои
Чистою наполнив водой,
Через перевал Каратау

Радостно мы двинулись в путь.
Мы в пути убивали волков,
Шкуры снимали с них.
Волчья шкура — мех дорогой,
На спине мы таскали их.
Мы прошли по ущельям гор,
И открылся пред нами опять
Голубой степной кругозор.
Эта местность была хороша —
Зеленели по берегам озер
Заросли камыша.
Увидали мы там стада,
Поздоровались с чабаном.
Целый день мы с ним провели,
Целый день разговор вели.
Разузнали мы у него,
Где кочует бай Ереке.
Спрашивал я о сиротке моей,
Слезы ронял из глаз.
Внимательно посмотрел он на нас
И сказал: «Друзья, если так,
Я скажу вам. Отсюда невдалеке
На кочевку стал Ереке.
Я всего лишь батрак его.
На крутом зеленом холме
Белая юрта бая стоит.
Не ходите прямо к нему,
Чтоб не натерпеться обид...»

Выждав время, к тому холму
Осторожно мы подползли.
Вдруг знакомый голос, полный тоски,
Мне послышался издали.

Забыв обо всем, я к ней подбежал, —
Что была мне любая гроза?
Усталое лицо увидал,
Заплаканные глаза.
За руки взял ее и спросил:
«Помнишь ли ты меня?
Как мы шли из родной страны,
Как в пути твой умер отец,

Как в пути умерла твоя мать,
Помнишь ли, милая ты моя?
Что тебя я удочерил,
Покровителем стал твоим,
Но в несчастье не защитил,
Ты меня за это прости!..»

Узнала меня, растерялась она,
Слова вымолвить не смогла,
Крепко шею мою обняла,
Зарыдала, забилась в моих руках
И утихла вдруг, обмерла.
А когда очнулась она,
«Как нам быть?» — мы стали решать.
Не откладывая, сговорились мы
До рассвета в ту ночь бежать.
А когда закат отгорел
И большой богатый аул
Без тревог в тишине уснул,
Дочь моя названая пришла.
Трех коней арабских кровей
В поводу она привела.
Статен, ладен, красив на вид,
С ней пришел молодой джигит.
Бай угнал ее кобылиц доить,
И поэтому, может быть,
Что она табунщицею была,
С молодым, отважным джигитом она
Дружбу крепкую завела.
Поздоровался с нами джигит,
Молвил: «Доброго вам пути!
Вы садитесь на этих коней,
Уходите отсюда скорей!
Я сумею ваш след найти».
Как родных, он нас провожал.
Я глядел на дочку мою Мнаим —
Узнавал и не узнавал.
В шелковый золототканый наряд,
Как джигит, одета она,
А в руке у нее меч боевой,
Сталь булатная обнажена.
За свои унижения этим мечом —

Чуть Луна в тумане ночном
Искривленной саблей взошла —
В тот же вечер дочь моя этим мечом
Баю голову отсекла.

«Пусть в согласье люди живут!
Пусть на баев беды падут!» —
Так все вместе сказали мы.
Крепко отомстивши врагам,
Сели мы на резвых коней
И как вихрь домой понеслись.

Так сбылась наконец мечта
Дорогой сиротки моей!

КУНХОДЖА

Кунходжа (1799—1880) — один из наиболее даровитых и популярных каракалпакских поэтов, подлинное имя которого — Жиемурат. Сын бедных родителей, он жил и творил на побережье Аральского моря. Сначала Кунходжа учился в аульном мектебе, потом в медресе Каракум-ишана. Прервать обучение в последнем ему пришлось, по-видимому, из-за преследований, которые заставили его покинуть родные места.

Кунходжа был жнецом и пастухом, батрачил, много странствовал по Кзылкумам и Хорезмскому оазису. Пафос его стихов — беззаветная любовь к народу и ненависть к его угнетателям — ханам, биям, ишанам. Неслучайно произведения Кунходжи получили столь широкое признание в народе. Они расцениваются как образцовые примеры для подражаний. У поэта появляются последователи, в числе которых был и молодой Бердах.

Лирика Кунходжи глубоко социальна по содержанию и отличается впечатляющей наглядностью своих образов. Самое известное произведение поэта — сатирическое стихотворение «Обращение к полуслепому верблюду».

2. ОБРАЩЕНИЕ К ПОЛУСЛЕПОМУ ВЕРБЛЮДУ

Скажи, верблюд полуслепой,
Худой, с трясучей головой:
Ойсылкара — защитник твой,
С ним, неустанным, ты знаком?
Есть покровители скота:
Великий Жылкышы-ата,
Занги-баба, Шопан-ата,
С их древним станом ты знаком?

А с тем, кто святости достиг,
Кто даже птичий знал язык,
Кто был владыкой из владык, —
С ним, Сулейманом, ты знаком?
Ты дряхл, прошел ты долгий путь,
Лишь вид верблюдицы чуть-чуть
В тебя способен жизнь вдохнуть,
Но снова поникаешь ты.
Покорный горестной судьбе,
В своей ты страшен худобе,
Хоть петля смерти на тебе,
А всё еще шагаешь ты!
Твой путь был горек и тяжел,
Теперь ты стар, понур и гол.
Когда ты в этот мир пришел,
Наверно, сам не знаешь ты!
Был Чингисхан, и был засим
Хан знаменитый — Мадреим,
А ныне правит Мадамин, —
Их всех, наверно, помнишь ты!
Нет у тебя среди людей
Ни господина, ни друзей.
Где зубы в челюсти твоей?
Не разжуешь и сена клок!
А если местным мясникам
Тебя на мясо я продам,
Смогу ли по моим деньгам
Купить насвая хоть кулек?
Когда бы свел я на базар
Хивинского владыки дар,
Навряд ли, так ты слаб и стар,
Я оплатить проезд бы мог!
Твои скупились господа,
Скудна была твоя еда,
Ты, видно, голодал всегда,
Измученный, больной верблюд.
Ты сух, как выкопанный пень,
На черную походишь тень,
С двумя горбами набекрень,
Невиданный, чудной верблюд!
Нет шерсти на твоих боках,
Нет мяса на твоих костях,

Дивлюсь я, как ты не зачах
В песках, в глуши степной, верблюд.
Стар, как стариннейший дастан,
Ты, видно, мне в насмешку дан.
Уж лучше обделил бы хан,
Чем наградил тобой, верблюд!
Ты дряблым стал, угас твой пыл,
Лишился ты последних сил,
Ты жалок в старости, а был
Когда-то неплохой верблюд!
Вот подарили бы, любя,
Мне верблюжонка от тебя,
Я б вырастил твое дитя,
Род расплодил бы твой, верблюд.
Эй, Кунходжа, зря не скули —
Будь мудрым, как Махтумкули.
Сейчас унижен ты, в пыли,
А был — как молодой верблюд.

3. КЕМ Я СТАЛ

Что я видел, явившись на свет?
Жизнь влача день за днем, кем я стал?
Даже сердцу под бременем бед
Тесно в теле моем... Кем я стал?

Был джигитом и я удалым,
Но надежды исчезли, как дым.
Презираем, унижен, гоним,
В этом стане чужом кем я стал?

Посмотрите, каков я на вид,
Я по горло унынием сыт,
После горестей всех и обид,
Не повинный ни в чем, кем я стал?

И шубенка моя не годна,
И дырявая юрта бедна,
Из надежд не сбылась ни одна,
Я кажусь стариком, — кем я стал?

Мне глаза помутили года,
Голова, как у старца, седа,
Спину мне изогнула нужда,
Обглодала живьем, — кем я стал?

Я без матери рос, сиротой,
Я, бездомный, скитался порой,
Был затравлен я злобной ордой,
Сокрушенный врагом, кем я стал?

Песнь моя оглашала сады,
Я раздумия знал и труды,
Но лишь горя собрал я плоды...
Изнуренный трудом, кем я стал?

Хоть не дожил до старческих лет,
Зубы выпали, памяти нет...
Что я видел, явившись на свет?
В этом мире глухом кем я стал?

4. ДОХЛАЯ РЫБА

Разбилось сердце от тоски:
Протухли даже плавники —
Гниет на берегу реки
У старого причала рыба.

Едва она попала в сеть,
Почуяла: «Не уцелеть!»
И впрямь пришлось ей умереть,
Хоть и рвалась сначала рыба.

Где юности ее разгул?
Исчез, как счастье, утонул,
Труху чешуек ветер сдул,
Дохлятиною стала рыба.

Видать, в затылок ей враги
Вогнали жало остроги,
И, лопнув, брызнули мозги...
Так жить ты перестала, рыба.

5. ВМЕСТЕ СО СТРАНОЙ

Не обижай безвестного тихоню,
Услышь укор в его вседневном стоне.
Я говорю: чем человек влюбленней,
Тем сладостней свершение любви.

Когда народом правит царь жестокий,
Один — в парче, с других — дерут оброки.
Те, что сбирают золота потоки,
Подобно мясникам, всегда в крови.

Коль человека судит царь сурово,
Не отличая доброго от злого
И милосердного не знает слова, —
С таким царем печальны дни твои.

А надо возвещать лишь правду с трона,
О благе общем печься неуклонно,
И справедливо применять законы,
И принимать решенья со страной,

Всегда идти друг другу на подмогу,
Быть вожаком, во тьме найти дорогу,
Нужду и зло не допускать к порогу, —
Всё делать в единенье со страной.

Взлетишь на небо, коль душа крылата,
Богат и ты, когда страна богата,
Тот, кто мечте народа верен свято,
Достигнет возвышенья со страной.

Коль учит старший брат тебя бывалый,
Коль твой арык в реке берет начало
И коль твоя рассада не увяла,
Жить будешь в наслажденье со страной.

Цветник, в плохие времена цветущий,
В железной клетке соловей поющий,
А вкруг дворца — садов роскошных кущи —
Позор страны, глумленье над страной!

Кто сел в седло, свою возвыси славу,
Кто всех гнетет, кто попирает право,
Кто жалует лишь родичей ораву, —
И тот, увы, в общенье со страной.

В палатах пышных дастарханы стелят,
Царей и ханов ублажает челядь,
Они пируют, а народ их делит
Страданья и мученья со страной.

Все мраморные храмы, мавзолеи,
Луна, планеты, ханы, богатеи —
Всё, что есть в мире, держится на шее
Раба, чей жребий — горе и нужда.

Лишь тот живет, обласканный судьбою,
И мнит, что украшает мир собою,
И пользуется радостью любою,
Чьи тучны и бесчисленны стада.

Но чтоб народ был добрым, человечным,
Чтоб и во тьме сиял он светом вечным
И жил, ликуя, в счастье бесконечном,
Бороться надо вместе со страной.

Джигит про все опасности забудет,
Ничто его отваги не остудит,
Джигиту путь не страшен, если будет
Он спутником невесты дорогой.

Так радуйся тому, что жив на свете!
Пускай лишь горе знал ты в годы эти,
Ты — человек, за род людской в ответе,
И непреклонным будь в любые дни.

Махтумкули и Магруфи хотели
Окольными путями выйти к цели,
Но яростной реки не одолели,
Всю жизнь стеная прожили они.

Я слезы лью: вокруг глухие стены,
Коль буду говорить я откровенно,

Яд моих слов учует враг мгновенно...
Глаза мои застлала пелена.

С мечтой прощусь. Жизнь, как тюрьма, сурова.
Что делать здесь, когда на мне оковы?
Но я уйду, не проронив ни слова
Тебе в укор, мой край, моя страна.

Предсказывай грядущее. Награда
Посмертная — вот вся твоя отрада.
Замолкни, Кунходжа! Пред смертью надо
Одно сказать: «Прощай, моя страна...»

6. КАМЫШ

Ты много мук изведал тоже,
И листья у тебя желты,
Как братья, мы друг с другом схожи,
Немало горя знал и ты.

Твои побеги чахлы, слабы,
Утратили зеленый цвет,
Тебе давно цвести пора бы,
Но и на это силы нет.

Ты из воды растешь, а жажды
Не можешь утолить своей,
Под дуновеньем гнешься каждым,
Хоть много у тебя корней.

Держаться трудно в скользкой глине,
Меж тем прошел весенний срок,
А лета нету и в помине,
За что же нас карает бог?

Тебя в дугу сгибает ветер,
С твоих метелок пух седой
Нераспустившихся соцветий
Он рассыпает над водой.

Гляжу — уже в начале лета
Успел ты, бедный, пожелтеть,

И не видать тебе расцвета,
Коль так дела пойдут и впредь.

И все-таки жди доброй вести,
Держись, не сохни у воды!
Смотри: я так же, как и ты,
Стою на очень скользком месте.

7. МОЙ КРАЙ

Из Туркестана прадеды мои
Пришли искать покой в чужом краю.
Здесь годы детские мои прошли,
Здесь рос я, озорной, в родном краю.

Уйдем на берег озера, грустя,
Косить камыш — пять косарей и я.
В Тэрис-тобе ведет тропа моя,
Обижен я судьбой в родном краю.

Пусть ложный слух вас не введет в обман —
Не знали мы болезней или ран,
Мы шли к Ырзы от острова Ержан,
Гонимы нищетой в родном краю.

Ловили рыбу мы невдалеке —
В реке Токсан, потом в Мантык-реке,
Больших сомов, дремавших в тростнике,
Мы били острогой в родном краю.

Здесь Ибрагим, мулла Абдимурат,
Глухой на оба уха Измурат,
Здесь наши племена — Кыят, Кунград,
Живем большой семьей в родном краю.

Мы уповаем: в Жалайыр, сюда,
Придет на наши пастбища вода,
Как девушка к джигиту. Я всегда
Надеждой жил такой в родном краю.

Гулял я с девушкою, ел и пил,
Добросердечным, дружелюбным был,

Всех ближних одинаково любил —
Я был самим собой в родном краю.

В Бекман-шагыл, куда вода пришла,
Где раньше степь была, как лоб, гола, —
Отарам байским нет теперь числа...
Как хорошо весной в родном краю!

Я в детстве жил на озере Айрша,
Где волны плещутся, песком шурша.
Терпел я боль, невзгоды, но душа
Была всегда живой в родном краю.

Я говорю, а нá сердце тоска:
Мечты мои, не мучьте бедняка!
Но жив и крепок человек, пока
Он на земле родной, в родном краю!

Я видел мир, во многих жил краях,
Знал труд и дружбу, знал тоску и страх,
Но горести меня не стерли в прах —
Я пребывал душой в родном краю.

Обширен был муйтенов старый род,
Рождались дети в юртах каждый год,
Но гибли многие... В плену невзгод
Томились мы тоской в родном краю.

Иным достичь желанного дано,
Удел других — страдание одно.
Безумцем, обездоленным давно,
Живу я — всем чужой — в родном краю.

8. КОМУ НУЖЕН?

О, если есть еще края,
Где не слыхали соловья,
В таком глухом краю, друзья,
Кому цветок пахучий нужен?

Когда бегущий с гор поток
Не в силах напоить росток,

Не разольется в должный срок,
Кому поток могучий нужен?

Коль сокол, высмотревший дичь,
Не испускает гордый клич
И не желает дичь настичь,
Кому подобный сокол нужен?

Коль не мелькает пес, как тень,
Не перескочит и плетень,
Увидит зайца — гнаться лень,
Кому брехун подобный нужен?

Коль не послушен конь узде,
Коль неразборчив он в еде,
Ленив на скачках и в езде,
Кому скакун подобный нужен?

Нет перед дедами заслуг,
К врагу бежит, как лучший друг,
И дело валится из рук, —
Кому урод подобный нужен?

Не копит гнева с каждым днем,
Не победит в борьбе с врагом,
Ни силы, ни упорства в нем, —
Кому боец подобный нужен?

Душа за ближних не болит,
Людей в беде не защитит,
Все голодны, один он сыт,
Кому вожак подобный нужен?

Несправедлив к народу он,
Не слышит страждущего стон,
От бедствий прячется за трон, —
Кому такой правитель нужен?

Суд справедливый не по нем,
Лицеприятен он во всем,
Чудак на празднике людском, —
Кому такой советчик нужен?

Скота в загоне — не сочтешь,
А людям пользы — ни на грош,
На волка жадного похож, —
Кому такой стяжатель нужен?

Шумит ручьем, а не рекой,
Бесстыдно хвастает собой,
А для врага — лишь звук пустой, —
Кому такой воитель нужен?

Не слушает отца и мать,
Их не желает почитать, —
Что старикам от сына ждать?
Кому такой наследник нужен?

Не видишь солнечных лучей,
Не слышишь, как звенит ручей,
Сам не поешь, как соловей,
И так всю жизнь... Кому ты нужен?

АЖИНИЯЗ

Ажинияз Косыбай улы (1824—1878, литературный псевдоним Зийуар) родился в ауле Ашамайлы-Кыят, на южном побережье Аральского моря — у самого устья Амударьи.

Приехавший учиться в Хиву, Ажинияз сперва занимался в медресе Шергазы, а затем окончил медресе Кутльмурат-инака (в медресе Шергазы до него учился и туркменский поэт-классик Махтумкули, поэзия которого оказала благотворное влияние на творчество Ажинияза). Молодой поэт не ограничился зубрежкой религиозных текстов в тесных и полутемных кельях медресе; он жадно поглощал знания об окружающем мире. Это чувствуется во всем творчестве Ажинияза. Поэт мечтал о просвещении своего угнетенного, «прозябающего в глуши» народа.

Кунградское восстание 1858—1859 годов, явившееся одним из крупнейших событий в истории народов Хорезмского оазиса, перевернуло всю жизнь Ажинияза и определило его судьбу как поэта.

Населявшие Хорезмский оазис каракалпаки, узбеки-аральцы и казахи, доведенные до отчаяния гнетом хивинских ханов, осенью 1858 года поднялись на борьбу за свою независимость. Они обратились с просьбой к русскому правительству оказать им помощь. Однако успехами развивающегося повстанческого движения воспользовались туркменские феодалы, сначала поддерживавшие его, а затем превратившиеся в полновластных хозяев положения. Не без влияния эмиссаров английского империализма новоявленные кунградские властители отказались от русской помощи, а недовольный народ подвергли жестоким репрессиям, которые вызвали его восстание. В результате ослабленный Кунград снова стал добычей Хивинского ханства. При кровавом подавлении восстания особенно пострадали те каракалпаки, которые жили в местности Бозатау. Множество людей было ограблено, убито, оставшиеся в живых были угнаны и проданы в рабство.

Непосредственный участник Кунградского восстания, Ажинияз

был одним из его идеологов. Поэт разделил участь тех бозатаусцев, которые попали в плен и были угнаны врагами. Тяжелые испытания, обрушившиеся на соотечественников, и породили знаменитую историческую песню Ажинияза «Бозатау», которая стала одной из самых популярных национальных песен каракалпакского народа. Ажинияз был и автором мелодии к ней.

Бозатауская трагедия омрачила мечту поэта о светлой судьбе народа, о его единстве. Начинается долгая скитальческая жизнь Ажинияза вдали от родины. Он уходит к казахам, живущим за Аральским морем, а затем еще дальше — в Оренбург, Татарию, Башкирию, в уральские степи.

Ажинияз внес весомый вклад в арсенал изобразительных средств каракалпакской классической поэзии, обогатив ее ценнейшим опытом восточной классики. Он хорошо знал сочинения Навои, Физули и Махтумкули. Ажинияз был и большим мастером традиционных поэтических состязаний — айтыс. Особенно большой популярностью пользуется его айтыс с казахской поэтессой Кыз-Менеш. Этот айтыс двух поэтов был опубликован в 1878 году в Ташкенте в газете «Туркистан уалаяты».

9. БОЗАТАУ

Суждено уйти нам в неизвестный край,
Мы должны расстаться, славный Бозатау.
Слезы наши льются... Ты прощай, прощай,
Мы должны расстаться, славный Бозатау.

Век земля с народом, при земле народ,
Горе нас, изгнанье, безземельных, ждет,
Не избудем боли, захиреет род,
Ты кормильцем был нам, славный Бозатау.

Здесь на свет явился, рос я и взрослел,
Скакуном арабским век свой мчать хотел,
Жизнью наслаждался, хлеб твой сытный ел...
Мы должны расстаться, славный Бозатау.

Я к беседе доброй первым делал шаг,
Первый был затейник, первый весельчак,

Но тебя покинуть вынуждает враг,
Мы должны расстаться, славный Бозатау.

Сад был соловьиный — стал вороний стан.
Изболело сердце, в голове туман.
Разорен врагами и Кийсык Порхан,
Вытоптан, разграблен, славный Бозатау.

Мать в Гургене чья-то, — страшный был набег;
Чьи-то братья, сестры угнаны в Атрек;
Чья-то дочь в Хаджаре проживет свой век,
Многие в неволе, славный Бозатау.

Вопли раздавались громкие окрест:
Больно отрываться от родимых мест.
Всадники пленили плачущих невест,
Гнали, разлучали с милым, Бозатау.

Вот юнец чубатый смотрит на отца:
В Шам, в Ирак ли в рабство продадут юнца —
Навсегда разлука, нет на нем лица!..
Гурд ли, Тегеран — всё рабство, Бозатау.

Чья-то дочь в тончайший облеклась атлас,
Схвачена злодеем, так и не спаслась.
Свет Луны и Солнца для родных погас,
Дева, твой разделит жребий, Бозатау.

Сотни их, приятных мягкостью речей,
Стройных, цветоликих, с теменью очей,
Волею аллаха, властью палачей
Где-то на Балканах будут, Бозатау.

Тех, что равны были красотой Лейли,
Чьи зарей румяной щеки расцвели,
Гордых, крутобровых, — в плен их увели.
Век им жить в неволе тяжкой, Бозатау.

Слышал, пред рассветом началась пальба.
Вольным спал — проснулся с участью раба:
Руки мне связали — где уж тут борьба...
Был врасплох захвачен сын твой, Бозатау.

Многие хлебнули горя от туркмен:
Тех они убили, тех угнали в плен.
Разоренье — целых не осталось стен,
Плач стоял повсюду громкий, Бозатау.

Тот в сраженье сделал свой последний вздох;
Тот, скота лишившись, жив, но нищ и плох;
Тот, с детьми расставшись, от тоски иссох —
Это не конец ли света, Бозатау?!

Все-таки причина наших бед — Кунград,
Сейилхан жестокий также виноват.
Где Ашамайлы и где теперь Кыят?
Без людей, без пастбищ ныне Бозатау.

Храброго джигита участь тяжела.
Нет людей... Сгорело, что горит, дотла.
В сердце мне вонзилась жгучая игла —
Всеми ты покинут, славный Бозатау.

Связанный, плененный, ухожу в слезах.
Нет защиты — только ты один, аллах.
Полное безлюдье на твоих дворах,
Всеми ты покинут, жалкий Бозатау.

Был главою здешним ты, мулла Пирим,
Наш народ гордился б именем твоим.
Будь же, муж ученый, ты защитой им.
Всеми ты покинут, бедный Бозатау.

За спиной остался разоренный рай.
Зийуар льет слезы и твердит: «Прощай!»
Будет жив — вернется он в любимый край.
Всеми ты покинут, скорбный Бозатау.

10. НЕ БЫЛО

Я сазом золотым в руках красавиц был, —
Только милой вдохновить меня на песню
не было.
Гордым соколом стремительно я в небо
взмыл, —
Только ловчие мои охотниками не были.

Наша жизнь порою состоит лишь из невзгод,
Так зачем аллах ее без радостей дает?
В тень бегущего джейрана путник не войдет, —
Никогда еще такого в жизни этой не было.

Стан мой, как «алиф», был строен; ныне он — как «дал», —
Слезы горькие пролил я. Вот еще беда:
У дороги груз мой ценный как бы не пропал —
На базар его доставить каравана не было.

Пущен мною сокол в небо. Где он, где сам я?
Вот базар мой разошелся после полудня.
Пропустил я караван, что шел вблизи меня, —
В думах пестрых мысли о дороге не было.

Никому не выдавал я сокровенных тайн,
Подвергал себя лишеньям часто здесь и там.
И в моем чертоге скромном, что возвел я сам,
Гостя, с кем бы поделиться горем, не было.

Мир чарующий явил мне, как у Лейли, лик,
Отнял разум, отнял разом помыслы мои.
Час настал зерно провеять — ветер вдруг поник;
Появился снова ветер, а зерна как не было.

Так судьба, заставив птицу по цветам скучать,
Как Меджнуна, по пустыням начала гонять.
Обрекла меня на муки — мне ли их не знать?
Я с лихвой невзгод отведал, но конца им не было.

Неуютна и пустынна родина вдали,
Там теперь кричат вороны, пели — соловьи...
Зийуар вам скажет правду: я еще не жил,
Никогда еще веселья в сердце моем не было.

11. МОЙ НАРОД ЕСТЬ

Если хочешь узнать о народе моем, Кожбан,
Все мои соплеменники в шапках, словно казан.
Отзовитесь, Кунград и Кытай, отзовись, Кенегес:
Мой народ существует, вернее — он есть!

Сторона моя славная, славный Ургенч, а там,
Где покоится море, — раздолье тучным стадам,
Если нет приглашенья, никто не появится сам.
Но Кунград приглашает, поскольку он есть.

Здесь найти можно всё, но не надо совсем искать
Здесь не пугана дичь, на озерах полно утят,
Над озерами лебеди так грациозно летят!
Здесь есть всё, что на свете прекрасного есть.

Никогда он не выдаст за правду явную ложь,
Он с прямого пути ни за что не сойдет, не трожь!
Малодушного, труса не ставит народ мой ни в грош.
Мой народ существует, вернее — он есть!

То ль Лейли светло́ улыбнулась сейчас тебе,
То ль Зухра появилась случайно в твоей судьбе,
Так — не так, но призна́юсь легко я себе,
Что у нас очень нежные девушки есть.

Вдруг на пальцах изящных и тонких, словно тростник,
Бирюзовый красивейший перстень сверкнул-возник,
Золотое кольцо отразило прекраснейший лик...
Ах, какие красивые девушки есть!

Кенегес и муйтены, кунградцы — мало ли нас!
И Кытай, и Кипчак, и Мангит — скажу без прикрас, —
Каждый род дал на диво храбрейших джигитов у нас.
Нашим бекам хвала: в них достоинство есть.

Он высок, словно тополь, и строен, как тополь, он,
И, конечно, в красивую де́вицу он влюблен,
А увидев врага, он становится словно огонь.
Вот какие джигиты у нас еще есть!

Никогда не отступит он в схватке с ханским борцом,
Чье огромное тело словно налито свинцом.
Пусть же знают все люди красивое это лицо —
У кунградцев борцы-силачи тоже есть.

Ёрназар-кенегесец правил народом своим, —
Выше трон вознесся горделивой Хивы!..

Но сегодня я счастлив, пожалуй, всего лишь одним —
Счастлив тем, что прекрасный Хорезм у нас есть.

Вспоминая о нем, я ликую почти всегда,
Вспоминая о нем, я тоскую почти всегда...
Сутилмек там цветет по три раза в году иногда —
Вот какая прекрасная ягода есть!

У пруда, где прохлада, пышное дерево есть,
Здесь приятно вкусную дыню медовую съесть.
Геурек поспевает, алея... В степи, а не здесь,
У нас сочная, вкусная ягода есть!

Слово сказано к месту, и это уже добро.
Как волшебна земля, та, которую я обрел!
Здесь целебны все травы, я всё для себя здесь нашел,
Всё, что только душа пожелает, здесь есть.

Пусть поет шинкобыз. Веселится пусть и грустит.
Пусть весна у джигита цветет в молодой груди —
Это девушки с легким кокетством зовут: приди!
До чего же красивые гурии есть!

Но окутан печалью я. Серый туман в глазах,
Я скиталец, иду по чужбине опять в слезах.
Нет сильнее тоски — словно мимо промчалась гроза.
Есть печаль у меня непроглядная, есть.

Так, гонимый судьбою, в ваши попал я края,
Отличить от дурного хорошее смог бы и я.
Обо всем рассказал, что душа сохранила моя...
У народа поэт Зийуар бедный есть.

12. КРАСАВИЦА ИЗ БОЗАТАУ

Подобна ты в поле ромашке... Твой мед
Пчелу от цветка отречься заставит:
Пусть взгляд твой стрелу, как из лука, метнет —
Он звезды от ночи отречься заставит.

Увидел тебя — и лишился я сил,
От Солнца, Луны я лицо отвратил,

Терпенье мой пыл от меня отлучил,
Меня ж от терпенья отречься заставит.

Ты тонкою талией — вся в муравья;
От перстней лучащихся — света струя;
Коль речь слаще меда услышит змея,
Змею от укрытья отречься заставит.

Пучина Джейхун мне сегодня близка;
Улыбку ты спрячешь — нагрянет тоска,
Любви сокрушающие войска
И душу от тела отречься заставят.

В ноздрях у тебя золотой аребек,
Глаза твои — гибель мне, вражий набег,
Ургенча владычицу Туребек
Погонят, от трона отречься заставят.

Глаза твои душу мою обнажат,
Все старые раны разбередят,
Они Зийуара в пути совратят,
Кяфира от веры отречься заставят.

13. КАК ПАХАРЮ НУЖНА ЗЕМЛЯ...

Чтоб и принять и угостить приехавших друзей,
Джигиту, хочешь или нет, а быть при деньгах нужно,
Чтоб со спокойным сердцем жить под кровлею своей,
Владеть богатою казной и сундуками нужно.

Отвага юноше нужна, чтоб, как прибой, бурлить;
Отчаянность душе нужна, чтоб в небо воспарить.
Чтоб острой шуткой мог твой сын гостей развеселить,
Веселым, умным воспитать его с годами нужно.

Послушайте, что вам, друзья, поет мудрец седой:
Плодов у черной ивы нет, склоненной над водой;
Чтоб весел был лихой джигит, супруге молодой
Чудесным станом колыхать, играть бровями нужно.

Задире кулаки нужны, сраженье — храбрецу,
Бедеу нужен быстрый бег, соперники — борцу,

И даже кляче чуть живой, худому жеребцу
Хвостом и гривою трясти и прясть ушами нужно.

Как пахарю нужна земля, волы и семена,
Так соловью царица роз душистая нужна,
А рыбаку, чтоб сеть его была всегда полна,
Иметь надежную ладью под парусами нужно.

А чтоб товары в Чин-Мачин и Бухару везти,
Чтоб в Русь отправиться, чтоб связь с Гератом завести,
Чтоб на большой базар попасть, не задержась в пути,
Верблюдов мощных бы иметь с двумя горбами нужно.

14. НУЖЕН

Коль мужествен и храбр джигит
И сердцем для людей открыт,
Отвагой грозной знаменит, —
Такому друг надежный нужен.

Коль в дальний путь джигит влеком,
Спешит в сражение с врагом
И машет яростным клинком, —
Такому предводитель нужен.

Богач, владелец многих стад,
Таким послушным слугам рад,
Что, впроголодь живя, молчат, —
Богатым безответный нужен.

Вор — для родителей позор,
Коль староста в ауле — вор,
Он на любую подлость скор
И куш ему немалый нужен.

Коль царь помешан на деньгах,
Дворцы возводит на костях,
А в подданных вселяет страх, —
Ему поход военный нужен.

А бедняку война не впрок,
Для бедняка тяжел оброк,

Ему лишь мирный огонек,
Покой и хлеб насущный нужен.

Рабу, живущему в нужде,
В неволе, холоде, в беде,
Кому удачи нет нигде, —
Тому свободный жребий нужен.

Чтоб радость знал Ажинияз
И чтоб мечта его сбылась,
Чтоб в мире правда прижилась —
Ему, друзья, век долгий нужен!

15. ЖИЗНЬ ОДНА, И СПАСЕНЬЯ НЕТ...

Пой же, друг мой, как соловей,
Жизнь одна, и спасенья нет,
Разлучиться с душой моей
Мне придется, сомненья нет.

Как цветок, отцветает душа,
К Азраилу пойдет душа,
В этом мире живет душа
Так немного — спасенья нет.

Был несметно Карун богат,
Всех богаче он был стократ,
Но и он был в могилу взят,
Как в зиндан, — тут сомненья нет.

Коль ты стал сиротой — беда,
Коль ты в ссоре с родней — беда
А с женой жить дурной — беда,
От которой спасенья нет.

Коли вырос невежей сын,
Он позор для твоих седин,
Коли маешься ты один —
Сам виновен, сомненья нет.

Можно счастье твое украсть,
Можно деньги отнять и власть,

Но страшнее всего — напасть,
От которой спасенья нет.

А моя душа — как река,
И спешит за строкой строка,
Щедра божья ко мне рука, —
Счастлив я, тут сомненья нет.

Говорит вам Ажинияз:
Звезды смотрят и днем на нас —
Цвел Саид Али, но угас
Даже он! Нам спасенья нет.

В сердце — горе, тоскует плоть,
Смерть же песней не побороть.
Ничего мне не дал господь,
Кроме песни. Спасенья нет!

16. НАПОМИНАЕТ МНЕ...

Клокочет вещая моя душа —
Взволнованный родник напоминает,
Бурлит, наружу вырваться спеша,
Сель, рушащийся с гор, напоминает.

Припомню радости минувших дней,
И рвется пламя из груди моей,
Мне жизнь в Хорезме, полная затей,
Теперь счастливый сон напоминает.

В чужом краю томлюсь я, сиротлив,
На грудь печально голову склонив.
Коль человек в родном краю счастлив —
И впрямь султана он напоминает!

А кто разлуки чашу пьет до дна,
Кому судьбой чужбина суждена,
Клокочет, как речная быстрина,
Себе ж морской прибой напоминает.

Каким бы ни был удалым джигит,
Недолго он в огне любви горит, —

Он соловья, что в цветнике гостит
Всего десяток дней, напоминает.

Я по земле скитаюсь день за днем,
Себе пронзил я сердце острием.
И кто хоть раз в Хорезме был моем,
Бальзам целебный мне напоминает.

Всё Зийуар сказал, что думал он, —
Услышь, аллах, его мольбу и стон!
Вестей лишен, с Хорезмом разлучен,
Сейчас безумца он напоминает.

17. ПРОЩАЙ ЖЕ!

(Поэт обращается к своему отцу)

Хуже бедности нет ничего на земле,
Отпусти меня в путь наконец, прощай же!
Я здоровья желаю всей нашей семье,
Мой заботливый, добрый отец, прощай же!

Оглянусь — ничего, кроме бедности нет,
Стал кебабом я в углях лишений и бед,
Жаль тебя покидать мне под бременем лет,
Мой заботливый, добрый отец, прощай же!

День и ночь о всевышнем судье вспоминай,
Имя бога тверди — на него уповай,
День и ночь к всеблагому смиренно взывай,
О позволь мне в дорогу уйти, прощай же!

Старым стал ты, отец, но пока еще жив,
Годы мчатся, как легкого ветра порыв,
В Судный день да предстанешь ты чист и правдив,
Пожелай мне удачи в пути, прощай же!

В путь далекий сынок собирается твой,
Будет жив — возвратится под осень домой,
Если ж смерть в стороне ожидает чужой,
Значит, это судьба, мой отец, прощай же!

Ах, я тысячекратно доволен тобой!
Коль душа будет в теле, вернусь я домой,
Но, где жизнь, там и смерть... Вспоминай хоть порой,
Мой седой, досточтимый отец, прощай же!

В дальний путь отправляется Ажинияз,
Радость жизни твоей, льет он слезы из глаз,
Будь же благословен, коль настанет твой час,
Дай мне руку, любимый отец, прощай же!

18. МЫ, СМЕРТНЫЕ, НЕ ВСЕ РАВНЫ

Мы, смертные, не все равны,
Но в этом нашей нет вины,
Один — мудрец, другой — дубина, —
Мы, смертные, не все равны.

Ты говоришь: «Наука, свет
Приносят богу много бед.
Людей безвинных в мире нет,
Грехов лишь у аллаха нет».

Ты — порожденье сатаны,
Но в этом нашей нет вины,
Один — мудрец, другой — дубина, —
Мы, смертные, не все равны.

Ты, верно, истинный злодей,
Коль счел за скот других людей,
Знать, ты спесив, высокомерен,
Коль счел за скот других людей.

Язвить и хаять ты привык,
Тебя погубит твой язык,
Каким бы ни был ты всезнайкой,
Ты гребня истин не достиг.

Доспеками кичится бай.
Промедлив, бой не начинай,
Хоть ты всезнайка, всё ж ты смертный,
Других, смотри, не осуждай.

Смерть где-то ходит впереди.
Нельзя сказать ей: погоди!
Не все равны на свете люди,
Незнающего не стыди.

Не навязать ума тому,
Кто не завидует уму.
Что́ в помыслах у человека,
Не догадаться никому.

19. БЫВАЕТ

Вершина над черною горной грядой
Без снега бывает, со снегом бывает.
Живя на чужбине, джигит удалой
Без денег бывает, с деньгами бывает.

Весна миновала — жара началась,
Красавицы ходят, игриво смеясь.
Крикливые гуси, к озерам стремясь,
Без пищи бывают и с пищей бывают.

В далеком Хорезме остался мой дом,
Отныне я тяжко вздыхаю о нем.
Поток, что несется с горы прямиком,
Без ливня бывает и с ливнем бывает.

Идут караваны пустынным путем,
И пестрые птицы кружат над прудом,
И речи скитальца в краю неродном
Без шуток бывают и с шуткой бывают.

Когда на чужбине джигит удалой,
Полно его сердце печалью-тоской.
Арабский скакун, длинношеий, лихой,
Без гривы бывает и с гривой бывает.

Желаниям сбыться судьба не дает,
Из глаз беспрерывная влага течет,
Дорога, что нас по чужбине влечет,
Без цели бывает и с целью бывает.

Кому расскажу о печали моей?
Душа всё смятенней моя и мрачней.
Молва об истории прожитых дней
Бесславной бывает и славной бывает.

В слезах Зийуар, днем и ночью грустит,
Скорбит его сердце от старых обид.
Увы, этот сад, хоть и пышный на вид,
С цветами бывает, с шипами бывает.

20. ЛИВЕНЬ ХЛЫНЕТ НАД ВЕРШИНОЙ...

Ливень хлынет над вершиной —
У подножья топко станет.
От слезы скупой, кручинной
Вся тряпица мокрой станет.

Не избегший злой судьбины,
Горе я терплю, безвинный,
Не притронусь к чаше винной,
Но мутнее разум станет.

Нет веселья и в помине:
Как Меджнун в своей пустыне,
Я печален, и отныне
Стан мой стройный гнуться станет.

Боль сильна, печаль сурова,
Что ни день — рыдаю снова...
Но дождемся ль дня такого
И мечта вдруг явью станет?!

Всё острей, всё горше горе,
Разлилась печаль как море.
Ждешь, пошлет ли бог подспорье, —
Слез поток рекою станет.

Я зовусь Ажиниязом.
Глух аллах к моим намазам.
Сердца жар спадет — и разом
На душе спокойно станет.

БЕРДАХ

Бердáх — литературный псевдоним Бердимурата Каргабая улы (1827—1900).[1] Это был самый крупный представитель дореволюционной каракалпакской литературы — и по социальной значимости своего творчества, и по широте его тематического диапазона, и по уровню художественного мастерства.

Бердах родился в глухом каракалпакском ауле, в семье бедного дехканина-рыбака. В детстве будущий поэт учился в сельском мектебе, затем — в медресе (в местечке Каракум), которое ему не удалось закончить.

Бердах с юных лет учился искусству бахсы (бахши) — самому популярному искусству народного сказителя. В совершенстве овладев им, он одновременно глубоко изучал и творения великих поэтов-мыслителей Востока: Фирдоуси, Навои, Физули, Махтумкули.

Время Бердаха для всех народов Хорезмского оазиса было временем остродраматической национально-освободительной борьбы. Каракалпаки, узбеки-аральцы, казахи и туркмены — братские народы Хорезмской долины — не раз совместно восставали против ига хивинских ханов. Борясь за лучшую долю, они выражали желание присоединиться к России. Как выдающийся поэт-гражданин своего народа, Бердах принимал деятельное участие в этой народно-освободительной борьбе, отстаивал права людей труда, и это во многом определило и демократичность, и народность, и социальную направленность бессмертных произведений поэта. В его многочисленных стихотворениях и поэмах правдиво запечатлены картины общественной жизни Каракалпакии второй половины XIX сто-

---

[1] Приставка «дах» («даг»), прибавленная поэтом к своему имени (Бердимурат), означает: горе, печаль. В целом этот псевдоним означает: Печальный Бердимурат.

летия. Бердах — автор ряда исторических поэм и песен из жизни своего народа. Таковы «Шежире» — поэтическая родословная каракалпаков, «Амангельды» — поэма о событии из истории так называемых «верхних каракалпаков» XVIII века. В дастане «Айдос-баба» поэт описывает столкновение старейшины каракалпакского населения Айдоса-бия с хивинским ханом. Историческая песнь «Ерназар-бий» посвящена национальному герою, возглавившему антихивинское восстание народов Каракалпакии в 1855—1856 годах, который в памяти их потомков продолжает жить под прозвищем батыр Ерназар-Алагез (Ерназар-пестроглазый, т. е. грозный богатырь). Поэма Бердаха «Царь-самодур» — наиболее значительное произведение дореволюционной каракалпакской поэзии.

Изображение тяжелой жизни народа, беспощадное разоблачение эксплуататоров (ханов, баев, биев, духовенства, царских чиновников и т. д.) — таковы характерные черты творчества Бердаха. Правдивость, гражданская смелость, богатый народный язык — неотъемлемая особенность его бессмертных творений. В своих стихах Бердах смело выступал против варварских пережитков в быту, против унизительного положения женщин («Невеста», «Время мое», «Не горюй», поэма «Царь-самодур» и другие произведения).

В наше, советское время, когда осуществились все мечты Бердаха, его творения стали достоянием широкой общественности. Их изучают в школах и вузах. Произведения поэта изданы на многих языках нашей страны. Именем Бердаха названы совхоз, госфилармония, школы, кинотеатры, улицы. Его жизни и творчеству посвящено немало специальных трудов, литературных произведений. А 150-летие со дня рождения великого каракалпакского поэта широко отмечалось в стране в общесоюзном масштабе.

21. НЕ БЫЛО

1

Справедливых в мире царей
С сотворения мира не было.
Правду пишущих рифмачей
С сотворения мира не было.

Дети биев нашей земли
Захватили всё, что могли,

Хоть кривым путем они шли,
Среди них уставших не было.

С тех времен отдаленных, как
Стал народом каракалпак,
Как всевышний нам подал знак,
Никого нам равных не было.

Дух народа нашего гас,
Все глумились, глядя на нас,
Вышли в путь мы не в добрый час, —
На стоянках жизни не было.

Стал народ наш слабей стократ,
Стар погиб, но остался млад,
Стал Бердахом Бердимурат, —
Столь горюющих раньше не было.

Есть поныне, о мой народ,
Кто всех слаще и спит и жрет,
Чей всегда прославляют род,
Хоть достойных в роду и не было.

Кто тревогу вселял в сердца,
Оставлял детей без отца,
Кто обманывал без конца,
А самим возмездия не было.

Целей нет у меня других,
Кроме как обличить таких,
Плач у сирот жалобно тих,
Улыбнуться времени не было.

Знай бахвалится бий-злодей —
Поднялся, мол, выше людей,
Он-то смеет, а ты не смей,
Чтобы в мыслях даже не было.

О господь мой, страшно сказать,
Как подла и корыстна знать;
Всё взяла, что мыслимо взять,
А того, кто давал бы, не было.

Стал один всё больше наглеть,
Стал другой всё дольше терпеть,
Заманили сокола в сеть, —
Кто его бы вызволил, не было.

Говорящий правду, как я,
Не в почете среди ворья.
Поедает свинью свинья,
А того, кто разнял бы, не было.

У голодных — мечта одна,
У других — лишь сытость видна,
У голодного нету сна,
А у сытых этого не было.

В небе черные облака,
Смутно на́ сердце бедняка,
Зреет злоба, грызет тоска,
Век живущих весело не было.

У инаков совести нет,
У ишанов милости нет,
А у баев жалости нет, —
Справедливых нет и не было.

Нет огня, чтоб рассеять мрак,
Вместе взяться бы, да никак.
Для себя старается всяк, —
Никогда еще хуже не было.

Страх, бесправие этих дней —
Всё обрушилось на людей,
Пусть не каждый у нас злодей,
Но сердец черствее не было.

Другу верному — не вреди,
Вероломного — обойди,
Своего не меняй пути:
Изменившим — удачи не было.

Тот, кто умер, — умер, а тот,
Кто не умер, — еще умрет;

Кто не мучился за народ,
Для того и мучений не было.

Неспроста я зовусь Бердах,
Только правду держу в устах,
Если ж правда в моих словах —
Значит, господа с нами не было.

2

Был я розой — не расцветал,
Мудрецом был — думать не стал,
Соловьем — но не засвистал, —
У меня возможности не было.

Был веселым я с давних пор,
Был джигитом, орлиный взор,
Я взмывал, словно беркут с гор, —
Опуститься вершины не было.

Был я ловок и крепкогруд,
Подпевал всему, что поют,
Жил я там, где хлеба не жнут,
Где и знавших об этом не было.

Я кобызом звучавшим был,
Я певцом замолчавшим был,
В небе гусем отставшим был, —
Озерка для отдыха не было.

Я был ястребом, сеял страх,
Томага надели мне, ах,
В сеть попал я, темно в глазах, —
Моих доблестей знавших не было.

Был дождем я в полдневный зной,
Был в безветрие бурей злой,
Дыней был на земле степной, —
Дня, чтоб свиньи не грызли, не было.

Неокрепший был я росток,
Вверх тянул свой каждый листок,

Втоптан свиньями мой цветок, —
Кто его бы расправил, не было.

Как еще голова цела?
Крепче камня, видно, была,
Слез кровавых река текла, —
Кто бы вытер слезы, не было.

Ты впустую промчалась, жизнь,
Не такой ты мечталась, жизнь,
Ведь такой оказалась жизнь, —
Прошумела — и словно не было.

Сколь я ни был сведущ и смел,
Сколь ни делал я добрых дел,
Сколь Кулен-болыса ни пел, —
И халата в подарок не было.

3

Как ни тщились отец и дед,
Навалились все сорок бед,
Был достаток в доме — и нет,
Никогда как будто не было.

Шутка в доме хоть и в чести,
Как концы с концами свести?
За невесту калым внести
У отца надежды не было.

Верить ежели старикам,
Предложил он тестю тукум,
То-то хохоту было там, —
Остроумней калыма не было.

Я здоров и крепок, ей-ей,
Лишь душа горит всё сильней.
Подавитесь бедой моей,
Агабии, хоть бы вас не было.

Я здоров, но изныла грудь,
Жизнь мгновенна, но долог путь,

Подо мною мул — подхлестнуть —
Никого, кто догнал бы, не было.

Кто кичится пуще всего
Властью имени своего,
Тот не хочет знать никого, —
Нет поддержки тебе и не было.

Правды жаждущий человек,
Вечно страждущий человек,
Кончил властвовать Гёроглыбек,
Базирген ушел — и как не было.

Я Бердах, две слезы из глаз,
Кунходжу я слышал не раз,
Был мне другом Ажинияз,
И у них веселья не было.

22. МОРЕ РЫБЫ СВОЕЙ НЕ ДАЕТ

Снова в море закинул я сеть,
Море рыбы своей не дает,
Боже мой, нету силы терпеть,
Что в груди твоей: сердце иль лед?

Обезлюдел мой род, приуныл.
Поплелись мы, лишенные сил,
От родной земли и могил...
Море рыбы своей не дает!

И меня подстегнула нужда,
И пошел я, не зная куда.
Но везде нас встречает беда.
Море рыбы своей не дает.

Путь тяжелый и длинный у нас.
Ни зерна, ни скотины у нас.
Есть ли выход, мужчины, у нас?
Море рыбы своей не дает.

В злобном море бушует волна,
Словно жизнь, холодна и черна.

Жизнь мрачна, без просвета она.
Море рыбы своей не дает.

Вам, друзья, не желал я беды,
Я желал за любовь и труды
Много счастья, как в море воды,
Лет на сто или двести вперед.

Но, увы, нас окутал туман.
Правят миром лишь зло да обман.
Злой богач и блудливый ишан.
Им и счастье, и мясо, и мед.

Ну а мы — простота, беднота.
Дверь удачи для нас заперта.
Бьет аллах нас, и лжет нам мечта.
Море рыбы своей не дает.

Я бедняк, я собрат ваш Бердах,
Я правдив и в словах, и в делах,
И меня обездолил аллах.
Адским пламенем сердце мне жжет.

23. НАЛОГ

Наше время — тяжелое время, плохое,
Каждый год тяжелей предыдущего вдвое.
Гол бедняк, но его не оставят в покое...
Десять звонких червонцев — проклятый налог!

Брать налог — аталык приказал Нуримбету,
Как налог нам платить? Ничего у нас нету.
Люди жизнь проклинают постылую эту.
Десять звонких червонцев — проклятый налог!

Я молчу: у меня не совсем еще старый
Есть осел. Доведу я его до базара.
Но другие-то как? Вот семья Ерназара,
С чем пойдет на базар, чем заплатит налог?

Что продать, если нет ничего за душою,
Если только богатства, что брюхо пустое?

Нет и курицы (курица много ли стоит?..),
Как же нищие люди заплатят налог?

В нищей юрте проснувшиеся на рассвете,
Просят хлеба и плачут голодные дети.
Сердце жгут безответные жалобы эти.
Душит бедных в железных объятьях налог!

24. ЛЕТО ПРИДЕТ ЛИ?

Вьюга нас мучила, вьюга слепила,
Ветхую юрту мою повалила,
Черными тучами небо закрыла,
Кто мне ответит: лето придет ли?

Душу и сердце морозами студит.
Кажется, солнца уже и не будет.
Мы — бедняки, угнетенные люди,
Молим о лете. Лето придет ли?

Нету похлебки у бедного люда,
Нету подстилок, и взять их откуда?
Ехать мне надо, и нету верблюда,
Стар уж терпеть я. Лето придет ли?

В отчем краю я живу, как в остроге,
Жесткой веревкой мне спутали ноги,
Нет предо мной ни пути, ни дороги.
Стихнет ли ветер? Лето придет ли?

Что происходит у нас под Луною!
Люди замерзшие молят о зное.
Сделалось льдом то, что было водою.
Солнце не светит! Лето придет ли?

В море немало воды горьковатой,
Холодно в юрте моей небогатой,
Что же нам делать зимою проклятой?
Солнце не светит! Лето придет ли?

Мясо мы ели. Теперь у нас голод.
Нету скотины, сожрал ее холод.

Овцы погибли на пастбищах голых.
Зябко на свете. Лето придет ли?

Родину давят морозы и беды,
Стали озера от холода седы...
Умер сегодня сынок у соседа...
Бедные дети. Лето придет ли?

Чистое золото в медь превратилось.
Холодно всюду, вьюга взбесилась.
Что же нам делать, скажите на милость?
Кто нас приветит? Лето придет ли?

Дар красноречья сегодня не нужен.
Красноречивый затравлен, недужен.
Эй, богачи, вам не холодно в стужу?
К бедным, ответьте, лето придет ли?

Мне бы укрыться — да нет одеяла,
Мне бы согреться, но топлива мало.
Сытой ни разу семья не бывала,
Голодны дети. Лето придет ли?

Много нам лгали. А истина — где ты?
Много ли в жизни мы видели света?
Сердце устало, мы жаждем ответа:
Стихнет ли ветер? Лето придет ли?

Кто я? Старик, сединой убеленный.
Песни мои — не напевы, а стоны,
Вопли собратьев моих угнетенных...
Кто их приветит? Лето придет ли?

25. ПОСЛУШАЙ, СЫН МОЙ!

Стремись походкой твердою идти!
Обидят — за обиду отомсти!
Останешься голодным — не грусти.
Но смелым будь и мужественным, сын мой!

Не будь чванливым, как неумный бай!
Напрасно сил своих не расточай!

И пусть тобой гордится отчий край,
И пусть народ тобой гордится, сын мой!

Трудись. И утром, сон стряхнув едва,
Закатывай повыше рукава.
И хоть услышишь льстивые слова,
В беспечности не пребывай, о сын мой!

Людей цени всегда по их делам,
Не обижай друзей, но мсти врагам.
Подобострастным не внимай словам,
Беги дурного смолоду, о сын мой!

Нет у тебя халата — ничего,
И денег маловато — ничего,
Услышишь смех богатых — ничего.
Знай цену людям и себе, о сын мой!

Умей, мой сын, почувствовать душой,
Где человек хороший, где — плохой.
И за достойным светлою тропой
Безропотно, бесстрашно следуй, сын мой!

Сказал — от слов своих не отступай!
Ничтожным людям тайн не доверяй
И никогда друзей не обижай,
Но недругов ты не щади, о сын мой!

Богатством завладеешь — не гордись
И роскоши ненужной сторонись.
Сиротам помогая, не скупись.
И честен будь и прямодушен, сын мой!

Для своего народа будь хорош,
А если враг озлобится, ну что ж!
На свете без врагов не проживешь,
Отважным будь и сильным будь, о сын мой!

За то, что не по силам, не берись
И к должностям высоким не стремись,
Неправду говорить остерегись.
Пред тем, как говорить, подумай, сын мой!

Чем с ненадежным, лучше одному
Идти, не одолжаясь никому.
Цени своих друзей по их уму,
Друзей неумных избегая, сын мой!

И где б тебя ни встретила весна,
Ты помни — есть родная сторона:
Обширен мир, но родина одна,
И ты не забывай об этом, сын мой!

Всегда, мой сын, отца и мать цени,
Стремись согреть осенние их дни.
Не забывай, что ближе нет родни.
Своей судьбой ты им обязан, сын мой!

Отважен будь, но, даже смерть презрев,
Не говори, что ты бесстрашный лев.
Обуздывай в себе неправый гнев,
Но не смиряй гнев справедливый, сын мой!

Утешь своим участьем бедняка,
Не пожалей последнего куска,
У бедняка цель жизни далека,
Подай ему на счастье руку, сын мой!

Наш путь далек, а на пути — овраг,
Его пересечешь — достигнешь благ.
Ты юн еще, отец тебе не враг,
Всегда блюди завет отцовский, сын мой!

26. ЕЙ-БОГУ, ДАРОВОГО МЕДА ЛУЧШЕ...

Друзья, пшеница лучше, чем овес,
Рис лучше сорняка, что в нем пророс.
Чем сорок дней невзгод, печали, слез,
Один счастливый день, ей-богу, лучше.

И если в жизни вдруг случится так,
Что склонится и подчинится враг,
Спрячь в ножны меч и разожми кулак, —
Чем убивать, простить намного лучше.

Во имя края, где мы рождены,
Мы с вами жить и умереть должны.
Служить для счастья дорогой страны —
Что может быть достойнее и лучше?

Когда твоя состарится жена,
Не говори: «Другая мне нужна!»
Пусть поседела женщина, она —
Твой верный друг и всех красавиц лучше.

Не радостно быть другом подлеца.
Не радостно быть гостем у скупца.
Заколотая в честь гостей овца
Пасущейся большой отары лучше.

Хороший гость — для дома первый друг.
Без гостя дом — как без травинки луг.
Чем обладатель двух неловких рук,
Пожалуй, уж совсем безрукий лучше.

Весь день мы спину гнем, к нам бог жесток.
Мы обдираем кожу рук и ног.
И всё же пóтом политый кусок,
Ей-богу, дарового меда лучше.

Послушай, ты, святоша Нурмурад,
Ты слово дал, да взял его назад.
Обманщик ты, хоть славен и богат.
Богатого последний нищий лучше.

Батрак шагал по полю твоему,
Ты обманул, не заплатил ему.
Хоть накрутил ты белую чалму,
Хоть ты — святой, последний грешник лучше.

Эй, бай Кульмурад, Кадиримбет,
Сапар, Мирза, Арзу и Нуримбет,
Ни в ком из вас стыда и чести нет!
Один бедняк, чем все вы вместе, лучше.

Несчастен я, бедняк Бердимурат,
Жизнь бьет меня, а чем я виноват?

Вокруг темно, я ничему не рад.
Чем жизнь такая — смерть гораздо лучше.

Богач меня всю ночь заставил петь,
А утром на меня же поднял плеть.
Каракалпаки, долго ль нам терпеть?
Чем эта жизнь — тюрьма, ей-богу, лучше!

Трудился я, но прахом всё пошло.
Я пел — и это мне не помогло.
Я в этой жизни видел только зло.
Того, что видел я, — погибель лучше.

Бердах, я слеп, не вижу света дня.
Ко мне подходит смерть, косой звеня.
Но всё же мой народ любил меня.
Его любовь любой удачи лучше!

27. НЕВЕСТКА

Брови черны, а сама ты — бела,
Косы длинны, а сама ты — мала.
Нравом, красою, ну всем ты взяла!
Но почему ж ты печальна, невестка?

Переливаются волны волос,
Черные струйки закрученных кос,
Рот — как наперсток, как ягодка — нос,
Ну до чего ж хороша ты, невестка!

В ушке твоем — золотая серьга,
Ровные зубы твои — жемчуга!
Сладки слова твои, словно нуга!
Вот я стою пред тобою, невестка!

Словно Луна, ты чиста и светла.
Женщиной или же пери была
Мать, что такую тебя родила?
Ну до чего ж ты красива, невестка!

Ты и мала, и хрупка, и тонка.
В маленьком сердце большая тоска.

Выдали девушку за старика.
В горе, в отчаянье плачет невестка!

Выдали замуж, созвали гостей,
Ты очутилась в кругу богачей.
Весело было на свадьбе твоей,
Только одна ты грустила, невестка!

Люди о счастье твоем говорят,
Муж твой — богатый, и деверь богат,
Ты перед ними потупила взгляд.
Грустно тебе, дорогая невестка!

Детство и юность свою загубя,
С мужем постылым живешь, не любя,
Плачешь ты, горе сжигает тебя,
Тщетны былые надежды, невестка!

Рабским обычаям верен седым,
Спрятал отец твой немалый калым.
Дочь свою продал он людям чужим.
Продано девичье счастье, невестка!

Жадные свахи считают барыш.
Бедная женщина, что ж ты молчишь?
Что же врагам ты своим не отмстишь?
Сердце зачем ты неволишь, невестка?

Здесь бессердечные люди кругом,
Ночью ты плачешь в подушку тайком.
Голос твой раньше звенел серебром,
Нынче твой голос не слышен, невестка!

В жизни не видишь ты светлого дня,
Муж твой жесток, и коварна родня.
Стон твой беззвучный дошел до меня...
Чем же тебе помогу я, невестка!

Горе еще не сожгло твою грудь.
Может быть, есть еще правильный путь.
Слушай меня и печальной не будь!
Счастья тебе я желаю, невестка!

Ты молода еще, жизнь — впереди,
Прочь от людей недостойных уйди!
По́ сердцу доброго друга найди.
Надо на это решиться, невестка!

28. МНЕ ЭТОТ МИР ЛИСТКОМ УВЯДШИМ КАЖЕТСЯ

Петля нужды сдавила людям горло.
Мне трудно говорить, и стих не вяжется.
Будь проклят мир! В груди дыханье сперло.
Земля мне сморщенной ладонью кажется!

Когда джигит не омрачен кручиной,
Ему подстать скакун с повадкой львиной.
А мне — и виноградник паутиной,
И поле зарослью колючей кажется.

Муллы в молитвах богу неустанны,
В руках ишанов пухлые Кораны,
А мне муллы, и шейхи, и ишаны
Похожими на всех шайтанов кажутся.

На свете стало сумрачно и тесно,
Куда ведут дороги? Неизвестно!
Я в прошлое гляжу, но бесполезно,
И прошлое мне тоже темным кажется!

Жизнь бедняка труднее год от года,
Он стонет от чиновника-урода,
Ханы и беки — палачи народа...
Все богачи мне пауками кажутся.

Сегодня что я вижу под луною?
Я — нищ, и нищие передо мною.
И лица их покрыты желтизною...
Мне эта жизнь несправедливой кажется.

О, если б тучам в небе расступиться,
О, если б крылья, чтоб взлететь, как птица!
Но нет... Мне счастье даже и не снится,
И мрачный день мне бесконечным кажется!

На жизнь взгляните трезвыми глазами,
Неправда и жестокость правят вами.
Чем эта тьма, уж лучше адский пламень.
Мне этот мир тюрьме подобным кажется.

Нет правды в сердце у царя и бека,
Нет счастья у простого человека,
Тот мир, где я влачу остаток века,
Несправедливым мне и лживым кажется.

Бердимурат, ищи для песни слова.
Проникни в тайны бытия земного.
Где вы, надежды и мечты былого?
Мне этот мир листком увядшим кажется.

Будь проклят мир, где стража есаула,
Храня покой правителей аула,
На недовольных направляет дула...
Мне наша жизнь туманом черным кажется.

Для бедных время тяжкое настало,
От горя сердце у меня увяло.
И жизнь моя мне с самого начала,
Где б ни жил я, плохой и тесной кажется.

Страдаем мы. Извилиста дорога.
Свободы не дождаться нам от бога.
Осталось в жизни дней моих немного —
Вот эти дни последними мне кажутся.

В селеньях наших — холод и разруха.
И голоден бедняк, и счастье глухо.
Бездельник бай наращивает брюхо.
Но брюхо скоро лопнет — так мне кажется.

Бердимурат, послушайся совета —
Не всем по нраву будет песня эта,
Жестокие тебя сживут со света,
Тебя согнут — и очень скоро, кажется.

29. ДНИ РАДОСТНЫЕ МНЕ НУЖНЫ

Цветок, к моим ногам склоненный,
Поющий соловей влюбленный,
Мир, светом солнца озаренный,
Дни радостные мне нужны.

Гора, чтоб издали дымилась,
Верблюдица, чтобы доилась,
Красавица, чтоб ночью снилась,
Для счастья моего нужны.

Когда зимою то и дело
Мороз пронизывает тело,
Подруга, чтоб меня согрела,
Мне руки теплые нужны.

Мне нужен конь нетерпеливый
С подстриженным хвостом и гривой,
Крепкокопытный и красивый...
Лихие кони мне нужны.

Есть у меня еще забота:
Мне соколиная охота,
Мне птицы, ждущие полета,
Лихие соколы нужны.

Джигиты, чья рука готова
В бою сразить врага любого,
Держать умеющие слово,
Для дела правого нужны.

Друзья, борцы, что за свободу
Готовы и в огонь и в воду,
Сочувствующие народу,
Для дела правого нужны.

Кто сеет хлеб и воду ищет,
Кто с бедняками делит пищу,
Кто помогает людям нищим, —
Такие люди мне нужны.

Борцы, насупившие брови,
С оружьем правым наготове,
Те, что не пожалеют крови
В борьбе за счастье, мне нужны.

30. ДЛЯ НАРОДА

Джигит, рожденный с львиною душой,
Всю жизнь свою ты посвяти народу!
Джигит, рожденный с львиною душой,
За свой народ иди в огонь и воду!

Поэт, да будет звучен голос твой,
Ищи слова, о жизни песню пой.
Будь чист и пред людьми, и пред собой.
Насколько хватит сил, служи народу!

В народе — сила и мечта твоя,
Ты вне его не мысли бытия.
В какие б ты ни заходил края,
Свой труд и жизнь свою отдай народу.

До беков не доходит стон людской,
Им дорог только собственный покой,
Хотя к ним золото течет рекой,
Они копейки не дадут народу!

Достойные народу отдают
Всё без остатка — разум свой и труд.
Народ к заветной цели приведут
Те, кто достоин послужить народу.

Нам счастье всем неравное дано —
Один расцвел, другой увял давно.
Но тот, кто праведен, тот всё равно
Отдаст себя служению народу!

Знай цену дружбе, цену знай словам,
Не причиняй страдания друзьям.
Неси им счастье — будешь счастлив сам.
Друзья тебе — они друзья народу!

Аллах врагам народа силу дал,
Зато людей достойных в грязь втоптал,
По воле бога вор ишаном стал,
Ишаны все приносят вред народу.

Жестоки богачи, и бог жесток.
Их произвола я стерпеть не смог.
Пред тем, кто восстает, бессилен бог.
Восставший отдает себя народу.

Мудрец вникает в смысл разумных слов.
Дурак смакует мудрость дураков.
Он пренебречь советами готов,
Он не прислушивается к народу.

Хороший спутник облегчит твой путь,
Плохой идет и ждет, чтоб где-нибудь
Задеть копьем и в ров тебя столкнуть.
Зачем такие спутники народу?

Душа людей достойных — широка,
Душа достойных — вешняя река.
Чиста у них душа, чиста рука,
И сердце их полно любви к народу.

Твой собеседник плох или хорош,
Ты разберешься в этом, коль поймешь,
Что говорит он: правду или ложь.
И я познал, кто друг, кто враг народу.

Хоть враг силен, но в силе уязвим,
Его я словом поражу своим...
Мне трудно жить; я беден и гоним.
Мне тяжело, но легче ли народу?

Мне от судьбы не скрыться никуда.
За мной крадутся горе и беда.
Врагом отравлена моя еда,
Но не ропщу. Ведь я служу народу!

Бессильные, я силу в вас вдохну,
Вам, бедняки, я руку протяну...

Свет озарит ли отчую страну?
Я о надежде буду петь народу!

Мы — смертны все. И мой придет черед.
Но песнь моя меня переживет,
Я много знаю, я смотрю вперед,
И знанья все я отдаю народу.

Да не оставлю славы я плохой,
Когда закончится мой путь земной.
О жизнь моя, я не прощусь с тобой,
Пока все силы не отдам народу!

Друзья, я слова зря не оброню.
Людей я не за внешность их ценю.
Скажите, быть ли солнечному дню?
Ты, Солнце, будешь ли светить народу?

Я был поэтом в мрачные года.
Я только правду говорил всегда.
Я пожелтел, за мной гналась беда,
Я так хотел, чтоб свет сиял народу!

Бердимурат я, сын родной земли.
Я соловей равнин родной земли...
Цветы моей мечты не расцвели:
Мечтал я счастье отыскать народу!

31. СУМРАК ПОКРЫЛ НАШЕ ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ

Если не будешь работать, как вол,
Не проживешь в наше трудное время,
Если ты счастья еще не нашел,
То не найдешь в наше трудное время.

Будешь работать и ночью и днем,
Слезы прольются обильным дождем...
Друга б найти на пути мне своем,
Легче мне стало бы в скверное время.

Беки житья не дают никому.
Ищешь защиты — сажают в тюрьму.

Скажут: виновен — и быть посему.
Сумрак покрыл наше горькое время!

Утки и те улетели с болот.
Время тяжелое, стонет народ.
Семьи разбиты. Мне жалко сирот!
Сумрак покрыл наше горькое время.

Мрачное время. Тяжелые дни.
Звезды не светят, померкли они.
Лучшие девушки наши в тени
Вянут, подобно цветам, в наше время!

Вот я вгляделся в прошедшего даль,
Что я там вижу? Там тоже печаль.
Плети там свищут и лязгает сталь,
Тьмою покрыто и давнее время!

Подлым в жестокости нету преград,
Делают с бедными всё, что хотят.
Честные люди без хлеба сидят.
Ложь без границ в наше лживое время!

Было нам трудно, но так — никогда.
Мудрый идет и не знает куда.
Красноречивый умолк на года.
Сумрак покрыл наше тяжкое время!

Бедные девушки молча сидят.
Им веселиться теперь не велят.
Петь им нельзя — говорят: «Шариат!» —
Сумрак покрыл наше темное время!

Можно ль бояться врагов и невзгод,
Если идет за тобою народ?
Мы умираем, но песня живет.
Петь не дают в наше тяжкое время.

Что ты, Бердах, в этой жизни познал?
Ичигов новых ты не надевал.
Просьбой о хлебе ты песнь начинал.
Хлеба ты не находил в наше время!

От богачей ничего никогда
Люди не видели, кроме вреда.
Волкам подобны, что травят стада,
Баи тиранят народ в наше время!

Баям пришелся я не ко двору
Только за то, что я людям не вру.
С песней живу я и с песней умру
В наше тяжелое, горькое время.

Кадиримбет, ученик дорогой,
Белый был конь твой, а мой — вороной.
В поле поэзии трудной тропой,
Встретясь, мы ехали к стремени стремя!

Трудно, Бердах! Тяжко стало тебе!
Руки страданье сковало тебе.
Счастье еще не сияло тебе.
Думам не сбыться твоим в наше время.

32. МОЙ БЫК

Ударю палкою его, беднягу,
Он двинется, я на соху налягу.
Он без меня не сделает ни шагу...
Мне честно служит службу черный бык.

Он всех сильнее — поглядите сами.
Кто может справиться с его рогами?
Они остры, как нож, тверды, как камень.
Посмотришь: очень страшен черный бык.

След от копыт его похож на блюдо.
Среди быков мой бык — не бык, а чудо!
Своею силой славен он повсюду,
Мой красноглазый, круторогий бык!

Моя судьба на радость скуповата.
Моя душа всегда тоской объята.
Но делит всё со мною друг рогатый —
Мой знаменитый, сильный черный бык.

Я шел, а на пути была преграда,
Судьба влила мне в сердце много яда!
Но, верный друг, утеха и отрада,
Всегда со мною ты, мой черный бык.

«Эй-эй, вперед!» — и мы идем по зною
И вспарываем поле бороздою.
Как ты силен, любуюсь я тобою...
Спасибо, мой усердный черный бык.

33. СОЛОВЕЙ

На осоку севший соловей
Не пышней воробышка одет.
Распрекрасной розе, хоть убей,
До его восторгов дела нет.

Не похож он стал ни на кого,
Лапки все в колючках у него,
Перышки опали — каково! —
Силы, чтоб подняться, в крыльях нет.

Если, яд убийственный тая,
Из лощины выползет змея,
Как сберечь степного соловья?
Выследит — тогда спасенья нет.

Он захочет петь, а ветки нет,
Запоет, зальется — сада нет,
А ушей у слушателей нет —
В пенье соловьином смысла нет.

На обрыв ворона взобралась,
Жадный на добычу пялит глаз,
А сова несчастней во сто раз,
У летучей мыши перьев нет.

Суть всего живущего — желать,
Нет желаний — время умирать,
Толку мало плакать и стонать,
Если утоленья сердцу нет.

Волны разъярив, как жеребят,
Ураган не ведает преград,
Ты во мраке ужасом объят,
А взблеснет зарница — страха нет.

Ежели, земной покинув круг,
Навсегда уйдет твой лучший друг,
Ежели дворец твой рухнет вдруг,
Ты пригубишь мед, а вкуса нет.

Жеребенок тщетно кличет мать,
Верблюдихе сына не сыскать,
Лишь в горах джейрану обитать,
Зайцу без равнины жизни нет.

Караваном день идет за днем,
День за днем — в желании одном,
У того, кто назван соловьем,
Дни — не как у жаворонка, нет.

Чем вдали от родины царем,
Лучше быть в отчизне чабаном.
Чайка, ты на озере своем
Не кричи, не красит это, нет.

Побледнеет на небе звезда,
Отпылает сердце навсегда,
Время утекает, как вода,
Исцеления от горя нет.

О Бердимурат, о сын степей,
С горя поседевший соловей,
Пятидневный гость, уразумей,
Безнадежных дней на свете нет.

34. ДАЙ

О всевышний, наставь на истинный путь,
Если ложным пойду, за грех посчитай,
Ты раба своего во тьме не забудь,
Ты свет правды сердцу этому дай.

Если только стонать о бедах своих,
Это сердит одних, печалит других.
Пусть не знает никто мучений моих,
Справедливую речь устам моим дай.

Я пришел в этот мир, живу и пою,
Стал я мудрым, добру и злу воздаю,
Истерзали невзгоды печень мою,
Избавленье от мук, о господи, дай.

Дай богатство, чтоб жить, как птица живет,
Дай насытиться мне на годы вперед,
Чтоб любить, целовать, играть без забот,
Мне из рая земного гурию дай.

Запад пусть и восток пройдет человек,
Дай в пути мне коня волшебного бег,
Мир меня отразит пусть в тысяче рек,
Красоту Юсупа прекрасного дай.

Не по морю-реке пусть будет мой путь,
Неизбывная скорбь не сушит мне грудь,
Через тысячу лет на мир бы взглянуть,
Долголетье Лукмана, господи, дай.

Дай мне розовый сад, чтоб каждый цветок
Дуновеньем своим ласкал ветерок,
Чтобы плавить в руке железо я мог,
Мне искусство Дауда страшное дай.

Тайны мира открой рабу своему,
На Рафрафе промчи, дав крылья ему,
Брось врага моего в его же тюрьму,
Словом, власть Сулеймана высшую дай.

Был бы я на земле всех больше богат,
Всё б на счастье людей потратить был рад,
Я — народа слуга, я — Бердимурат,
Материнскую щедрость, господи, дай.

Туркестан и Хорезм — отчизна моя,
Море, пять городов, степные края,

Мое сердце горит, любви не тая,
Я хочу быть счастливым, счастья мне дай.

Оставляет Бердах вам песню свою,
Если счастья не будет, не жить соловью,
Я разрушу весь мир, я клятву даю,
Ты мне мощь Исрафила грозную дай.

35. НАЙТИ БЫ

Что хотел бы я, не пойму,
Мне советчика бы найти.
Я не радуюсь ничему —
Мне свою бы судьбу найти.

Времена пошли — ну и ну —
Обвивает щука сосну,
Всё постыло, всё я кляну,
Мне бы знающих цель найти.

Буду я о правде жалеть,
Говоря неправду, скорбеть,
В оба глаза всюду смотреть,
Только истину бы найти.

Я оставил народ родной,
Путь нелегкий передо мной,
Пусть отважен попутчик мой,
Покровителя бы найти.

Две оглобли, а грудь одна,
Путь далек, дорога трудна.
Труден путь, дорога длинна,
Сердце львиное бы найти.

Если львов таких отыщу,
Я сады на земле взращу,
Я всю землю в рай превращу,
Мне б вершину мира найти.

О джигиты, печаль долой,
Пятидневный устройте той.

Если вы скорбите душой,
Утешенье бы вам найти.

Пусть прощенье даст мне аллах,
Пусть увидит меня в слезах.
Если в душах горе и страх,
Мне б лекарство от них найти.

Горечь я с молоком всосал,
Всех, как овод слепой, кусал,
Падал я, сгорал, воскресал,
Только светлый путь бы найти.

Всех, сбивающихся с пути,
Наставлял я, куда идти,
Всех несчастных хотел спасти,
Милосердных мне бы найти.

Если руки я воздыму,
Легче горю ли моему?
Я к Каабе хадж предприму, —
Только что там можно найти?

Сколько знал я чужих дверей,
Мудрецов, всех в мире мудрей,
Сколько встретил рек и морей, —
Что ищу, того не найти.

Знаю, зайца губит камыш,
Честь джигита губит барыш,
Едиге и ты, Алпамыш, —
Были б живы, вас бы найти.

Я священных книг избегал,
Навои мне знания дал,
Физули свой стих открывал,
Мне б мудрейших моих найти.

А прочел я Махтумкули,
Мысли дерзкие потекли:
«Что ж вам, бии, мало земли?» —
Мне его бы слова найти.

Если проклял бы я Восток
И уйти бы в Сирию смог,
Даже пусть на короткий срок
Как приют у чужих найти?

Пусть предложат мне Дагестан,
Отдадут страну христиан,
Восхваляют пусть Индостан, —
Мне свое бы только найти.

Не осилю если беду,
Я из отчих степей уйду,
Бухару я всю обойду, —
Ах, Лукмана бы мне найти.

Был я сильным, не стало сил,
Для народа их не щадил,
Весь Ургенч бы я исходил,
Только б верных друзей найти.

Я бы спутниками их взял,
На Джейхуне плоты б связал.
Я бы слушал, кто что сказал,
Смог свое бы слово найти.

Всё, чему учил Арастун,
Всё, о чем мечтал Афлатун,
Мне бы слить в звучании струн,
Мне бы знанье для всех найти.

В четырех основаньях суть,
Эту истину не забудь,
Говорю тебе: «Счастлив будь!»
Только надо счастье найти.

Униженья для мудрых нет,
О народ мой, прими совет:
Если хочешь увидеть свет,
Путь в Россию надо найти.

Мне Бедиль, Аттар, «Бедаян» —
Как бальзам от сердечных ран,

До зари твержу «Хидаян»,
Мне б такую ж мудрость найти.

Мой наставник — «Шарх-и мулла»,
Велики господни дела,
Фирдуси в веках как скала,
Мне б ему подобных найти.

Если вдруг бы огненный змей
В Каратау напал на людей,
Я бы ринулся в бой, ей-ей,
Чтобы всё, что можно, спасти.

Побледнел я, смотри, поблек,
В каждом слове моем намек,
Я при помощи правды смог
Имя доброе обрести.

Век я правде не изменял,
Небылиц я не сочинял,
Слово лживое изгонял,
Только правда была в чести.

Так ищи же, Бердимурат,
Будь еще правдивей стократ,
Постарайся не всё подряд —
Лишь хорошее вознести.

О Бердах, соловей степной,
Я слуга стороне родной,
Эта песня сложена мной
В год Свиньи, — честней не найти.

36. СМЕЕШЬСЯ ТЫ, СО МНОЙ ИГРАЯ, ЖИЗНЬ

Когда кому-нибудь немало лет,
И много позади тревог и бед,
И взгляд уже не различает цвет,
Не страшно, что уйдет былая жизнь.

Друзья мои, я вам хочу сказать,
Что мне едва минуло двадцать пять,

Но счастье я уже устал искать.
Спешит, меня не понимая, жизнь.

Жизнь, я страдал от твоего огня.
Ты с самой колыбели жжешь меня.
Ты не была счастливою ни дня.
Меня ты жжешь и покидая, жизнь.

Скажу вам откровенно, что в удел
Мне не достался от отцов надел
И никаким добром я не владел,
Зачем ты мне нужна, такая жизнь?

Не нажил я ни дома, ни скота,
И чашка предо мной всегда пуста.
Пусть даже доживу я лет до ста,
Ты ничего не дашь мне, злая жизнь.

Надолго ты приходишь к богачу,
И хлопает тебя он по плечу,
Мол, делаю с тобою, что хочу.
О, неразумная, слепая жизнь!

А к бедняку придешь на малый срок,
Ему швырнешь какой-нибудь кусок,
Бедняк убог, обманут, одинок,
Бедняк живет, тебя не зная, жизнь.

Я шел пешком, не мог купить осла,
Всегда земля постелью мне была.
Что ты мне, кроме горестей, дала?
Смеешься ты, со мной играя, жизнь!

Для моего отца и праотца
Всегда была ты скаредней скупца.
Я тоже плачу, нет на мне лица.
Спешишь ты, мной пренебрегая, жизнь.

Давно я чашу осушил до дна.
В ней желчь была и не было вина.
Уйди, ты мне такая не нужна.
Ступай, спеши, моя плохая жизнь!

87. НЕСЧАСТНЫМ ЛЮДЯМ ПОМОГИ, О БОЖЕ!

Век! что за век! — он сплошь из черных дней.
И новый день прошедшего темней.
Тьма, тьма и Солнца не видать за ней.
Рабам своим ты помоги, о боже!

О господи, нас, грешных, пощади.
Свой меч от нашей отведи груди.
Куда идем, что ждет нас впереди?
Несчастным людям помоги, о боже!

Нам с каждым днем всё тяжелей, пойми,
Дичаем мы, хоть созданы людьми.
Моя душа нужна тебе — возьми,
Но бедным людям помоги, о боже!

Век! что за век тобой в удел нам дан?
Окутал и опутал нас туман.
И даже хуже, чем туман, — обман.
Обманутым ты помоги, о боже!

Кругом враги, я ничему не рад.
К тебе, о боже, я, Бердимурат,
Свой обращаю потускневший взгляд.
Я говорю: «О помоги нам, боже!»

Народ мой нищ, народ мой изнемог.
Когда садовник ты, а жизнь — цветок,
Спаси его, пока он не поблек.
Он вянет, помоги ему, о боже!

Я знаю, мой цветок поблек давно.
Увядшему цвести не суждено.
Что станется со мной, мне всё равно,
Но помоги оставшимся, о боже!

Не вынесет страданья и невзгод
И разбредется бедный мой народ.

Его следы пустыня заметет.
Скажи нам слово, помоги, о боже!

Нет радости у нас, зато всегда
Нас сторожат обида и беда,
А с ними рядом горе и нужда.
Мы бедствуем, о помоги нам, боже!

Тот был твоим рабом, а та рабой.
За что ж они унижены тобой?
За что они обижены судьбой?
Дай им надежду, помоги, о боже!

Тот правоверный суфий, тот мулла,
В их речи «бог», а в сердце много зла.
Так почему же их судьба светла?
Не им, а нам ты помоги, о боже!

Как много тех, кто угнетает нас.
Как мало тех, кто понимает нас.
С друзьями время разлучает нас.
Друзей так мало, помоги им, боже!

Великий боже, создано тобой
Всё: и Луна, и то, что под Луной.
И только кров над нашей головой
Не создал ты. О помоги нам, боже!

Дай кров и мне, я стар и одинок.
Прислушайся, вглядись, я изнемог.
Единый и единственный наш бог,
Не погуби нас, помоги нам, боже!

Могилу — видно, только этот кров
Припас ты для бездольных бедняков.
О господи, за что ты к нам суров?
Бездомным людям помоги, о боже!

Жизнь прожита, я не скорблю о ней.
Я видел слишком мало светлых дней.

Чем ты честней, тем жизнь твоя черней,
Всем честным людям помоги, о боже!

Уже я прожил семь десятков лет.
От горя стал я желт, и слеп, и сед.
На счастье у меня надежды нет.
Другим таким ты помоги, о боже!

38. ЦАРЬ-САМОДУР

(Поэма)

Порой оглядывался я назад
И слушал то, что люди говорят.
Я, в даль прошедшего бросая взгляд,
Узнал о многих горестях земли.

Тот слезы лил о том, что одинок,
К тому входило горе на порог,
А многим и порога не дал бог, —
Бездомные, брели они в пыли.

Одни сжигали душу на огне,
Другие тосковали в тишине.
А те, мечтая о счастливом дне,
Шли вдаль, им счастье виделось вдали.

И наполнялись злобою сердца,
Боль превращала бедняка в борца,
И люди шли, чтоб драться до конца,
Когда терпеть обиды не могли.

Бывало, слабый горько слезы лил,
А сильный правду людям говорил,
Достойные, пока хватало сил,
Народ бесправный за собой вели.

Тираны их не слушали речей,
И кровь текла, как по весне ручей.
Но люди, проклиная палачей,
Шли, не страшась, пока идти могли.

С кровавыми слезами на глазах
Они прошли, и не сгибал их страх,
И не хватало виселиц и плах
Для них — для лучших сыновей земли.

Их лица покрывала желтизна,
Их речь порой бывала не слышна.
Не все навек забыты имена,
Из них иные и до нас дошли.

Бывали унижения и кнут
Наградою за подвиг их и труд.
Голодные, как весь бездольный люд,
Они по жизни горестной брели.

И были тяжкими лишенья их,
Нужда, бесправье, униженья их.
Не иссякало лишь терпенье их,
Отчаянье и злоба их вели.

В кибитке бедной, в ветхом шалаше,
С кровоточащей раною в душе
Жил златоуст великий Жиренше,
Его слова сердца людские жгли.

Столетья шли, а мир незыблем был,
Властитель беззакония вершил,
Раб выбивался из последних сил.
И ныне так в любом краю земли.

*

В крови и муках матерью рожден,
Я в мир пришел; был неприветлив он,
Я чувствовал едва ли не с пелен:
Сын бедняка, рожден я бедняком.

Я поглядел и вдаль, и в вышину,
Я увидал обширную страну,
Где прозябал у горестей в плену
Тот, кто на свет родился бедняком.

Я с малолетства понял силу слов.
Весь день я слушать песни был готов.
Я вслушивался в речи стариков,
Порой открыто, а порой тайком.

Я видел горе в отчей стороне,
Я брел с тяжелой ношей на спине.
И слово правды не прощали мне.
Страданье видел я и пел о нем.

Я понял: только в дружбе жизни суть.
Враги к друзьям мне преграждали путь,
Свободно не давали мне вздохнуть.
Несладким пробавлялся я куском.

Был дубом я, чьи ветви широки.
Срубили с дуба ветки и суки.
Мой корень не поили родники,
И стал я в поле чахлым тростником.

Кровь по щекам катилась вместо слез.
Я трудно жил, я горе перенес.
Я был цветком, но я в пустыне рос,
И почва там была солончаком.

Передо мною близко и вдали
События и племена прошли.
Я стал певцом своей родной земли,
И в сердце боль была, и в горле ком.

Я садом был — не полили его.
В саду не распустилось ничего.
Я, соловей народа своего,
Считался безголосым куликом.

Безжалостен был гнев моих поэм,
И то, что пел я, нравилось не всем.
Мне говорили: «Будь ты вовсе нем».
Мне приходилось песни петь тайком.

Я странствовал, я слезы лил из глаз.
И всё же в горький час и в светлый час

Брал каждый раз дутар я или саз
И пел о горе ближних и своем.

И стала голова моя бела.
Беззубый я, я весь сгорел дотла.
Оглядываюсь — молодость прошла,
Туман передо мной, и мрак кругом.

*

В былые времена случилось мне
Бродить по акдарьинской стороне.
И от кого-то ночью в тишине
Услышал я историю одну.

Хоть я не знал, правдив ли тот рассказ,
Я вспоминал его десятки раз.
Сказать вам откровенно, и сейчас
Я им живу, я у него в плену.

Его обдумывал я много лет
И понимал, что плохо в нем, что нет.
Мне было пятьдесят, и стал я сед,
Когда решил: «Я свой дастан начну!»

И той же ночью, помолясь творцу
И заколов последнюю овцу,
Как подобает зрелому певцу,
Я тронул пальцем чуткую струну.

За месяцем шел месяц; целый год
Претерпевая тысячи невзгод,
Перелагал я ночи напролет
Рассказ о том, что было в старину.

Я песнь свою вам отдаю на суд,
Пусть сказанные мной слова живут,
Когда меня отсюда призовут
В неведомую дальнюю страну.

Я в жизни всё сносил: невзгоды, ложь.
Порою мне бывало невтерпеж.

Меня сжигали сотни мук, и всё ж
Я пел, пою и жизни не кляну.

В моих сказаньях — боль невзгод и бед.
Мой друг, ты их оценишь или нет?
А может, вспомнят через много лет
Из песен, спетых мною, хоть одну?

А эта песнь, плоха иль хороша, —
Не знаю сам, но в ней — моя душа.
Я жил, лишь этой песнею дыша,
Я этой песней вас не обману.

Найдете в ней погрешность — виноват.
Но все-таки не хмурьте строго взгляд,
А вдумайтесь. Итак, Бердимурат,
Я взял дутар, я свой дастан начну.

1

Владея множеством златых палат,
Распространяя самовластья яд,
Жизнь многих смертных превращая в ад,
Прошло немало ханов под Луной.

В былые времена один из них —
Великих повелителей земных,
В прах повергая всех врагов своих,
Прошел со славой долгий путь земной.

Была десница у него крепка,
Была его столица велика.
Воздвигнута на многие века,
Она стояла гордо за стеной.

Но властелин не бог, хоть и велик.
И потому был смертен хан-старик.
Когда восьмидесяти лет достиг,
И он переселился в мир иной.

Он отошел, оставив ханский трон,
Земную славу и оружья звон.

Оставил сына и красавиц жен,
Не взяв туда с собою ни одной.

Счастливый сын остался сиротой.
Свершилось то, что было лишь мечтой.
Взошел он на отцовский трон златой
И стал обширной управлять страной.

Хоть новый хан почти ребенок был,
В сравненье с ним отец ягненок был,
Жестоким юный хан с пеленок был,
Бывал он в злобе сущим сатаной.

Визирь, чье сердце холодней, чем лед,
Нещадно грабил стонущий народ.
А хан — ему пошел двадцатый год —
Судил и правил за его спиной.

Когда-то юношу учил мулла,
Наука очень скучною была.
Она на пользу хану не пошла,
Ему был предначертан путь иной.

Великих ханов окрыляет власть,
Великих ханов опьяняет власть,
Наш хан познал еще другую страсть,
Он ею был охвачен, как шальной.

Желанье хана — для страны закон.
И верные гонцы со всех сторон
К властителю сгоняли юных жен,
И тешился он с новою женой.

Он свадебные задавал пиры,
Каких не знали прочие дворы
От сотворенья мира, с той поры,
Как появились ханы под Луной.

Предпочитал он малолетних дев
И радовался, юной овладев.
А девушка, познав позор и гнев,
Была потом несчастной и больной.

Через покои ханские прошли
Красивейшие женщины земли
И всё ж насытить хана не могли, —
Не остывал его желанья зной.

По всей стране гонцов не меньше ста
Он разослал, сказав им: «Красота
Дороже крови, золота, скота,
Добудьте женщин мне любой ценой».

По всей земле, во все ее концы
Скакали бойко ханские гонцы,
И плакали несчастные отцы,
Когда лишались дочери родной.

И хан доволен был, он не скучал,
Он брал от жизни то, что в ней искал.
В своих покоях белых возлежал
И забавлялся с новою женой.

2

На берегу, где юрты не стоят,
Один рыбак жил много лет подряд.
Веревкой он подвязывал халат,
Во всем себе отказывал бедняк.

Жизнь нелегка была, нехороша.
Поставил дом он вроде шалаша.
Сеть смастерил и плот из камыша
И рыбой пробавлялся кое-как.

Он делу научился у отца,
По рыболовной части мудреца.
Стирая пот со своего лица,
На счастье сеть закидывал рыбак.

Весною рыба шла икру метать, —
На рыбака сходила благодать.
Не успевал он сети вынимать,
Там был сазан, и окунь, и судак.

Но чаще так бывало у него:
Закинет сеть — не вынет ничего.
И, плача от бессилья своего,
Судьбину злую проклинал бедняк.

Был нищ рыбак, а всё же был богат.
Веревкой он подвязывал халат.
Но у него был сокровенный клад:
Был дочерью своей богат рыбак.

И впрямь была красавицею дочь.
Пред нею тучи расступались прочь.
В безлунную, неласковую ночь
Ее краса рассеивала мрак.

Она была стройна и высока,
Была черноволоса и тонка.
Светился взгляд ее издалека,
Избраннику суля немало благ.

Ее улыбка расточала мед.
Ее улыбка расплавляла лед.
И руки белые и нежный рот
Избраннику сулили много благ.

Но улыбалась изредка она.
Работала Гулим, не зная сна.
Жизнь этой девушки была трудна,
Как всякой, у кого отец бедняк.

Отцу она служила, как могла,
Она до поздней ночи со светла
Неженским делом занята была,
Боялась сделать что-нибудь не так.

Играть и петь ей было недосуг.
И с кем играть, коль ни души вокруг?
У ней у бедной не было подруг,
Ее не окружал ни друг, ни враг.

Таких не озаряет счастья свет,
У них причины для веселья нет.

Когда минуло дочке десять лет,
Свою жену похоронил рыбак.

И без того жилось несладко им,
Но вот осталась сиротой Гулим.
Она над горем плакала своим
И не могла наплакаться никак.

На берегу так плакала она,
Что вся вода от берега до дна
От слез девичьих стала солона...
Над бедною Гулим сгущался мрак.

*

И стали жить рыбак и дочь одни.
Верней, не жили, мучались они.
В нужде, в заботе пролетали дни.
Гулим росла, как полевой цветок.

Отец-кормилец, волею судеб,
Однажды занедужил и ослеп.
Рыбачить, добывать насущный хлеб
Слепой рыбак теперь уже не мог.

Старик сидел беспомощен и тих.
Касаясь глаз невидящих своих.
А дочь работать стала за двоих
Не покладая рук, сбиваясь с ног.

Старик был слеп, он путал день и ночь.
Старик жалел единственную дочь.
Но, немощный, чем мог он ей помочь?
Он лишь молился: «О великий бог!

Гулим — она и дочь моя и сын —
На всей земле одна, и я — один.
О боже, наш всесильный властелин,
Не посылай к нам горе на порог.

Дочь у меня, и больше нет детей.
Пошли удачу дочери моей.

Пусть потечет к ней золотой ручей,
Ужель для счастья нету к нам дорог?

О господи, меня лишил ты глаз.
Мою мольбу услышь ты хоть сейчас».
Так он молился в день по многу раз,
Рыдал, просил, а что еще он мог?

А дочь его должна была успеть
Испечь лепешки и закинуть сеть.
За стариком незрячим приглядеть,
И накормить его, и вымыть в срок.

Хватало дел: то снасть нехороша,
То прохудилась крыша шалаша.
Ее чинила девушка, спеша,
Чтобы старик в ненастье не промок.

Дочь почитала слабого отца.
В жару стирала пот с его лица.
Она была очами для слепца.
Он без нее и вовсе б занемог.

Незрячий, никуда он не ходил.
Лишь на одно ему хватало сил —
Сидел старик, весь день веревки вил.
Веревки эти сматывал в клубок.

Гулим была красива и чиста.
О ней ходила слава неспроста.
Но если счастья нет, то красота
И та несчастной девушке не впрок.

Посланцам хана — воинам лихим
Известно стало о красе Гулим.
И вот уже они путем глухим
Проникли на далекий островок.

В глухом краю скрыт от людей шалаш.
Безлюдье — вот его надежный страж.
Гулим твердила: «Кто отыщет наш
Пустынный остров? Нет сюда дорог!»

3

Ни шороха вокруг, ни ветерка.
Покой и сон в жилище рыбака.
Так только кажется издалека —
Обманчивы покой и тишина.

Покоя нет, не спит рыбак слепой.
Он, подпирая голову рукой,
Вымаливает счастье и покой.
Молитва у него всегда одна.

От старика, немного в стороне,
Лежит Гулим, свернувшись на рядне,
И что-то шепчет, мечется во сне.
Тревожна, как река, как снег, бледна.

А в это время ханские послы,
Не очень расторопны и смелы,
Бредут во тьме, как вьючные ослы.
Усталы, злы, а цель им не видна.

В жилище рыбака не ждут врагов.
Ни брани их не слышат, ни шагов.
Гулим, бедняжка, после дня трудов
Лежит, заботами утомлена.

И видится ей сон: змея ползет,
К ее губам свой страшный тянет рот,
Сперва целует, после кровь сосет.
Гулим бессильна, а змея сильна.

Вкруг шеи обвивается она.
Гулим кричит, пытается она
Бежать, но спотыкается она,
И в страхе просыпается она.

Отец не спал всю ночь, молился он.
Он слышал крики дочери и стон.
«Гулим, какой тебе приснился сон,
Тяжелый сон, тебя лишивший сна?»

В глаза мои слепые погляди,
Всё расскажи, меня ты не щади!»
И в час ночной, припав к его груди,
О страшном сне поведала она.

Тогда заплакал и отец седой,
Затряс своею белой бородой:
«Коль сон к беде, пред этою бедой
Бессильны мы с тобою, ночь темна!»

И дочери седой отец в слезах
Сказал: «Как видно, не напрасен страх.
Не услыхал моей мольбы аллах.
Туманна книга судеб и темна.

Я слаб и слеп, я старый человек.
И в волосах моих холодный снег.
Дни сочтены, и короток мой век,
И скоро ты останешься одна.

Я слезы лью, я не смыкаю глаз.
О боже мой, убей меня сейчас.
Не дай услышать мне хотя бы раз,
Что дочь моя Гулим оскорблена.

Мне тоже снился сон не так давно:
Охотник, чье лицо исщерблено,
Поставил в час, когда в лесу темно,
Ловушку, что из ниток сплетена.

И сокол мой попал в его силок.
Как ни пытался ловчий, всё ж не мог
Надеть на очи птице колпачок —
Слетала прочь стальная пелена.

Охотнику с добычей не везло.
Добыча вырывалась, как назло.
И кровь с груди стекала на крыло,
И голова была повреждена.

В отчаянье предсмертном и тоске
Бедняжка птица билась в злой руке

И после распласталась на песке:
Она была на смерть обречена».

...Казалось, горю не было конца.
Но стала дочка утешать отца.
Стирала слезы с дряблого лица,
Была она с ним ласкова, нежна.

«Не плачь, отец, мы вынесем с тобой
Всё то, что будет послано судьбой.
И встретим мы ее удар любой
И оба тверды будем, как стена.

И буду я всему наперекор
Всегда с тобой, отец, как до сих пор.
Я понесу тебя чрез гребни гор,
К тебе, отец, любовь моя сильна».

Касалась дочь отцовских щек рукой.
От слез ее, от нежности такой
Убогий старец обретал покой.
А ночь была безлунна и темна.

*

Кончалась ночь, когда со всех сторон
Раздался топот и оружья звон.
Беда явилась к ним; проклятый сон
Не обманул красавицу Гулим.

Испуганна и, как стена, бледна,
Вскочила тут же на ноги она.
Старик отец очнулся ото сна.
Беда стучится в дверь. Что делать им?

Услышав топот за дверьми и крик,
Рыбак несчастный головой поник.
Что может сделать немощный старик?
А он еще к тому же был слепым.

А стражники, всё на пути круша,
Кричали громко возле шалаша:

«Э-эй, живая есть ли здесь душа?
Кто выйдет к нам, тот будет невредим!»

Но в шалаше никто не отвечал.
А что шалаш? Не крепость между скал.
Не выдержал осады и упал
Шалаш, построенный с трудом большим.

Кто к ним пришел, что делалось вокруг,
Гулим, бедняжка, поняла не вдруг.
Но потянулись к ней три пары рук:
«Пойдем, мы зла тебе не причиним!»

И заблестел огнем девичий взор.
В ней вспыхнул гнев, дремавший до сих пор.
Она очнулась и, схватив топор,
Пошла навстречу недругам своим.

«Кто вас послал, что надо вам от нас?
Что привело сюда вас в этот час?» —
Так воинам, меча огонь из глаз,
Промолвила красавица Гулим.

Один из них испуганно сказал:
«Великий хан нас в дом к тебе послал.
Красавица, чьи губы словно лал,
Не бойся нас, тебя мы не съедим!

К властителю во сне явилась ты,
Властителю во сне приснилась ты,
И мы хотим, чтоб согласилась ты
Предстать пред повелителем своим.

Тобою покорен великий хан.
Он изнывает от сердечных ран.
Пусть он скорее твой обнимет стан,
Чтоб улетел его печали дым».

Был голос девушки суров и глух.
Она сказала: «Дети потаскух,
Старик отец мой слеп, но он не глух.
Зачем меня позорите пред ним!

Что я свершила, в чем моя вина?
На свете я красива не одна,
И если вам красавица нужна,
Вы обратитесь к дочерям своим!

Я слышала, что хан из всех сторон
Завлек недавно сорок юных жен.
Чего ж он ждет, чего же ищет он,
Иль хворь пришла к тем женам молодым?»

От этих слов взъярились палачи,
И вынули сверкнувшие мечи,
И крикнули: «Презренная, молчи,
Иль по-другому мы заговорим!»

Гулим глядела на врагов в упор,
Решив, что гибель лучше, чем позор.
И грозно занесла она топор
И обожгла пришельцев взглядом злым.

Так страшен был ее безумный взгляд,
Что воины отпрянули назад.
А девушка кого-то наугад
Ударила оружием своим.

Один пришелец побелел, как мел.
Один пришелец ахнуть не успел,
Он кровью захлебнулся, и осел,
И на земле остался недвижим.

Их было трое воинов лихих.
Убить Гулим хватило б сил у них,
Но хан красавиц требовал живых.
Задумались гонцы: что делать им?

Они уйти решили, а пока
Ударили слепого рыбака
И, уходя, уже издалека,
Слова проклятья бросили Гулим.

Гулим, как птица около птенца,
Кружилась возле бедного отца,

И кровь стирала с мертвого лица,
И после долго плакала над ним.

И в саван обрядила, а потом
Отрыла яму старым кетменем,
На берегу родном, на месте том,
Где сиживал он, будучи живым.

*

Ни звона пик, ни топота коней.
Прошло с той ночи шесть ночей и дней,
Гулим решила: хан забыл о ней.
Но хан опять послал своих людей.

На этот раз так много их пришло,
Что стало ночью от мечей светло.
На девушке они срывали зло.
Ее старались мучить побольней.

Теперь Гулим никто помочь не мог.
Ее вели босую без дорог.
Был путь далек, песок ей ноги жег,
И были колки острия камней.

В столицу прибыл мрачный караван,
И палачи (так повелел им хан)
Швырнули грубо пленницу в зиндан
И удалились, позабыв о ней.

Гулим была в темнице не одна.
Красавица, такая ж, как она,
В одеждах порванных, лицом бледна,
Томилась там уже немало дней.

Была темница их мрачна, сыра.
Гулим сказала: «Боль моя остра.
Но в чем твоя вина, скажи, сестра,
Или она сродни вине моей?»

Та отвечала: «О моей вине
Не слушать бы тебе, не думать мне.

Хан повелел искать по всей стране
Таких, как мы, таких, кто постройней.

Коварен хан, и тяжело нам всем.
Страданье пало на голову тем,
Кто не лишился головы совсем,
Жизнь становилась с каждым днем трудней.

Нас было трое: я, старик отец
И мать. Но вот к нам прискакал гонец,
Он взял меня с собою во дворец.
И это было гибелью моей.

Мне хан сказал: «Ты приглянулась мне.
Ты молода, но расцвела вполне.
Как верной полагается жене,
Ты обними меня, да поскорей!»

Тиран хотел услышать мой ответ.
А предо мной померкнул белый свет.
Я стала плакать: «Мне тринадцать лет.
Великий хан, меня ты пожалей!»

Но властелин наш злобен и горяч.
Не помогли мне ни мольбы, ни плач.
Хан подал знак, и прибежал палач
И множество каких-то злых людей.

Дня через три, а может, через пять
Хан умертвил моих отца и мать.
Они пришли о дочери узнать
Да угодили в руки палачей.

Хотя увял и навсегда поблек
Мой дорогой, девичий мой цветок,
Я хану отомстить дала зарок,
Проклятых ласк могила мне милей.

Когда меня ввели к нему опять,
Я знала, что́ тирану отвечать.
Я мстила хану за отца и мать...
И вот я здесь страдаю много дней.

Слезами я и кровью обольюсь.
Моя душа уйдет из тела — пусть.
Пусть я умру, я смерти не боюсь.
Могила этой ямы не темней!

Пусть поскорей придет мой смертный час!»
Она умолкла, кончив свой рассказ.
Тогда Гулим, стирая слезы с глаз,
Ей рассказала о судьбе своей.

Сливались слезы их — два ручейка, —
В руке одной была другой рука.
Головками поникли два цветка,
Увядшие по воле злых людей.

Но вдруг раздался шум: в темницу к ним
Явился страж, сверкая взглядом злым.
Он подошел, взял за руку Гулим,
Сказал: «Идем со мной, да побыстрей!»

*

Ее втолкнули в зал, где ханский трон.
Был хан ее красою ослеплен.
Он вопросил: «Быть первою из жен
Согласна ты, красавица, иль нет?»

«Великий хан, я бы сказала «да»,
Но для любви я слишком молода.
Повремените малость, и тогда,
Быть может, дам я вам другой ответ.

Простите, хан, за дерзостную речь,
Но не о том, как страсть свою разжечь, —
Как честь спасти и душу уберечь,
Тот должен думать, кто изрядно сед!»

Вскочил, как обожженный, властелин,
И подал знак взбешенный властелин.
Пришел палач, за ним еще один,
И стали страшный свой вершить совет.

С Гулим одежды сняли палачи,
Несчастную распяли палачи.
Пока Гулим держали палачи,
Хан заслонил над нею белый свет.

Ей щеку оцарапал ханский ус,
Был горек ханский поцелуй на вкус
И на змеиный походил укус.
Казалось, от него защиты нет.

Казалось ей: она горит в огне,
Она металась, словно в страшном сне.
Дрожь пробегала по ее спине.
Гулим кричала и впадала в бред.

Вот так пришел к ней первый миг любви.
Вдали не пели песен соловьи.
Она лежала на ковре в крови,
Без крови хан не достигал побед.

Она зачахла и лишилась сил.
Уже из жен ей кто-то саван сшил,
Уже ее, бедняжку, Азраил
Считал своей по множеству примет.

Был хан великий страстью опьянен,
Гулим считал он лучшею из жен.
Хан бесновался, клял табибов он
И собирал визирей на совет.

Но утром на четвертый день она,
Открыв глаза, очнулась ото сна.
И показалось ей, что ночь темна,
Хоть озарял лицо ей яркий свет.

*

Была Гулим владыке отдана.
Вошла в гарем любимая жена.
Теперь их стало сорок и одна.
Хан похвалялся молодой женой.

Великий хан — владелец стольких жен —
Был жаден, был хитер, да не умен.
Со всей земли собрав красавиц, он,
Казалось, счастлив был с Гулим с одной.

Властитель всей страны, он — видит бог —
Был и в своем гареме одинок.
Жесточее он стал, хоть был жесток,
И тьма сгустилась над его страной.

Терпя столь много горя и невзгод,
С годами громче стал роптать народ.
Задумывались люди: «Что нас ждет?
Ужель для нас дороги нет иной?»

Кто жаловался хану, был не рад,
Шел жалобщик, потупив долу взгляд,
Или совсем не приходил назад,
А в яме гнил за крепостной стеной.

Хан знал о том, что ропщет бедный люд,
Но был владыка глух, и слеп, и лют,
Вершил жестокий и неправый суд,
И кровь лилась, как с гор поток весной.

И приуныли люди той страны,
Ропща на то, что гибли без вины.
Здесь люди были все обречены,
Из них немногих ждал удел иной.

На той земле, где правил хан-злодей,
Бывало, обессиленных людей
В плуги впрягали вместо лошадей.
И шли они по полю в грязь и в зной.

Ни смертных, ни аллаха не боясь,
Хан лютовал, людская кровь лилась.
От века за неправедную власть
Мы, люди, платим дорогой ценой.

Столь тяжела вокруг была беда
И всю страну давила так нужда,

Что люди шли неведомо куда,
Как можно дальше от земли родной.

Был черный люд несчастен и убог,
Никто его от горя не берег.
Я прожил век, за век понять я смог:
Нет справедливых ханов под Луной.

*

Была у хана лишь одна беда:
Отцом владыка не был никогда.
Текли года, как вешняя вода,
В отчаянье властитель приходил.

Тиран пятидесяти лет достиг,
И пожелтел его суровый лик.
Хан от печали головой поник,
И был ему весь белый свет немил.

«Свое пред кем я сердце отопру? —
Владыка думал. — Кто, когда умру,
Наследник будет моему добру,
Слезу прольет у дедовских могил?

Как получилось, о великий бог,
Что ты мне сына даровать не мог?
Ужель всегда я буду одинок,
За что меня ты радости лишил?

Вот я достиг пятидесяти лет.
Я смертен, я покину белый свет.
Кому оставлю всё, коль сына нет?» —
Так сам себе владыка говорил.

«Из сотни дев я выбирал одну.
Средь ярких звезд предпочитал Луну.
Калым сполна за каждую жену
Людскою кровью щедро я платил.

Где б ни был я, всё повергал во прах.
В дремучих я охотился лесах.

Скакал на тонконогих скакунах
И на перчатках соколов носил.

Мой гнев был лют, кулак мой был тяжел.
Тот смертный, на кого бывал я зол,
На виселице смерть свою нашел,
И плакал тот, кого я невзлюбил.

Найдется ли владыка под Луной,
Который мог сравниться бы со мной?
Но короток до смерти путь земной,
И пропадет всё то, что я скопил.

О, если — да поможет мне творец! —
Сын у меня родится наконец,
Велю зарезать тысячу овец,
Чтоб знали все: я сына породил.

Но если не захочет бог помочь
И кто-нибудь из жен родит мне дочь,
Велю убить и кости растолочь», —
Так хан, бывало, близким говорил.

«Родит жена мне сына, ту жену
В пух положу и шелком оберну,
А если дочь родит мне — прокляну
И вновь мне станет белый свет немил».

4

Прошла зима, и стали дни теплей.
Летели стаи уток и гусей.
И снег уже давно сошел с полей.
С озер сошел посеребренный лед.

Казалось, небо охватил пожар.
И землю от любви бросает в жар.
Казалось, что берет она дутар
И голосом бурливых рек поет.

В те дни, когда вокруг весна цвела,
Когда душа земли была светла,

Гулим отяжелела, понесла.
Упругим, твердым стал ее живот.

Был именем ребенок наречен
Задолго до того, как был рожден.
Гулим и остальные сорок жен
О нем молились ночи напролет.

Гулим была в волненье не одна.
Томились сорок и одна жена,
Как будто каждая родить должна
И только ждет, когда же срок придет.

Гулим была печальна и слаба.
Тревожила Гулим ее судьба.
Ведь даже радость бедного раба
И та порой в себе печаль несет.

Но вот одна жена из сорока
Сказала: «Да пошлет ей бог сынка.
Но тайну мы хранить должны пока.
Быть может, бог сыночка не пошлет.

Мы знаем все, каков наш старый хан.
Чуть что не так, он гневом обуян.
А если мальчик будет богом дан,
Тогда и скажем хану, пусть придет».

Вторая обратилась к остальным:
«От всех мы нашу тайну скрыть хотим.
Но если хан потребует Гулим,
Он не дитя, он сразу всё поймет.

Обрадуется злой наш властелин.
Устроит той в честь будущих родин.
А если дочь родится, а не сын,
Хан и дитя, и мать его убьет!

Давайте скажем, что Гулим больна,
Что с ханом быть больная не должна», —
Так предложила всем одна жена.
«Твои слова, — сказали жены, — мед!

Мы тайну скрыть должны — вот наша цель.
Гулим, тебя уложим мы в постель.
Лежи больною несколько недель.
Притворство от беды тебя спасет!

Лежи до разрешения, Гулим.
Рассей свои сомнения, Гулим.
Устроим угощение Гулим.
Всё нужное Зару́ нам принесет».

Жил при гареме старичок Зару.
Носил он женам воду поутру,
Обмахивал их веером в жару.
Немало было у него забот.

Он ласков был, приветлив и умен.
Любили старика все сорок жен.
И, благородный, благодарный, он
Им преданно служил не первый год.

Они всегда делились с ним едой.
И радостью делились и бедой.
И он, в тот край заброшенный судьбой,
Поведывал им тайны в свой черед.

Тайком овцу, что спрятали вчера,
Освежевал Зару в углу двора.
И пировали жены до утра,
Забыв о горе том, что их гнетет.

Для жен веселой эта ночь была.
Зару давал им мяса из котла.
Баранина была сладка, бела,
Как говорят, сама просилась в рот.

И заклинанья жены, севши в ряд,
Шептали над Гулим — таков обряд, —
Как старые обычаи велят,
Подарки клали на ее живот.

Шло время; день сменялся днем другим.
И не терпелось женам молодым.

Все слушали, как в животе Гулим
Стучится двадцатинедельный плод.

Сказали хану, что Гулим больна.
Но не болезнь — печаль была сильна.
О будущем тревожилась она,
Не зная, что ее ребенка ждет.

Хоть не болезнь была всему виной,
Но впрямь казалась женщина больной,
Ее лицо покрылось желтизной,
Она ждала, когда же срок придет?

Она молилась: хоть бы поскорей.
А сорок жен, как сорок матерей,
Не отходили от ее дверей,
Ей песни пели, пищу клали в рот.

Семь месяцев прошло, пошел восьмой.
Рождают осенью, зачав зимой.
Уж скоро будут слезы или той —
Все сорок жен вели по пальцам счет.

Кто народится — дочка иль сынок,
Никто из жен предугадать не мог.
Но все молились: «Пощади нас бог,
Не пожалей для нас своих щедрот».

И долгожданные настали дни.
Без суеты излишней, без возни
Зару сказали: «Юрту натяни!»
Кошмою белой затянули вход.

А в юрте было вбито два кола,
На них вожжа натянута была,
Чтобы на ней роженица могла
Повиснуть и не повредить живот.

Гулим лежала в юрте, как в тюрьме.
Ее коса стелилась по кошме.
Зажав зубами стон свой в полутьме,
Старалась ноги вытянуть вперед.

Без стона, чтоб не выдать свой обман,
Рукой в ремень вцепилась Гулимджан.
А женщины ее сжимали стан,
Чтоб выходил быстрей из чрева плод.

Ребенок медленно и трудно шел.
Для нас, людей, и первый путь тяжел.
Душа Гулим кипела, как котел,
И сердце билось, как сазан об лед.

В таких мученьях — схватки длились ночь —
Могла на свет рождаться только дочь.
И жены не могли Гулим помочь.
И кто ж от мук роженицу спасет?

Ребенок не спешил на белый свет.
Он как бы говорил: «Там счастья нет.
У вас и без меня немало бед.
А в чреве я не ведаю забот.

Зачем, скажи, меня рождаешь, мать?
Я не хочу рождаться, чтоб страдать,
Не наслаждаться жизнью, а рыдать.
Никто меня от горя не спасет!

В ваш тесный мир войду я, как в тюрьму.
Не радуйтесь рожденью моему.
Ни радости, ни счастья никому
Рождение мое не принесет».

Роженица впадала в забытье,
Все женщины боялись за нее...
И думали: «Ужель лицо свое
Бог от нее, безгрешной, отвернет?»

И жены в жертву принесли овец.
Заколот был упитанный телец.
И вот Гулим вздохнула наконец,
И выступил на лбу холодный пот.

Ребенок вышел, а потом послед.
Дочь родилась. Верней, не дочь, о нет,

А пери, излучающая свет,
Сопроводила плачем свой приход.

Рассматривая девочку в тиши,
Все жены ликовали от души.
Просили друг у друга суйинши,
Шептали: «Пусть ей счастье бог пошлет!»

Очнулась обессиленная мать.
Свою кровинку стала целовать.
Гулим то улыбалась, то опять
Навзрыд рыдала: «Боже, что нас ждет?»

Но, видя дочку, свет ее чела,
Мать всё же удрученной не была:
«Да, я не сына, дочку родила.
Но пусть создатель счастье ей пошлет!»

Все жены хана собрались в кружок.
Все девочке дарили кто что мог:
Та золотую брошь, та перстенек —
Пусть это всё на счастье ей пойдет.

Решили так: «Мы в помыслах чисты.
Завянут пусть у недругов цветы.
Пусть у друзей исполнятся мечты
И сад желаний пышно расцветет.

Пошлем мы хану радостную весть.
И у него, быть может, сердце есть.
И он вершить не станет злую месть.
И дело примет нужный оборот.

Ведь дочь его прекрасней, чем алмаз.
Она для сердца радость и для глаз.
Увидит дочку властелин хоть раз,
Забудет всё, к груди ее прижмет.

Как он ни злобен, как ни грозен он,
Ее красою будет поражен».
Так порешили дружно сорок жен
И думали, что верен их расчет.

А девочка спала, бела, нежна
Была, как пери чудная, она.
Шептали сорок и одна жена:
«Подобных в мире не было красот!»

И если б не был слеп и не был глуп,
Свою забыл бы Зулейху Юсуп,
Увидев очертанья этих губ,
Глаза и брови черные вразлет.

Как дочь прекрасна, как лицом бела,
Глаза большие, хоть сама мала.
Пусть неба смертоносная стрела
В безгрешную в нее не попадет.

5

А рано утром, чуть забрезжил свет,
Опять собрались жены на совет:
Как сделать так, чтоб не накликать бед
И чтобы хан о дочери узнал.

Решили: хан усядется на трон
И потекут к нему со всех сторон
Те, кто обижен или оскорблен.
Пусть в этот час Зару проникнет в зал.

Пусть скажет он, что вести хороши.
Поздравит властелина от души
И, поклонясь, попросит суйинши.
Зару позвали, он на зов вбежал.

Тогда во всех подробностях ему
Растолковали жены, что к чему.
«Тебе мы доверяем одному —
Ты не прислужник наш, ты аксакал!

Коснись ты головою ханских ног,
Пусть льется речь твоя, как сладкий сок.
Ступай, наш вестник, да поможет бог.
Аллах на счастье нам тебя послал!»

И вот, молитву сотворя сперва,
И полы подвернув и рукава,
И подбирая нужные слова,
Прошел посланец женщин в тронный зал.

*

Чело венчает шапка из бобра.
На вороте узор из серебра...
По заведенным правилам с утра
Великий хан на троне восседал.

Угрюмое молчанье он хранил.
То он рукою белый ус крутил,
То щеки надувал, что было сил.
Великий хан на троне восседал.

То неподвижно он глядел вперед,
То озирал собравшийся народ,
То он зевал, прикрыв рукою рот.
Великий хан на троне восседал.

В просителей вперив недобрый взгляд,
Пред ним в халатах шелковых до пят
Визири, казии стояли в ряд.
Владыка молча грозный суд свершал.

А в стороне казнили бедняка.
Ему всадили в тело два крюка.
И кровь текла оттуда, где в бока
Остроконечный врезался металл.

Кровавый пот стекал с его чела,
Из глаз его не слезы — кровь текла.
Бедняга, посеревший, как зола,
Отца и мать с тоскою вспоминал.

Палач махал камчою не спеша,
Лениво кости пленника круша.
Прощалась с телом пленника душа,
Он изнемог. Палач и тот устал.

И поднялась камча еще раз пять.
Подумал пленник: что ему терять?
Решился пленник путы разорвать,
Напрягся, застонал — и разорвал.

Освобожденный пленник сгоряча
Свалил ударом наземь палача,
Визиря стукнул со всего плеча,
И, ахнуть не успев, визирь упал.

Освобожденный поднял острый меч
И начал им махать, рубить и сечь.
И чьи-то головы катились с плеч.
Отрубленных голов он не считал.

И кровь текла, как полая вода.
Визири разбегались кто куда.
Властитель понял, что пришла беда,
И убежал трусливо, как шакал.

Несчастного такого же, как он,
Кто тоже был безвинно обвинен
И тоже к смерти был приговорен,
Беглец освободил. Тот саблю взял.

И встали пленники спина к спине,
И стали сильными они вдвойне.
Они приперли стражников к стене
И пробежали через длинный зал.

Бежала стража, слуги вслед за ней,
А пленники вскочили на коней,
По крупам их стегнули посильней.
Где скрылись беглецы, никто не знал.

Вдогонку беглецам пустилась рать,
Чтоб их догнать, поймать и наказать.
«Лови! Держи!» — а их уж не видать,
Искали целый день, да след пропал.

Зару стоял, забившись в уголок,
Он порученья выполнить не мог.

А только стихло, он не чуя ног,
Как в молодые годы, побежал.

*

Сказали женщины: «Опасно ждать.
Хан может сам о дочери узнать.
Ты завтра же пойди к нему опять
И начатое дело заверши.

Но ты, Зару, себя побереги,
Не забывай, что там кругом враги.
Ты сразу же обратно к нам беги,
Увидев, что дела нехороши».

И он пошел, шепча: «Спаси аллах...»
Да чувство дружбы в праведных сердцах
Сильней, чем разум, и сильней, чем страх,
Прекрасней, чем любой порыв души!

Был в это утро хан угрюм и зол.
Он о вчерашнем думал, глядя в пол,
Он ярости в себе не поборол...
Сумрачнолицый он сидел в тиши.

Не то чтоб он жалел убитых слуг,
Ведь он на жалость был довольно туг.
Но помнил он вчерашний свой испуг.
Страх жил еще на дне его души.

Закутанные в саваны тела
Пока еще земля не приняла,
Склонился над убитыми мулла...
Зару предстал перед лицом паши.

Решил визирь, что жалобщик простой
Пришел к владыке с просьбою пустой.
Сказал визирь: «Куда ты прешь, постой,
Успеешь в преисподню, не спеши!»

Зару перед владыкой пал во прах:
«Я с радостным известьем на устах

Пришел к тебе, великий падишах.
Дай за благую весть мне суйинши!

Молился ты и слезы лил из глаз.
Просил дитя у бога каждый раз.
Твое дитя сверкает, как алмаз.
Дай за благую весть мне суйинши!

Всю жизнь была тоска твоя сильна.
Теперь, владыка, жизнь твоя полна,
Как пятнадцатидневная Луна.
Дай за благую весть мне суйинши!

Великий хан, в честь радости такой
Устрой немедля самый пышный той.
Пусть каждый пьет из чаши золотой.
Дай за благую весть мне суйинши!

Ты ждал детей, ты плакал, что их нет.
Ты, мудрый хан, достиг преклонных лет.
Но дочка родилась на белый свет.
Дай за благую весть мне суйинши!»

Владыка был и злобен и горяч:
«Ты суйинши получишь, но не плачь.
А ну, быстрее вестнику, палач,
Дай суйинши — все кости сокруши!»

К бедняге подскочили палачи.
Пред ним мечи скрестили палачи.
Ремнем его скрутили палачи.
«Сейчас тебе дадим мы суйинши».

Бежала кровь, как с гор бежит поток.
Ему сдирали кожу рук и ног.
И пожалеть его никто не мог,
Услышать крик со дна его души.

Владыка ханства был в то утро лют,
Как старый разозлившийся верблюд:
«Презренный раб, пусть кровь твою прольют.
Какая весть — такой и суйинши!»

Призвал к себе немедля хан-злодей
Коварнейшего из своих людей
И злобно молвил: «Девочку убей,
А жен, ее сокрывших, устраши!

Пусть та, что родила, сюда придет,
Ей воздадим мы от своих щедрот.
Пусть остальные знают наперед,
Что дочь — отрава для моей души!»

Так хан сказал и грозный бросил взгляд.
И с толстых губ слуги закапал яд.
Для палача дороже всех наград
Безумие и злость его паши.

*

Два палача расправились с Зару,
Бедняга думал: «Я сейчас умру».
Он полз, изнемогая, по ковру
И оставлял на нем кровавый след.

Он полз куда-то, он стонал в бреду.
А женщины, не зная про беду,
Смеясь играли с девочкой в саду,
На шейку надевали амулет.

Но вот вернулся к женам их посол.
Бедняга, он приполз, а не пришел.
Он окровавлен был и полугол
И на вопросы лишь мычал в ответ.

И жены, чтобы жизнь Зару вернуть,
Ему обмыли спину, руки, грудь.
И, бедный, он, оправившись чуть-чуть,
Сказал им так: «Будь проклят этот свет!

Я хану говорил от всей души.
Я пел, как соловей поет в тиши.
Смотрите — получил я суйинши,
Чтобы запомнить до скончанья лет.

Я рассказал, что, сжалившись, творец
Послал ему ребенка наконец.
Поздравил хана с тем, что он отец.
Но, видно, у владыки сердца нет!

С большим трудом добрался я сюда
Предупредить, что вам грозит беда.
Упрячьте дочь, чтоб не нашли следа,
И отрицайте всё — вот мой совет!»

Сказали жены: «Всех перехитрим».
Они больную подняли Гулим
И обмотали полотном тугим
Ее живот, чтоб скрыть печальный след.

А девочку запрятали в тайник,
Куда не проникал ни солнца блик,
Ни щебет птицы, ни погони крик,
Где темнота спасет дитя от бед.

В саду ворота заперли на крюк
И отошли. Но вдруг раздался стук.
Явился самый злой из ханских слуг.
Он в сад вошел, и стражники вослед.

Он вопросил, меча огонь из глаз:
«Которая здесь родила из вас?
Она должна тотчас — таков приказ —
Пред повелителем держать ответ!»

Сказали женщины, потупив взгляд:
«Никто здесь не родил, о старший брат!
Мы просто шуточный вершим обряд,
Играем в то, чего в помине нет!

Вот как порой мы делаем шутя:
Мы все стоим, одна лежит, кряхтя,
Как будто бы рожает и дитя
Вот-вот появится на белый свет.

О брат, коль есть сомненья, то пойди,
Все наши помещенья огляди.

И пусть нас ждут мученья впереди,
Коль мы сказали то, в чем правды нет!»

И бессердечнейший из ханских слуг
Всё самолично оглядел вокруг.
Работал он не покладая рук,
Но не заметил никаких примет.

Вернулся он к тому, кем послан был:
«Великий хан, не пожалел я сил,
Сам всё проверил и установил,
Что девочка не рождена на свет.

Я посетил твоих прекрасных жен,
Оглядывал я их со всех сторон.
И потому я твердо убежден,
Что каждая из женщин — пустоцвет.

А тот просивший суйинши бедняк,
Наверно, сумасшедший иль дурак.
Но, слава богу, он отделан так,
Что не забудет до скончанья лет!»

Хан молвил: «Вот я думаю о чем:
Ты хитростью служи мне, как мечом.
Моим любимым будешь палачом.
Ты верен мне и помнишь свой обет!

Ты верно служишь мне и будешь впредь
За женами украдкою глядеть.
Будь похитрей, плети потоньше сеть.
Гляди, чтоб дочь не родилась на свет.

А если только обнаружишь ложь,
Дознанье тотчас же произведешь.
А дочь родится — девочку убьешь.
В ней вижу я причину многих бед».

Палач сказал: «Я к женам проберусь».
Палач сказал: «Я в зренье превращусь.
Еще я покажу, на что гожусь,
Меня не проведут, я мудр, я сед!»

*

Палач хитер, но женщины хитрей.
И всё известно стало им скорей,
Чем соглядатай мрачный у дверей
Угрюмо встал с наружной стороны.

И в ту же ночь Зару, набравшись сил,
Без отлагательств к делу приступил.
Он уходил куда-то, приходил.
Он говорил: «Мы поспешить должны».

Он утешал Гулим: «Мы наш алмаз
Надежно скроем от досужих глаз.
Осталось мало времени у нас.
Мы стражников перехитрить должны.

В деяньях осторожность нам нужна.
Тогда опасность будет не страшна.
Стрелу в нас пустят — пролетит она,
Коль будем мы дружны и сплочены».

Под женским помещеньем был подвал.
Вернее, не подвал — просторный зал.
О нем никто не помнил иль не знал,
За исключением одной жены.

И жены, сговорясь между собой,
Сошли под свод, дарованный судьбой,
Всё вымыли, украсили резьбой,
Достали кошмы снежной белизны.

Трудились целый день, и наконец
Подземный зал стал лучше, чем дворец:
Кругом ковры, по стенам изразец.
Светильник наверху светлей Луны.

В уютном подземелье с потолка
Свисали вниз два золотых крюка.
И зыбка золоченая, легка,
Качалась плавно у одной стены.

И девочку, укутанную в пух,
Под шепот добровольных повитух
Перенесли в подвал, что слеп и глух,
Где палачи и стража не страшны.

Остались позади препоны все.
Вздохнули жены облегченно все.
На той большой собрались жены все,
И были яства сладки и жирны.

Достали жены шелковый платок,
Колечко завязали в узелок.
Сказали жены, в тесный сев кружок:
«Мы нашей дочке имя дать должны».

Гульзар — решили девочку назвать
За то, что дочь красивее, чем мать.
За то, что суждено и ей страдать,
Что ей тревожные приснятся сны.

Так девочку назвали неспроста —
Она ведь горемычна и чиста.
Гульзар, Гульзар, печаль и красота
В прозвании твоем заключены.

Ты для цветенья рождена. Но тут
Цветы скорее вянут, чем цветут.
Ты — птица, птицам петь здесь не дают.
Здесь на страданья все обречены.

...Пир продолжался; все — и млад и стар
Желали счастья маленькой Гульзар.
Как в молодые годы, взяв дутар,
Зару коснулся пальцами струны.

Послушался дутар дрожащих рук,
И медленно потек печальный звук.
Старик Зару играл, молчал и вдруг
Запел средь наступившей тишины.

ПЕСНЯ ЗАРУ

Жизнь улетает, я уже старик.
Что в жизни знал я и чего достиг?
О камень билось сердце, я привык.
На муки много нас обречено.

Была на сердце рана — я терпел.
Обиды беспрестанно я терпел.
От бая и от хана я терпел.
На муки много нас обречено.

Хан погубил моих отца и мать.
Меня всю жизнь заставил он рыдать.
Когда-нибудь тирана растерзать —
Вот у меня желание одно.

Случится, может быть, что я, Зару,
Не доберусь до цели и умру.
А не умру, так силы соберу
И отомщу тирану всё равно.

С тех пор как появился я на свет,
Нет счастья у меня и жизни нет.
Виновнику моих невзгод и бед
Я отомщу, коль это суждено.

Сейчас я расскажу вам о былом.
Когда-то я могучим был орлом,
А стал сычом с поломанным крылом.
Гляжу на мир в тюремное окно.

Я был ковром — ковер побила моль.
Был соловьем — его скрутила боль.
И стал верблюдом я, что возит соль,
Всё солоно вокруг, накалено.

Искал я хлеба, чтоб не голодать,
Арбу искал я, чтоб откочевать.
Я ичиги искал, а где их взять?
Ходить босым мне было суждено.

Что в жизни я искал, за чем ходил,
Нигде и никогда не находил.
Я в поисках своих лишился сил.
А предо мною было всё темно.

Мне душу жгли лишенья и враги.
Носил я горе, словно две серьги.
Себе шептал: мечту хоть сбереги.
Но и мечты сберечь нам не дано.

Несчастным пастухом был мой отец.
Кляня судьбу, он пас чужих овец.
Его велел повесить хан-подлец
И бросить тело в озеро, на дно.

Осиротев, рыдала в горе мать.
Проклятый хан ее велел связать.
А я остался жить и проклинать
Тех, кем в удел страданье мне дано.

Я странствовал, пришел в далекий край.
Нет хлеба, хоть ложись да помирай.
И взял меня к себе недобрый бай,
Чтоб я отары пас, молол зерно.

Пока я пас баранов и ягнят,
Опал, увял мой нерасцветший сад.
И понял я, когда взглянул назад,
Что молодость моя прошла давно.

Хозяин мой, жестокий бай Алим,
Был кровожаден, мрачен, нелюдим.
Он спуску не давал рабам своим.
Любил он кровь, как пьяница вино.

В работников своих вселял он страх,
И все мы были у него в руках.
Бить палками и вешать на крюках —
Так было у него заведено.

Мой каждый шаг богач считал виной.
Меня он плетью бил волосяной.

Лишь плеть — награды я не знал иной,
Мне было горько, а ему смешно.

Водились волки в местности у нас,
И на отару, что я в поле пас,
Они напали ночью как-то раз,
Да, видно, так уж было суждено.

Во тьме огнем блестели их зрачки,
Вонзали волки острые клыки
В овечьи животы и курдюки
И рвали их пушистое руно.

Потом, когда утих переполох,
Считал, не досчитался четырех.
Взмолился я: «Спаси, великий бог!»
И предо мною стало всё темно.

Погнал я, свету белому не рад,
Отару поредевшую назад.
Застлали слезы мой печальный взгляд.
Всё было предо мной черным-черно.

Входя в аул, я поглядел вокруг.
Хозяин мой, как налитой бурдюк,
Стоял, не выпуская плеть из рук.
Он, видно, ждал меня уже давно.

Потом меня куда-то волокли.
Всю ночь избитый я лежал в пыли.
Потом на ханский суд меня вели.
Всё было предо мной темным-темно.

Властители рядят и судят так:
Богатый прав, а виноват бедняк.
«Повесить, — хан сказал и подал знак. —
Воров подобных миловать грешно!»

Меня от смерти спас один хаким,
Не потому, что добрым был таким, —
Решил он взять меня рабом своим.
А рабство, лучше ль гибели оно?

Пред ханом он земли коснулся лбом,
И вот я вечным стал его рабом.
Он бил меня и попрекал куском,
И мучиться мне было суждено.

Но господин мой умер, и тогда
Попал я по случайности сюда.
А здесь меня не стерегла беда,
Мне встретить счастье было суждено!

Любовь друзей, быть может, в первый раз
Мне довелось узнать, живя средь вас.
Всё ради вас отдам я хоть сейчас.
Жизнь или смерть — теперь мне всё равно.

...Рассказ свой, начатый издалека,
Окончил он; да, жизнь была горька.
И женщины жалели старика,
Они привыкли к старику давно.

Он, может, был любимей, чем отец,
Для юных жен, попавших во дворец.
Он был отрадой бедных их сердец.
Они привыкли к старику давно.

*

Зару свои печали позабыл.
Он добровольно, не жалея сил,
И стражем девочки и нянькой был.
Он заменял ей нежного отца.

Он девочку заботливей, чем мать,
Качал, когда ей надо было спать,
А просыпалась, он качал опять,
Ей заменял и няньку и отца.

Ни голода не знал он, ни нужды.
Пред ним лежали зрелые плоды,
Хлеб и кувшины, полные воды,
За что старик благодарил творца.

Когда кругом стихало, в час ночной
Все жены к девочке своей родной
Спускались осторожно, по одной,
Под своды потаенного дворца.

И там глаза блестели — сорок пар —
Ласкали жены бедную Гульзар.
Свое тепло ей приносили в дар
И отдавали ей свои сердца.

Она светилась, словно огонек,
И оглашала смехом свой чертог.
Журчала, как растаявший снежок.
Она звенела звонче бубенца.

Была она красива и нежна.
Была светлей, чем Солнце и Луна.
И всё же в подземелье желтизна
Уже коснулась нежного лица.

А время быстро движется, не ждет.
Со дня рожденья дочки минул год.
Стал у другой жены расти живот,
И ждали все счастливого конца.

Ни сорок жен, ни будущая мать
Не стали милости от хана ждать.
И то, что женщина должна рожать,
Сокрыли от властителя дворца.

За ней ходили все, как за Гулим.
Желали, чтоб ребенок был большим,
Чтобы он был здоров и невредим,
Чтоб стал потом мудрее мудреца.

Ей, как Гулим, старались все помочь.
Срок подошел, и вот однажды в ночь
Еще одна на свет явилась дочь.
И снова в жертву принесли тельца.

Зару в подвале, спрятанном в тиши,
Узнав об этом, рад был от души.

За весть благую дал он суйинши,
Смахнув слезинки с дряблого лица.

В гареме повторилось всё опять.
Была счастливой молодая мать,
Ее все жены стали поздравлять,
Благодарить за милости творца.

И эта дочь — будь славен божий дар! —
Была еще красивей, чем Гульзар.
И дали имя девочке — Анар
За тихий нрав и красоту лица.

Обмытую руками повитух,
И эту дочку обернули в пух.
Теперь Зару стал нянчить сразу двух,
Им заменять и няньку и отца.

6

Минуло много лет и много бед.
Зару совсем стал немощен и сед.
Исполнилось Гульзар пятнадцать лет,
Тринадцать лет исполнилось Анар.

Они красивы были, но бледны.
«За что мы здесь весь век сидеть должны?
За что мы здесь во тьме заключены?»
От этих мыслей их бросало в жар.

И девочки однажды неспроста
Сказали старику: «Зару-ата,
Быть может, наша мысль глупа, пуста,
Но объясни нам, ты ведь мудр и стар.

Нам минуло уже немало лет,
А мы не знаем, есть ли в мире свет.
Проходит где-то жизнь, а нас там нет.
Зачем нам жизнь дана аллахом в дар?

В тюрьме томимся мы, а жизнь вокруг,
К нам не доходит посторонний звук.

Живем мы здесь, и нет у нас подруг.
Зачем нам жизнь дана аллахом в дар?

Когда, не помним, но давным-давно
Попали в подземелье мы, на дно.
За что, скажи, нам это суждено,
Зачем нам жизнь дана аллахом в дар?»

И вспомнил он все злоключенья их
С далеких лет, со дня рожденья их.
Про ханский гнев, про положенье их
Всё рассказал он, не смягчил удар.

И стали плакать девушки навзрыд:
«Что ждет нас в жизни, что нам предстоит?!»
Зару молчал: и сам он был убит,
И у него внутри пылал пожар.

И девушки сказали: «В царстве тьмы
Зачем от матерей родились мы?
Наш темный мир еще тесней тюрьмы.
Нас прячут, как украденный товар».

Пришла одна, потом другая мать,
Несчастных дочек стали утешать.
Чтоб их развеселить, Зару опять
Стал песню петь, послушный взяв дутар.

*

Сказали девочки: «На белый свет
Зачем явились мы, здесь счастья нет,
И в этом подземелье столько лет
За что томиться обе мы должны?»

Зару молчал, хоть был и мудр и сед,
С трудом нашел он слово им в ответ.
Он так сказал им: «Там снаружи — свет,
Пусть он лишь озаряет ваши сны!»

Старик сказал уже не в первый раз:
«Вы для меня, родные, светоч глаз.

Вам суждено страдать, хотя на вас
Нет от рожденья никакой вины.

Жизнь такова, что, как ни размышляй,
Лишь здесь для вас покой и сущий рай.
Вам это подземелье — отчий край,
И покидать его вы не должны.

Туда, на свет, дороги далеки,
Повсюду вам расставлены силки,
Там люди злы, соблазны велики,
Вы только здесь от бед защищены.

Там столько зла, печали, горя, мук,
Там столько злобных глаз и грязных рук.
У хана много палачей и слуг,
И все они коварны и сильны.

Ко тьме привыкшим, свет вам повредит,
Вас свет с пути собьет и ослепит,
Там ждет вас столько горя и обид,
Живите здесь, где были рождены».

Он говорил и слезы лил из глаз:
«Спешить на свет вам незачем сейчас!»
Но молодые плохо слышат нас,
Умом своим они всегда умны.

*

Спустились как-то до ночного сна
Вниз, к дочкам, сорок и одна жена.
Гульзар пошла навстречу им, она
Сказала: «Мы вас просим об одном!

Здесь, в подземелье, стосковались мы.
Позвольте выйти нам из этой тьмы.
Покинуть стены мрачные тюрьмы.
Мы погуляем и опять придем!»

Гульзар сказала: «Бог нас сохранит.
А встретимся с отцом, отец простит.

В чем дочерей своих он обвинит,
За что осудит, заподозрит в чем?

Его согреет ласковый наш взгляд.
И сам он этой встрече будет рад.
Поймет он, что во многом виноват,
Когда ему расскажем обо всем».

Сказали жены: «Это их мечта,
Она хоть и опасна, но чиста».
И распахнулись тайные врата,
Наружу вышли девушки вдвоем.

От красоты их стала даль светла,
И жители решили: ночь прошла
И надо приниматься за дела,
Как бедным людям подобает днем.

И люди встали, отряхая сон,
И видят: мир не Солнцем озарен,
Чудесной красотой двух юных жен
Мир божий озарен по окоем.

И многие упали к их стопам,
Еще не веря собственным глазам,
И так сказали: «Прикажите нам,
Скажите слово, мы за вас умрем!»

Все выбегали из своих ворот,
Стеной красавиц окружил народ.
А девушки вперед, вперед, вперед
Шли, пробираясь сквозь толпу с трудом.

И в этот час, на небесах горя,
Всходила где-то за горой заря.
Она пылала, как бы говоря
Своим едва понятным языком:

«Вам, девушки, отец не будет рад.
И чем идти куда глаза глядят,
Скорей ступайте, бедные, назад,
Чтоб не случилось сожалеть потом!»

Дивились девам все: и млад и стар.
«Кто вы? — спросили люди у Гульзар. —
Иль, может быть, аллах чудесный дар
Дал грешникам, чтобы отнять потом?»

И девушки сказали наконец:
«Великий ваш властитель — наш отец.
Мы только что покинули дворец,
Где много весен прожили тайком».

Тогда какой-то ловкий человек,
Чтоб милость хана обрести навек,
К властителю примчался и изрек:
«Свершилось чудо в городе твоем!

Властитель мой великий, мне внемли.
В твой сад две ханских дочери пришли.
Красы подобной, жители земли,
Не наблюдали мы, пока живем».

Подумал хан: «Бредущие одни,
Какого хана дочери они?
Но если девы ангелам сродни,
То должно быть им во дворце моем!»

Вздыхая, что теперь он староват,
Хан облачился в праздничный наряд
И в свой бескрайний, в свой дворцовый сад
Направился он чуть ли не бегом.

Туда пришел властитель, где Гульзар
Играла, пела, в руки взяв дутар,
И грел людей ее сердечный жар,
И озарялось светом всё кругом.

Великий хан был чудом поражен.
Таких красивых он не видел жен,
И обомлел на миг, и замер он,
И весь греховным запылал огнем.

Не мог узнать он дочерей своих.
Он к девушкам шагнул и обнял их

И, не стыдясь ничуть людей чужих,
Подумал: «Я мечтаю вот о ком!»

Он рек: «Из-за каких высоких гор
Явились вы, чтоб мой утешить взор?
Где, пери, вы таились до сих пор,
На свет родились вы в краю каком?»

Красавицы ответили: «Старик,
Зачем пришли и подняли вы крик?
Был нашим домом во дворце тайник,
Свой век недолгий прожили мы в нем».

Жужжал старик, как над цветком пчела:
«Настолько каждая из вас мила,
Что опасаться вам не надо зла».
Гульзар он обнял и сказал: «Пойдем!»

Внемля столь глупым старческим словам,
Они сказали: «Это странно нам.
Ячмень дают коням, а не ослам,
Не старика мы, а джигита ждем!»

От этих слов разгневался старик:
«Вы, пери, слишком остры на язык.
Но где вы прятали свой чудный лик,
Откуда вы пришли сюда вдвоем?»

Анар сказала: «Честно говоря,
Ведете вы такие речи зря.
С сестрой мы обе — дочери царя,
И скоро вы узнаете о том!»

Блистая серебром своих седин,
Стоял пред ними старый властелин.
Он им сказал: «На свете царь один.
А прочие почиют вечным сном!»

«О нет, старик, отец наш жив-здоров.
Но люди говорят: он столь суров,
Что лучше б ваших нам не слышать слов,
О них жалеть придется вам потом».

Старик нашелся и на этот раз:
«Коль ваш отец могуч и любит вас,
Чего ж вы опасаетесь сейчас?
В чем грешны пред родителем своим?»

«Вы, разума лишившийся старик,
Свой лучше придержали бы язык.
Родитель наш — властитель, он велик,
И обе мы безгрешны перед ним».

«Тогда мне объясните наконец,
Кто ваш родитель, где его дворец?
Пусть дочерей продаст мне ваш отец.
Готов я щедрый заплатить калым».

«Ах, старец, ваши речи неумны.
Правителя всей вашей стороны
И знать и опасаться вы должны —
Он нам отцом доводится ро́дным!»

Старик был этой речью удивлен:
«Здесь власть моя, здесь правит мой закон.
Здесь лишь один властитель, — крикнул он, —
И места нет властителям другим!»

И обе девушки издали крик,
И помутился разум их на миг:
«Прости, отец, владыка всех владык,
К моленью нашему не будь глухим!»

Воскликнули они: «Отец, прости,
К тебе найти мечтали мы пути,
Но нас весь век держали взаперти.
Не будь жестоким к дочерям своим!»

Был тверд властитель и на этот раз.
Тень прошлых лет его коснулась глаз.
Припомнил он давнишний тот приказ,
Что отдал соглядатаям своим.

На свете добрых не было царей.
И этот, верный прихоти своей,

Искал наложниц, а не дочерей,
И потому он был неколебим.

Упали дочери к его ногам:
«Отец родной, не будь жестоким к нам!»
Но был к своим жесток он дочерям,
И вообще был царь неумолим.

«Зачем они нужны мне? — думал он. —
Им не смогу я завещать свой трон».
Во все века властитель обречен
Быть верным собственным законам злым.

И понял хан, коварен и жесток,
Что невелик в красе красавиц прок,
Ведь насладиться ею он не мог,
И значит, всё достанется другим.

И отдал хан прислужникам приказ:
В лесу, подальше от досужих глаз,
Красавиц этих умертвить тотчас.
Не должно оставаться им живым.

Взмолились дочери: «Не будь жесток!»
Упав, они его касались ног.
Но прочь ушел властитель: он не мог
Себя волненьям подвергать таким.

И дочери владыки той земли
На чудо лишь надеяться могли,
Когда на казнь их, бедных, повели
Туда, где лес был темным и глухим.

*

На самой дальней из лесных полян
Богатыри раскинули свой стан.
Те два, которых испугался хан
В дворцовом зале, в день родов Гулим.

Они вдвоем, вдали от ханских глаз,
Таились, ждали, что пробьет их час,

И пищу добывали всякий раз
Охотою на дичь, трудом своим.

Пятнадцать лет для них прошли не зря.
Огнем святого мщения горя,
Сбирали силу два богатыря
И ныне войском обросли большим.

В один из дней богатыри вдали
Узрели: стражники по лесу шли
И двух красавиц связанных вели
По тропам, нелюдимым и глухим.

Джигиты видели издалека,
Как палача умелая рука
Спустила петли с толстого сука
На шеи этим пери неземным.

Тогда джигиты с саблями в руках
На робких стражников нагнали страх,
И те из них бежали впопыхах,
Кому остаться удалось живым.

Итак, бежала в страхе эта рать...
Конца мы не заставим долго ждать.
Повествованье нам пора кончать,
Вам досказать его мы поспешим.

Из двух джигитов старшему Гульзар
И душу отдала и сердце в дар.
А младшему понравилась Анар,
И люди счастья пожелали им.

Им все желали долгих, долгих лет.
Всю ночь был пир, а чуть забрезжил свет,
Богатыри собрались на совет:
Как им расправиться с тираном злым?

И выступили воины в поход.
Шел вместе с ними весь простой народ.
Они достигли городских ворот,
Заполыхал огонь, и взвился дым.

У воинов была рука крепка,
И столь была их сила велика,
Что разбегались ханские войска
Или сдавались воинам лихим.

И так сердца их были горячи,
Так стрелы метки и остры мечи,
Что стражники дворца и палачи
Сдавались победителям своим.

Кто им на милость сдался, был прощен.
Тот, кто сопротивлялся, был сражен.
И пошатнулся вечный ханский трон,
Хоть он, казалось, был неколебим.

Со всех сторон был город окружен,
А вскоре и совсем освобожден.
Свободны стали сорок ханских жен.
Свободна сорок первая — Гулим.

Хан спал, не зная, что грядет беда,
Возмездья час и грозного суда,
Что гаснет яркая его звезда,
Пришли батыры, чтоб покончить с ним.

Они достигли цели наконец,
Свершили, что хотели наконец...
И мы дастан допели наконец,
И тех, кто слушал нас, благодарим!

*

Я много дней при свете и впотьмах,
Что думал, то писал на сих листах.
Я завершил дастан — велик аллах —
И жду теперь лишь вашего суда.

Я прожил век, я сделал всё, что мог.
Сложил поэму — много сотен строк,
Чтоб вам сказать: в стране, где хан жесток,
Его несчастным подданным — беда.

Для нас черней бывает ли напасть,
Чем злая и неправедная власть?
Коль движет ханом не закон, а страсть,
Народ не будет счастлив никогда.

Удача — конь, но не случилось мне
Скакать на этом дорогом коне.
Народ в моей несчастной стороне
Был бедным и обманутым всегда.

Но сколько б ни было на свете бед,
Наш мир один, един наш белый свет.
Ему ни края, ни скончанья нет,
Хоть не останется от нас следа.

Султан-суюн, великий Мурали
И те на свете были, да ушли.
Но вечны мир и жители земли,
Хоть не на долгий срок пришли сюда.

Бердимурат, приходит твой черед,
В далекий край твой караван бредет.
Но то, что ты оставил, пусть живет,
Когда ты сам исчезнешь навсегда.

ОТЕШ-ШАИР

Отеш Алшынбай улы, известный в каракалпакской литературе под именем Отеш-шаира, родился в 1840-х годах в местности Кабаклы на южном побережье Аральского моря. Прямой потомок знаменитого Жиена-жырау, он происходил из бедняцкой семьи. Получив начальное образование в аульном мектебе, поэт тем не менее вел жизнь простого дехканина-бедняка.

Отеш был близким другом великого поэта Бердаха, кончина которого глубоко потрясла его и внушила ему стихотворение, известное под названием «На смерть Бердаха». Восторженный почитатель подвига Ёрназара-Алагёза, предводителя народного восстания 1855—1856 годов, Отеш-шаир воспевал в своих стихах справедливость, осуждал социальное неравенство, метко разоблачал баев и служителей духовенства.

39. НА СМЕРТЬ БЕРДАХА

Когда, от восхищенья глух и нем,
Читал я лучшую из всех поэм
И вами жил, Гариб и Шасенем, —
Вдруг всадник появился перед домом.

Понурившись, ступил он на порог,
И, оторвавшись от бесценных строк,
Досадуя, что гость меня отвлек,
Во двор с гонцом я вышел незнакомым,

Так странно юный голос прозвучал —
Недоброе он что-то предвещал...
И вправду — гость мой страшное вещал,
А я молчал как пораженный громом.

«Рыдая дни и ночи напролет,
Душой страдая за родной народ,
Певец Бердах — поэзии оплот —
Был призван богом и ушел из жизни...»

Протяжный вопль сдержать я не сумел...
Весь мир перед глазами почернел...
И скоро весь аул уже скорбел
Со мною на внезапной этой тризне.

Нежданная, великая беда —
Такой никто не ведал никогда!
Погасла путеводная звезда —
Поэт Бердах судьбою взят из жизни!

Но превозмочь хочу печаль свою —
Хвалы Бердаху громко воспою:
Он славен был в отеческом краю,
С мечтой о счастье он ушел из жизни.

Гордился им и старец и юнец,
Читал он тайны всех людских сердец,
Он человечности служил, мудрец,
Он жизнь любил — и вот ушел из жизни.

Он пламень правды в песнь свою вдохнул,
Он не страшился ни господ, ни мулл,
Но зоркий ум в глубокой мгле уснул —
Достойный рая, он ушел из жизни.

Его уста лишь истину рекли,
Сравнится с ним один Махтумкули,
Ценил он честь превыше благ земли,
А ныне в землю он ушел из жизни.

От скорби изменился облик мой,
Опухшие глаза объяты тьмой.
О друг, утешь меня и успокой,
Не верю я, что ты ушел из жизни!

Внемлите: друг Бердаха говорит.
(Душа при этом имени горит!)
Он сердцем был отважен и открыт,
Поэт-батыр ушел из нашей жизни.

Коль я солгу — меня накажет бог!
Бердаха слушать я часами мог,
В речах он был немногословен, строг, —
Учитель лучший мой ушел из жизни.

Его Жиен-жырау наставлял,
Потом и сам наставником он стал,
На верный путь певцов благословлял...
Увы, ушел наш поводырь из жизни!

Играл он на дутаре, звонко пел,
И сердцем и умом был чист и смел,
Стихом он, как мечом, разить умел,
Гроза врагов — Бердах ушел из жизни.

Тоска глаза и души наши ест,
Затоплено слезами всё окрест,
Я без него в миру один, как перст,
Судьба решила — он ушел из жизни.

Смеялся друг и жалко плакал враг,
Когда того желал поэт Бердах,
Парил он мыслью в будущих веках,
Но, ясновидец, он ушел из жизни.

Встречались мы с Бердахом много раз,
И беды общие терзали нас,
Но песнь его блистала и лилась,
И вот владыка слов ушел из жизни.

Не зря приснился мне зловещий сон, —
Ужасной вестью был я пробужден...
Я вспоминаю всё, что сделал он,
Зову его — но он ушел из жизни.

А слезы всё струятся, всё слепят...
Но различает мой померкший взгляд,
Что не один я, что со мной скорбят
И все друзья ушедшего из жизни.

На миг уймусь я — и опять, опять
Рыдания не в силах удержать,
Как рыба, бьюсь я — нечем мне дышать
При мысли, что Бердах ушел из жизни.

Чапан под ливнем слез моих промок,
И духом я от горя изнемог,
Подкошенный тоской, валюсь я с ног,
Он поддержал бы — да ушел из жизни.

Он против тысячи бахсы один
Стоял в словесных битвах, исполин!
Народа своего великий сын,
Заступник сирых — он ушел из жизни.

Жил семьдесят три года наш поэт,
И мог бы жить еще немало лет...
Смерть, подлая, тебе прощенья нет,
Сражен тобою, он ушел из жизни!

Во вдовий цвет оделась вся страна,
От горя твердь небесная черна...
На вечные прославлен времена
Тот, кто вчера навек ушел из жизни.

Он был достоин званья своего,
Он благородство чтил и мастерство,
Каракалпакской песни торжество,
Тиранов бич — Бердах ушел из жизни...

На похороны славного певца
Текли людские толпы без конца,
А я не смел на гроб поднять лица,
Не верилось, что он ушел из жизни!

Но люди шли, стеная и скорбя,
С рыданьями теснились вкруг тебя, —
И, стоя как в тумане, понял я:
Любимый всеми, ты ушел из жизни.

Когда же поднял я глаза на миг,
Жестокий ужас в грудь мою проник,
И я, как в сердце раненный, поник,
Поняв, что ты, Бердах, ушел из жизни.

Твой гроб поставлен в правый угол был,
И занавес тебя от взоров скрыл, —
Его откинув, я лишился сил
И наземь рухнул... Ты ушел из жизни!..

На похороны светоча земли
И ближние и дальние текли:
Узбеки шли, казахи с плачем шли, —
Любимец всех племен ушел из жизни!

В то утро никого бы не нашлось,
Чьи очи не горели бы от слез,
Чье сердце, как змеей, не обвилось
Тоскою злою, — ты ушел из жизни!

Зовет на тризну всадник молодой,
Почтенный старец с белой бородой
Склоняется безмолвно над тобой, —
Но ты не видишь. Ты ушел из жизни.

Кто, скован скорбью, на камнях лежит,
Кто с порученьем горестным спешит,
Там у тандыра хлеб печет джигит
Для тризны в честь ушедшего из жизни.

Один, подножье гроба охватив,
Сам, словно гроб, угрюм и молчалив,

Другой к тебе взывает, позабыв,
Что ты замкнул свой слух, уйдя из жизни.

И скачут, скачут черные гонцы —
Отборные джигиты-удальцы —
И злую весть несут во все концы:
Бессмертный наш Бердах ушел из жизни!

И, как теленок, потерявший мать,
Не может не метаться, не мычать,
Мы плачем... Но от плача не восстать
Тому, кто навсегда ушел из жизни.

Я образ друга силюсь вновь вернуть:
Он ласков был, не важничал ничуть.
Как радовались мы, начав свой путь,
Забыв, что срок придет уйти из жизни!

Пригнали для поминок телок, коз,
И Нуратдин-мясник клинок занес,
И с новой силой льются реки слез
Из глаз родни ушедшего из жизни.

Пред Каракум-ишаном — как велит
Обычай — голова бычка лежит.
Закатом алым небосвод облит...
С почетом ты, Бердах, ушел из жизни.

Каракалпаки тут, киргизы тут —
Из близких, из далеких мест идут,
И молит небеса смиренный люд,
Чтоб ада ты избег, уйдя из жизни.

Примчались люди племени Кунград,
Прислал послов Ашамайлы-кыят,
Печалью о тебе весь мир объят —
Ты, покорив сердца, ушел из жизни.

Пришли муйтены, подвиг твой ценя,
Они тебе по матери родня,

И я подумал, голову склоня,
Что ты живешь в сердцах, уйдя из жизни.

Когда мы в прошлом встретились году,
Сказал ты: «Друг мой, скоро я уйду...»
Как будто чуял близкую беду,
И вот свершилось: ты ушел из жизни.

Кыпчаки и ногайцы — все творят
Торжественный и горестный обряд.
И русские здесь тоже, говорят...
Как чтят тебя! А ты ушел из жизни.

Улемам и ахунам счета нет!
Чалмы их источают снежный свет.
И все молитвы — о тебе, поэт,
Чтоб с миром ты ушел из этой жизни.

Оказана тебе большая честь, —
Не счесть ишанов, суфиев не счесть,
Наверно, в этом смысл особый есть:
Знать, не грешил ты в этой грешной жизни.

И вновь готов слезами я истечь,
Припоминая радость наших встреч.
Ты дружбу, как никто, умел беречь,
Ты был моим богатством в скудной жизни.

Когда б ты видел, как тебя мы чтим!
Поистине ты всеми был любим,
Ты, как Луна, сиянием своим
Светил во мраке нашей темной жизни.

Начертан свыше человеку путь,
И с этого пути нельзя свернуть.
Отеш, умолкни. Друга не вернуть.
Пастух ли, царь ли, — всяк уйдет из жизни.

40. ПОДОБНЫ

Да, разный люд живет еще на свете!
Иные к нам добры, иные злобны.
В тех благородства яркий свет, а эти,
Увы, лишь свиньям мерзостным подобны.

Свет истины иные защищают,
Лжеца краснеть слова их заставляют,
Согбенного бодрят и выпрямляют, —
Родимому отцу они подобны,

А те за совесть назначают цену,
Измену не считают за измену,
От праведного прячутся за стену, —
Такие злому демону подобны.

В гордыне никому не уступая,
Божась и тут же клятвы нарушая
И дерзостно о боге забывая,
Они скоту безмозглому подобны.

Взять Ермекбая нашего, к примеру:
К чему о правде думать лицемеру?
Беспечен, легкомыслен он не в меру,
Привычкам пса дела его подобны.

Из года в год свои стада он множит,
Никто из нас сравниться с ним не может,
Растит и хлеба вдоволь он, а всё же
Глаза — глазам голодного подобны.

Двух чабанов теперь он держит дома,
Одежда их — тряпье, постель — солома,
Знакомы им побои, брань знакома, —
Мышам летучим бедные подобны.

Дела у Ермекбая неплохие,
И всё ж среди каракалпакских биев
Про богатея ходят шутки злые:
Ермекам все дела его подобны.

Из милости он кормит двух сироток.
На что уж нрав их безответен, кроток,
А он ворчит: «В три шеи обормоток!»
Не хрюканью ль слова его подобны?

В нем наглости и спеси слишком много,
Таких бы надо вышвырнуть с порога
Да в степь прогнать — туда им и дорога, —
Они бы стали джиннам злым подобны.

Осталось попросить нам Ермекбая
Нас не бранить, невежами считая, —
В степи такие быстро одичают
И станут вскоре демонам подобны.

41. НАДО

Коль сиротой ты родился́ на свет,
Тебе ни радости, ни ласки нет,
И сгорблен ты под ношей горьких бед —
Скорее бы уйти в могилу надо.

Коль торжествует твой давнишний враг,
И силы нет втоптать его во прах,
И жар борьбы потух в твоих глазах, —
Покинуть этот мир унылый надо.

Я с вами, Аблатдин и Нуратдин,
Встречаю бег безжалостных годин,
Но тает снег, и Солнце-властелин
Ведет весну. Помочь светилу надо!

Как много на земле гостило нас!
Страдали мы, мечтая и томясь,
Смерть настигала нас в ненастный час —
Расстаться против воли с милой надо.

Роскошествуют лжец, богач, злодей,
А ты, бедняк, лишь дырами владей.
Мы падаем, мы бьемся средь сетей, —
Покончить нам с нуждой постылой надо.

С умом за дело взяться мы должны,
Нужна нам верность, как клинку — ножны,
Нужна поддержка друга иль жены,
И больше правды быстрокрылой надо.

Отеш-шаир лишь истину сказал,
Свой ум он напоказ не выставлял.
Хочу я, чтобы каждый правду знал, —
Чтоб цель достигнуть, много силы надо!

ГУЛЬМУРАТ-ШАИР

Гульмурат жил и творил в первой половине XIX века. Никаких достоверных сведений о нем не сохранилось. Предание о том, что он происходил из семьи рыбака, дошло до нас через муйнакских рыбаков, среди которых широкой популярностью пользуется его песня «Одинокий гусь».

Гульмурату принадлежит несколько интересных стихотворений. Однако в историю каракалпакской литературы он вошел именно как автор названной песни.

42. ОДИНОКИЙ ГУСЬ

У берега бьется привязанный гусь,
Он крыльями машет, в глазах его грусть.
Напрасно, бедняжка, клюет он веревку,
Напрасно гогочет: «На волю я рвусь! ..»

Увидев летящую стаю гусей,
Кричит он тоскливо и тянется к ней,
Он хочет, несчастный, взлететь в поднебесье,
На помощь зовет своих вольных друзей.

Услышала стая отчаянный зов
И кружит, и кружит среди облаков,
И вскоре спускаются гуси к собрату,
Привязанному у прибрежных кустов.

И ласково шеями трутся они,
И радостна встреча гусиной родни,
А в тайной засаде стрелок бессердечный
Готовит им гибель, скрываясь в тени.

Встречаются гуси у желтой волны,
Гогочут от радости, счастьем полны,
Но тут ударяет в них громом охотник
И жизнь отнимает у них без вины.

У берега бьется привязанный гусь,
Он крыльями машет, в глазах его грусть,
Напрасно, бедняжка, грызет он веревку,
Напрасно гогочет: «На волю я рвусь! ..»

Увы, не избавился он от петли,
А стая скрывается в синей дали.
В тоске безнадежной он лапки сжимает,
И в черную землю их когти вросли.

43. КУДА Я ПОЙДУ?

Семья голодает, и сам я голодный,
Спасения нет от нужды безысходной,
Дороги не вижу прямой и свободной,
Куда же, хоть мир и широк, я пойду?

Полно мое сердце печали и боли,
Доколе мы мучиться будем, доколе?
Дождусь ли когда-нибудь радостной доли?
Куда от забот и тревог я уйду?

Меня оглушили все беды на свете,
Невзгоды жестокие хлещут, как плети,
Рыбачить хотел — унесло мои сети,
Где в море теперь их клубок я найду?

Когда наконец залечу свои раны,
И выскажу всё, и страдать перестану?
Увы, не дождавшись весны долгожданной,
Наверно, за смертный порог я уйду...

Друзья, на себя положиться осталось.
Ведь недругам нашим неведома жалость.
Коль жив человек — это вовсе не малость,
Познав справедливость, в свой срок я уйду.

От горя огнем я горю и сгораю,
Устал от тоски — нет конца ей и краю!
Надежды мои не сбылись... Увядая,
Как сломленный ветром цветок, я уйду.

В руках моих шест, он и крепкий, и длинный,
С плота тростникового сети закину.
На берег озерный, унылый, пустынный,
Нерадостен и одинок я иду.

Камыш и куга стали тощи и сухи,
Их корни мы летом жуем с голодухи,
Измучены дети, глаза их потухли,
Чтоб дать им хоть рыбы кусок, я иду.

«Голодному не повезет и в охоте»,
«Посейте зерно — урожай соберете»,
Но где семена?.. И в угрюмой заботе,
Сминая прибрежный песок, я иду.

Я вижу, как плещутся щуки, сазаны,
И радуюсь этому я несказанно.
Пустым было дно казана непрестанно,
Теперь закипит казанок, — я иду.

Дай, море, улов! Дай мне счастье рыбачье!
Пускай мне хоть раз улыбнется удача,
Чтоб дети впервые заснули, не плача!
Почувствовав силы приток, я иду.

Закинул я сети в местечке укромном
И вот из воды выбираю их темной,
Но что-то вытаскивать слишком легко мне,
Пугаясь, что мало извлек, я плыву.

И правда: попались мне только три штуки —
Сазан небольшой да костлявые щуки.
За шест ухватились в отчаянье руки,
По озеру наискосок я плыву.

Вдруг ветер с востока набросился, воя,
И берег исчез за стеной дождевою...

Сумею ли быстро добраться домой я?
Халат мой дырявый промок... Я плыву...

Волна о волну ударяется с ревом,
Я еле держусь на плоту тростниковом,
Мой плот устоит ли под натиском новым?
От страха дрожа, как щенок, я плыву.

Пригнул камышовые головы ветер,
Он глубь водяную завил круговертью,
Земли словно не было вовсе на свете,
Туман мне глаза заволок... Я плыву...

Гляжу я вокруг, от тоски холодея:
Исчезну вот-вот в этой бурной воде я!
На сушу мне выбраться надо быстрее!
Надеясь, что путь недалек, я плыву.

В упорстве своем я уверен заране:
До берега я доберусь и в тумане,
Быть может, и это пройду испытанье,
Пусть шаток мой плот и убог, — я плыву!

Прибой даже камни уносит, бушуя,
В беду ненароком попал я большую:
Несет меня по морю, смерть свою чую,
Сквозь пенный, бурлящий поток я плыву.

С семьею своею увижусь ли скоро?
Кто будет родителям старым опорой?
Измученный, средь водяного простора,
От гибели на волосок я плыву.

А может, судьба не захочет обидеть
И жизнь у меня не захочет похитить?
Народ свой родной мне бы только увидеть,
И пусть я совсем изнемог — я плыву.

Друзья, этот мир оказался злодеем,
Где недруги жалят, подобные змеям,
Затравлен нуждою, унижен, осмеян,
В миру, что, как море, глубок, я плыву.

Кто умер, тот в мир не вернется постылый,
А я еще жив, хоть у края могилы.
Земля разве так бы со мной поступила?
В народе спасенья залог! Я плыву...

Ждут дети меня, озираясь тревожно,
А море уносит меня безнадежно,
И дна уж нащупать шестом невозможно...
Скорбя, что удел мой жесток, я плыву.

САРЫБАЙ

Биографические данные о Сарыбае, поэте второй половины XIX века, не сохранились. По всей видимости, он занимался рыбацким промыслом на южном побережье Аральского моря.

Сарыбай примечателен как первый каракалпакский поэт, обратившийся к жанру басни, в специфических образах которой он изображал жестокость властей и горькую долю бедняков.

44. Я ВАС ПРОКЛИНАЮ, ГОДЫ МОИ!

Без малого семьдесят лет я живу,
О, каторга злая — годы мои!
Как в мрачном аду, я горю наяву
И вас проклинаю, годы мои!

Не было ни удалого коня,
Ни дорогих одежд у меня,
Жил в нищете я, долю кляня,
Вас проклиная, годы мои!

Век не носил я белых сапог,
Ночью под кровлей дырявой мок,
С вами сражаясь, я изнемог,
Черная стая — годы мои!

Молча таил я слезы мои,
Стоны мои, угрозы мои,
Нету детей, нету семьи —
Один доживаю годы мои...

Счастья я ждал, — но мои мечты
Погибли от горя и нищеты.
Горькая жизнь! Для чего мне ты?
Я вас проклинаю, годы мои!

45. РАЗГОВОР С ЛЕТУЧЕЙ МЫШЬЮ

Сарыбай

Смотрю на тебя — и глазам я не верю:
Куда подевала ты мягкие перья?
Тебя не украсила эта потеря.
Что скажешь с утеса, летучая мышь?

Летучая мышь

Облезлая шапка из шкуры барана,
Твой смех непочтительный слышать мне странно,
Следи же за речью своей неустанно
И будь поучтивей, когда говоришь.

Сарыбай

Зачем прозябаешь ты в темном ущелье?
Ведь сыро и холодно в каменной келье.
Крылатым без перьев какое веселье?
Ответь мне, пожалуйста, бедная мышь.

Летучая мышь

На трудный вопрос ты желаешь ответа!
Была я в красивые перья одета,
Но сжил нас правитель жестокий со света,
По милости царской теперь я голыш.

Сарыбай

Гляди-ка: вон солнце за облаком скрылось,
Поведай мне, что же с тобою случилось?
К какому царю ты попала в немилость
И в чем провинилась, летучая мышь?

Летучая мышь

Скрывать я жестокую правду не стану:
Коварство и пытки царя Сулеймана
Изведаны мною, и все мои раны,
Всевышний, один только ты исцелишь!

Сарыбай

Так вот оно что! Сулеймановы руки
Тебя обрекли на великие муки?
Тебя я расспрашиваю не от скуки, —
Поведай всю правду, летучая мышь.

Летучая мышь

Наверное, мир Сулейману наскучил,
Давно на пернатых глазищи он пучил,
Поймал меня первую — чуть не замучил.
Я вырвалась — юркнула в частый камыш.

Сарыбай

Чего же от птиц-то ваш царь добивался,
Зачем он ловить и терзать их пытался,
О чем он старался и как расправлялся
С другими? Ответь мне, летучая мышь.

Летучая мышь

У птиц он, тряся подбородком от злости,
Выщипывал перья, выдергивал хвостик,
На солнце высушивал легкие кости...
Не вырвешься, если к нему залетишь.

Сарыбай

Высушивал кости? А дальше-то что же?
Число неповинно загубленных множа,
К чему он стремился? Неясно мне всё же.
Рассказывай дальше, летучая мышь.

Летучая мышь

Он птичьего племени целые тучи
Губил, собирал их в кровавые кучи.
Под кучей костер разводил он горючий —
Гори себе, птичка, пока не сгоришь.

Сарыбай

Нет слов, чтобы дальше с тобой состязаться,
Устал я... На север пора отправляться,
Ну что же, счастливо тебе оставаться,
Пора нам расстаться, летучая мышь.

ОМАР-ШАИР

Омар-шаир, полное имя которого — Омар Сигиримбет улы (1879—1922), родился в местности Айрша, на южном побережье Аральского моря. Сохранившиеся биографические данные о нем крайне скупы. Известно, что поэт много странствовал в поисках заработка, батрачил у каракалпакских и казахских баев. Вкусив сполна горечь бедняцкого существования, Омар-шаир клеймит в стихах бездушие своих хозяев, их алчную жадность и грабительский нрав. В стихотворении «Бибиджан» поэт протестует против униженного, бесправного положения каракалпакской женщины. Примечательны сатирические стихотворения Омар-шаира, в которых он осмеивает духовенство («Петух», «Видел» и другие).

46. Я ВОЗВРАЩАЮСЬ

(Отрывок)

Бежать в родной аул хочу,
Я на заре в нем быть хочу,
Я, как на крыльях, полечу —
Домой, домой я возвращаюсь!

Прощайте, нищие края, —
Там родина лежит моя!
Там ждет любимая семья —
К ней наконец-то возвращаюсь.

В семье подарков будут ждать,
Но нечего в подарок дать...
Чем похвалиться? Что сказать?
Гол как сокол я возвращаюсь.

Прощайте все, кого любил,
Хочу, чтоб светлым путь ваш был,
Чтоб недруг вас не погубил,
Один домой я возвращаюсь.

Душа, как птица взаперти,
Рвалась свободу обрести,
Но к счастью не нашла пути, —
Измученным я возвращаюсь.

Пять лет бродил в чужой стране,
За труд наград не дали мне,
И ни копейки нет в мошне —
Таким же нищим возвращаюсь.

Я горя много повидал,
Советы немощным давал,
Всегда несчастным помогал,
А сам несчастным возвращаюсь.

47. ВОЗДАМ

Всем скорпионам, жалящим людей,
Я мщенье своевременно воздам!
Соперники всех ядовитых змей,
Убежища я не оставлю вам!

А также тем, кто землю или скот
Возьмет у бедных и во мрак невзгод
Себе подобного, смеясь, пошлет,
За горе и мученья я воздам.

Внемлите вы, кем разорен бедняк!
Пусть только он покажет мне синяк
От вашей палки иль укус собак, —
За всё без промедленья я воздам.

Тем, кто труды других сосет легко,
Как будто пьет не кровь, а молоко,
Тем, кто вознесся слишком высоко,
За грех и преступленья я воздам!

Всем алчущим скота и серебра,
Вам, в чьей богатой юрте нет добра
Без воровского тайного тавра, —
За ложь и ухищренья я воздам.

Когда злодей, как ураган, с пути
Желает жизни встречные смести,
Пусть он потом не шепчет мне: «Прости!»
Ему без сожаленья я воздам!

48. БИБИДЖАН

Червонным золотом горит над юным сердцем амулет,
Джигита взор она манит, таких красавиц в мире нет!
Что розы сладостной расцвет? Что солнца радостного свет?
Всё затмевает Бибиджан в неполных восемнадцать лет!

Ее чудесной красоты в простых словах не передать, —
С небесной синей высоты сошла на землю благодать.
Не счесть всех молодцев-парней, что тайно думают о ней
И за улыбку Бибиджан готовы жизнь свою отдать.

О красоте ее молва дошла до отдаленных стран,
Не могут описать слова волшебный взор ее и стан,
Она умна, она добра, она — как нить из серебра, —
Среди ровесниц ни одна не стоит юной Бибиджан.

Черны, как ночь, ее глаза и дивной нежности полны,
Речь словно пенье соловья при свете трепетной луны,
А голос у нее таков и таково звучанье слов,
Что может мертвых оживить — тех, что давно погребены.

Алмазный блеск в ее глазах, ее слова для сердца — мед,
Улыбка на ее устах в восторг любого приведет,
И не напрасно все подряд о ней джигиты говорят:
«Дороже золота тропа, где наша Бибиджан шагнет!»

Прекрасным сердцем и умом красавица одарена,
И зажигать любви огнем умеет всех вокруг она,
Она с джигитами строга, но блещут зубки-жемчуга,
Когда улыбкой рот сверкнет и рассмеется вдруг она.

Звучит молва о Бибиджан, что день — то громче
и слышней,
И едут к ней из дальних стран десятки удалых парней.
Все те, кому пора пришла женитьбы жаждой запылать,
Все в жены взять ее хотят, все жадно гонятся за ней.

Везде известна Бибиджан как совершенство красоты,
Волшебный взор ее и стан рождают страстные мечты.
За то, чтоб ею обладать, джигиты рады всё отдать —
И золото, и серебро, и лучшего скота гурты.

Отец со свадьбой не спешил, поскольку сам он был богат,
И дочь свою он сторожил, как сторожат бесценный клад.
Но вот, в один несчастный год, погиб в степи его весь
скот,
И сразу стал он бедняком, в тоске потупил в землю
взгляд.

А рядом жил счастливец бай. Он сына был женить
не прочь.
Имел добра он через край, имел притом невесту-дочь.
Речь о взаимном сватовстве, о крепком будущем родстве
В семье соседа-богача, в роскошной юрте, шла всю ночь.

С усмешкой байский сын сказал: «Да, Бибиджан мне
по нутру,
С другими молодость терял, а эту в жены я беру!
Брат у нее теперь бедняк. Скажу ему, мол, так и так...
Взамен калыма я могу тебе отдать мою сестру!»

Пришел он к брату Бибиджан, сказал: «Ударим по рукам!
Для друга ничего не жаль. Свою сестру тебе отдам!
Бери себе мою сестру, взамен твою себе беру,
Тебе калыма не дадим, и ты не дашь калыма нам!»

И вот уж в самом деле бьют друг друга по рукам они,
Сестер друг другу отдают, как принято и в наши дни.

Прославленная Бибиджан должна уйти в соседний клан
Под песни звонкие подруг и причитания родни.

Хоть брат, ударив по рукам, всё окончательно решил
И, свадьбы день назначив сам, судьбу сестры определил,
Но, услыхав про те дела, чуть Бибиджан не умерла.
И к брату вся в слезах пришла она, собрав остатки сил.

Пришла с заплаканным лицом, вся пожелтев от горьких
слез,
С осенним схожая листом, летящим с кленов иль берез.
Сдержав рыдания в груди, решившись к брату подойти,
Дрожащим, тонким голоском печально задала вопрос:

«Затем ли ты растил меня, сестру послушную свою,
Затем ли ты хранил меня, как розу бог хранит в раю,
Затем ли ты берег меня, чтоб на богачку обменять?
Ужель по сердцу жениха я не найду в родном краю?

За нелюбимого отдав, ты хочешь мне испортить жизнь?
Прошу я, на колени став: брат, за богатством
не гонись!
Пусть я перед тобой в долгу, но подчиниться не могу, —
Я к баю в юрту не пойду, хоть обижайся, хоть сердись!

Взаимным этим сватовством поправить хочешь ты дела?
Ты хочешь, чтобы в байский дом сестра невольницей
вошла?
О брат, опорой для себя всегда считала я тебя, —
Ты хочешь, чтобы не любя я в жертву отдана была?

Зачем бросаешь ты меня, мой брат, на произвол судьбы?
Ты хочешь, чтобы, жизнь кляня, узнала я судьбу рабы?
Подумал ли, чем стану я? В расцвете лет увяну я!..
Хоть обижайся, хоть сердись, но я не сдамся без борьбы!

Пусть нас мулла соединит, молитву к небу вознесет,
Пускай аллах меня казнит, я всё ж нарушу ваш расчет!
Скорее мертвой упаду, чем в юрту байскую войду!
Клянусь, мерзавец Утемис меня женой не назовет!

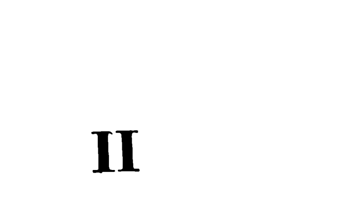
Ни слова больше не скажу, хоть злейшей бранью
оскорби,
Дай волю плетке иль ножу иль голову мне отруби!
За Утемиса не пойду, скорее мертвой упаду!
Убить меня ты можешь, брат, да только после
не скорби!..»

Той речью брат рассержен был, и удивлен, и возмущен,
Но, усмирив обиды пыл, сестре сказал сурово он:
«С тобою в спор я не вступлю. Всё будет так, как
я велю!
Как смела ты мне возражать? Забыла прадедов закон?

С любовью или без любви должна войти ты в байский
дом!
Как Утемиса ни зови — мерзавцем или подлецом, —
Подымется высоко он, наследством будет наделен,
Ведь, как зеница ока, он храним с пелен своим отцом!»

Так речь была тверда, хитра, так спрятал он под веки
взгляд,
Что, покорясь ему, сестра надела свадебный наряд.
Брат ради каверзной игры на карту бросил жизнь сестры,
И погубил свою сестру, и жизнь ей искалечил брат...

Она была красой земли, но горестный удел ей дан, —
Ах, счастья ей не принесли волшебный взор и стройный
стан!..
Пришлось перо мне в руки взять и вдохновение призвать,
Чтоб людям в песне рассказать о тяжкой доле Бибиджан!



II

СЕЙФУЛГАБИТ МАДЖИТОВ

Один из зачинателей каракалпакской советской литературы Сейфулгабит Маджитов (1867—1938) родился в Казанской губернии. Каракалпакия, куда он вместе со своими родителями переселился в юности, стала его вторым отечеством.

Поэт, в совершенстве владевший каракалпакским языком, весь свой талант и просветительскую деятельность посвятил делу создания каракалпакской советской литературы, первых учебников для национальных школ республики.

Его стихотворение «Ильич» — одно из самых ранних в многонациональной советской поэтической Лениниане. В ряде своих стихотворений Маджитов призывал молодежь к овладению знаниями, к борьбе за строительство светлого будущего, за свободу и равноправие женщин Востока.

Значительное место в литературном наследии Маджитова занимает драматургия (пьесы «Багдагуль», «Тазагуль», «Ёрназар Алагёз»). Маджитов известен также как переводчик на каракалпакский язык классика татарской поэзии Габдуллы Тукая.

49. ЗАРЯ СВОБОДЫ

Запылал небывалой зарей небосвод,
Пробудился народ, — что же с нами случилось?
Гибнет черная ночь, всё живое поет.
Изумился народ, — что же с нами случилось?

Это утро свободы вступает в наш край,
Эй, измученный труженик, стан распрямляй!
Вся природа зовет: «Пробуждайся! Вставай!»
Оживился народ, — что же с нами случилось?

Волны света, весь мир затопляя, текут,
Вновь цветы, что под гнетом увяли, цветут,
Был тоской, стал источником радости труд,
Распрямился народ, — что же с нами случилось?

Красный флаг впереди полыхает огнем,
Свет зари золотой отразился на нем,
И влюбленный в зарю, к ней широким путем
Устремился народ, — что же с нами случилось?

Удивляются многие: «Что за рассвет?..»
Свежий ветер свободы им веет в ответ,
Всюду песни звучат... Вешним солнцем согрет,
Обновился народ, — что же с нами случилось?

Встань, свободу приветствуя, каракалпак,
Знай, окончились бедствия, каракалпак,
Угнетенным ты был, стал свободным, земляк,
Возродился народ, — вот что с нами случилось!

50. ИЛЬИЧ

Взять всю Вселенную и взвесить на весах —
Твой труд весомее, твой труд ценней, Ильич!
Свет человечности горел в твоих глазах,
Любил свободу ты, любил людей, Ильич.

Во всей истории таких героев нет,
Бывали смельчаки, но где теперь их след?..
Сломав дорогу лжи, из темноты на свет
Впервые новый путь нам проложил Ильич.

Широк и прям твой путь, ведущий на восход,
В мир справедливости он бедняков ведет,
Воспрянул радостно весь трудовой народ, —
За это ты всю жизнь боролся, наш Ильич.

Шли сотни, сотни лет. Был мрак тяжел, свинцов.
В нем гибли тысячи борцов и мудрецов.
Но кто же путь к заре открыл в конце концов?
Ты это первенство завоевал, Ильич!

Кто из мыслителей дал руку беднякам?
Кто путь им указал к счастливым берегам?
Всем прошлым временам, всем будущим векам
Ты показал пример, премудрый наш Ильич.

Огромен был твой труд! Ты тридцать лет подряд
Сажал, выращивал свой плодоносный сад,
Когда же этот сад стал пышен и богат,
Ты первые плоды успел собрать, Ильич.

Нет, обо всем сказать не в силах мой язык!
Двадцать четвертый год... Народ в тоске поник...
В тот мрачный зимний день застыл живой родник,
Угас великий свет — скончался наш Ильич.

Скончался тот, кто знал все нужды бедняков,
Кто люд трудящийся избавил от оков,
Осиротели мы... Но путеводных слов —
Твоих правдивых слов — нам не забыть, Ильич.

Ты руку подал нам в дни бедствий и невзгод,
Изведал горечь ты, чтоб мы вкусили мед,
Ты путь нам проложил, и мы пойдем вперед
Дорогой светлою, что завещал Ильич.

Твои заветы мы повсюду утвердим,
Построим коммунизм по замыслам твоим
И с благодарностью, с любовью повторим:
Ты будешь вечно жить, учитель наш — Ильич!

51. КАРАКАЛПАК

При ханах кем ты был, каракалпак?
Твой край темницей был, каракалпак!
Тебя глупцом, невеждой называли,
Рабом ты прежде слыл, каракалпак.

О, сколько ты страданий перенес,
Увял твой сад, иссяк источник слез,
И жизнь под вихрем бедствий и угроз
Чуть теплилась в тебе, каракалпак.

Все, кто могли, твою топтали честь,
Всех мук твоих и всех обид не счесть,
Твой древний дух не в силах был расцвесть,
И в жилах сохла кровь, каракалпак.

Любой хотел три шкуры драть с тебя,
Пот выжимать, налоги брать с тебя...
Но встал рассвет, лучами тьму рубя,
И стала жизнь иной, каракалпак.

Отхлынул мрак бесправья и тоски,
Дни стали по-весеннему ярки,
В твой дальний край пришли большевики,
Решив тебе помочь, каракалпак.

Отныне ночи скорбные забудь,
Пусть радостно вздохнет впервые грудь,
Встань, рукава засучивай — и в путь,
В свой новый путь шагай, каракалпак.

Встань! Не таи былых обид в груди,
Средь братьев место должное найди,
Широкой, твердой поступью иди —
И к цели ты придешь, каракалпак.

И если цель ты будешь твердо знать,
Прямым путем настойчиво шагать,
Своих друзей ценить и уважать,
Величье ждет тебя, каракалпак.

Смотри, себе зазнаться не давай,
Работай, от других не отставай,
Спеши вперед, в труде не уставай —
Лишь начал дело ты, каракалпак.

Чтоб цель увидеть, устреми свой взор
В грядущее — в распахнутый простор,
Упорнее трудись, чем до сих пор,
И к знаниям стремись, каракалпак.

Ведь если ты не встанешь, распрямясь,
Не подпояшешься, за труд берясь,

А будешь спать, в бездумье погрузясь,
Чего достигнешь ты, каракалпак?

Проснись! Бессилен дремлющий народ,
Учись, вперед стремись из года в год, —
Свобода счастья нам не принесет,
Пока твой темен край, каракалпак.

52. НЕВЕСТАМ И НЕВЕСТКАМ

Сестрицы, проснитесь, отбросьте покров,
Скорей пробудитесь, а то будет поздно;
Открылись дороги для нас, бедняков.
За дело беритесь, а то будет поздно.

Не смели вы раньше и голос подать,
И не было сил, чтоб тенета порвать,
Теперь вам не смеет никто помешать,
Шагайте к свободе, а то будет поздно.

Как пленные птицы в тисках западни,
Как бледные розы в угрюмой тени,
Вы чахли, вы плакали ночи и дни,
Но слезы утрите, а то будет поздно.

Вас, бедных рабынь, продавали, как скот,
В старух превращал вас мучительный гнет,
Бесправье и страх зажимали вам рот,
Забудьте об этом, а то будет поздно.

Вы в сердце поныне храните тоску,
Но жизнь повернулась лицом к бедняку,
Теперь вас не смогут продать старику,
Стремитесь же к счастью, а то будет поздно.

Взгляните на жизнь ваших старших сестер:
Что знали они? Только гнет и позор.
Но жизнь изменилась! Вступайте же в спор
С укладом отжившим, а то будет поздно.

Утрите же слезы! Что пользы от них?
Воспряньте, не ждите, будите других, —

Вас счастье зовет! О желаньях своих
Смелей говорите, а то будет поздно.

Бодрей, выше голову! Дружной толпой
Шагайте к свободе дорогой прямой,
Учитесь, боритесь с бесправьем и тьмой,
Добьетесь всего, — говорю вам серьезно!

53. ПРОЧЬ!

Ничто не сможет вас спасти,
Эй, важные хакимы, прочь!
Пошел по новому пути
Народ непобедимый. Прочь!

Позором вас клеймит народ,
Гнилые сети ваши рвет,
Вот почему нутро вам жжет
От злобы нестерпимой... Прочь!

Наш труд свободен наконец,
А коль под шкурами овец
К нам лезут хищник и подлец,
Их истребить должны мы... Прочь!

Хвостом виляя, обнаглев,
Вы рветесь будто волки в хлев,
Но грозен наш народный гнев,
Сердца неумолимы: прочь!

Ваш путь ведет в кромешный ад,
В руках у вас не мед, а яд.
Недаром люди говорят:
Лжецы — неисправимы. Прочь!

Довольно вам душить людей,
Мы стали зорче и дружней,
Прямой дорогой новых дней
Идем неудержимо... Прочь!

Нет, не вернется ваша власть,
Не щурьтесь и не скальте пасть,

Вам не позволим лгать и красть,
Один ответ дадим мы: «Прочь!»

Хитры вы были — и не раз
На удочку ловили нас.
Сломался ваш крючок сейчас,
И вырваться смогли мы... Прочь!

Пришла пора для бедняков
Иметь и хлеб, и крепкий кров,
Владеть плодами всех трудов.
Эй, жадные хакимы! Прочь!

54. НАШИ ОТЦЫ

Вы всею душою к свободе рвались,
Вы братьев к борьбе призывали, отцы!
За счастье вы первыми в бой поднялись,
Сражались и кровь проливали, отцы.

От жгучих обид истомились сердца,
И не было вашим страданьям конца,
Умельцы народные, в поте лица
Всю жизнь надрывались вы, наши отцы.

Вы подняли головы, чтобы узреть
Счастливую жизнь иль в борьбе умереть,
Чтоб детям и внукам запомнился впредь
Ваш путь, ваш пример благородный, отцы.

Стремясь, чтоб надежды огонь не угас,
Бесстрашны вы были в решительный час,
Благие намеренья были у вас,
Но как вы за них поплатились, отцы!

Вы к счастью стремились, а горе нашли,
Вас быстрые крылья от пуль не спасли,
Морщины страданий на лица легли,
Как в лютый мороз, вы желтели, отцы.

Немало погибло достойных людей:
Кто умер от пуль, кто — в руках палачей,

В рубцах ваши спины от вражьих плетей, —
О, сколько страдать довелось вам, отцы!

Но пусть одолеть не смогли вы врагов
И пусть не избегли плетей и оков,
А все-таки силу простых бедняков
В те дни доказать вы сумели, отцы.

Чуть ветер свободы подул по степям,
Примкнули мы сразу же к большевикам,
Они дали силу и знания нам,
Свершилось, к чему вы стремились, отцы.

Нас правое дело к победе вело:
Был гнет сокрушен и наказано зло,
Вам в доме советском тепло и светло,
Спокойно теперь отдыхайте, отцы.

55. НЕ УСТАВАЙ, ДИЙХАН!

Всё больше дел, всё меньше легких дней,
Идет весна, — не отставай, дийхан!
Упустишь срок — тогда еще трудней,
Спеши, трудись, не уставай, дийхан!

Ты тридцать дней с друзьями рыл канал,
Снег разгребал, лопатой грязь кидал,
Глаза ввалились, весь ты исхудал,
Зато потом ты будешь сыт, дийхан.

Ты целый месяц, не жалея сил,
Тяжелою лопатой землю рыл,
Со лба ручьями пот горячий лил, —
Не уставай, не уставай, дийхан!

Сев приближается. Пора пахать.
Что ж, в добрый час! Зря времени не трать.
Канал уже закончили копать,
Теперь арыки очищай, дийхан.

В конце или в начале борозды
Участок твой? Далёко ль до воды?

Запомни, друг: напрасны все труды,
Коль будет плохо течь вода, дийхан.

Готовы ль сбруя, плуг и борона,
И для посева хватит ли зерна?
Здоровы ли быки? Идет весна —
Пора вспахать участок свой, дийхан.

Успел ли удобренья ты достать,
Как следует участок разровнять?
Запруды, чтобы воду задержать,
На месте ли поставил ты, дийхан?

День наступил — в поля пришла вода!
В глазах светло от радости труда.
Сытнее стала и твоя еда —
Похлебку с молоком хлебай, дийхан.

Пора близка, — окрепнув и созрев,
Богатством щедрым станет твой посев.
Подрезав волосы, повеселев,
К своей любимой ты придешь, дийхан.

Ну а пока с утра и допоздна
Трудись, трудись, душа забот полна,
Поливка, друг, и на бахче нужна —
Арбузы, дыни стали зреть, дийхан.

Взрыхлять и в поле землю торопись,
Смотри, чтоб черви в ней не завелись
Да чтоб и сорняки не разрослись, —
Свой хлопок зорко береги, дийхан.

С участка, где поспела джугара,
Пусть жадных птиц сгоняет детвора,
А вот и хлопок собирать пора —
Забудь про сон, не уставай, дийхан.

Окончен труд: мешки зерном полны,
И груды хлопка высоки, пышны.
Гордись же! Ты — кормилец всей страны!
Да сбудутся мечты твои, дийхан!

56. ДЕВУШКАМ

Настала новая весна,
В цветущий сад спешите, девушки,
Песнь соловьиная слышна,
Утешьтесь, не грустите, девушки.

Вы черноглазы и стройны,
Красой волшебницам равны,
Веснушки милые видны
На ваших нежных лицах, девушки.

Вы, как цветы, свежи, ярки,
Проворны, будто мотыльки,
А щечки, словно лепестки,
Огнем весенним рдеют, девушки.

В садах гуляя и смеясь,
Судьбой счастливою гордясь,
Упорно к знаниям стремясь,
Растите, хорошейте, девушки.

Окончен старый век невзгод,
На смену новый век идет,
Как гость желанный, у ворот
С утра он появился, девушки.

Спешите гостя повстречать,
И вас он будет поучать,
Жизнь надо заново начать,
Для родины трудиться, девушки.

Народу все плоды нужны,
И юношам во всем равны
Да будут девушки страны, —
Сил не жалейте, наши девушки!

Источник знанья всем открыт —
Пусть он ваш разум просветлит!
Что день сегодняшний велит,
Сегодня надо сделать, девушки.

Свет по стране рекой течет —
Ладью обманов прочь несет.
Пусть ваших знаний клад растет,
Дела большие ждут вас, девушки.

Но чтоб добро принес ваш труд,
Не тратьте попусту минут,
Ведь дни всегда вперед идут —
Не смотрят на отставших, девушки.

Тот, кто изведал нищету,
Гнет, бескультурье, темноту,
Познал и зло, и доброту,
Тот очень много знает, девушки.

Нельзя во тьме былых времен
Оставить вас — невест и жен,
Народ не будет мудр, силен
Без вашего участья, девушки.

Пора по светлому пути
Вам смело к знаниям идти,
Довольно жить вам взаперти,
Свобода — ваше право, девушки.

На площадь выйдите с утра:
Вам снаряжаться в путь пора,
Пусть будет речь невежд хитра,
Но вы не слушайте их, девушки.

Наш век правдивый полюбив,
Свой путь и цель определив,
Себе природу подчинив,
В хозяек превращайтесь, девушки.

Всю ночь письмо я вам писал,
О новом веке размышлял,
Достойны вы моих похвал,
Вы — золото отчизны, девушки!

АЯПБЕРГЕН МУСАЕВ

Народный поэт Каракалпакии Аяпберген Мусаев (1880—1936) — один из зачинателей каракалпакской советской литературы. Его сатирические и юмористические стихи, бичующие пороки феодально-байского общества, были широко известны в народе еще до установления Советской власти в Каракалпакии. Но в полную силу дарование поэта раскрылось после Октябрьской революции. А. Мусаев в своих стихах с чувством радости воспевал победы новой жизни, с сарказмом высмеивал феодальные и религиозные пережитки, мешающие формированию новой морали, в частности отстаивал равноправие женщин.

А. Мусаев — один из первых поэтов Советской страны, написавший стихи о Ленине («Начинается», «Ленин»). Многие стихи поэта, а также немало народных песен, которые он знал, в 30-е годы были записаны первыми фольклорно-этнографическими экспедициями из уст самого поэта, в его родном ауле (ныне Кунградский район), где прославленный поэт жил и работал до конца своей жизни.

В 1980 году широко отмечается 100-летие со дня рождения выдающегося поэта.

57. ЛЕНИН

Простите, если я не знаю лучших слов, —
Редчайшей редкостью в наш мир явился Ленин.
Он стал отцом для всех голодных и рабов,
Священны все места, где жил, трудился Ленин.

Как ясный лик Луны, сквозь тучи он сиял.
Огнем правдивых слов он камни расплавлял,

Бессильным недруг стал, богатым нищий стал,
Со сворой палачей бесстрашно бился Ленин.

Широкий, светлый путь открылся нам вдали,
Сел на коня бедняк, а бай лежит в пыли,
Живым ковром цветов покрылся лик земли,
Как будто на поля дождем пролился Ленин.

С трибуны речь держа, он звал идти вперед,
Казалось, тучи стрел на недругов он шлет,
И правде смелых слов поверил весь народ,
Благословляя день, когда родился Ленин.

Он всех законов был тончайшим знатоком,
Со всеми нуждами людскими был знаком,
Как с равным, говорил с последним бедняком,
Вот почему с людьми так породнился Ленин.

Распался старый строй, — кто прежде спину гнул,
Теперь на свет шагнул, проклятый гнет стряхнул,
Ушла навеки власть ишанов, баев, мулл, —
Так с первого же дня распорядился Ленин.

Он думал о стране, о будущем, о нас,
Весь необъятный мир он видел без прикрас,
В руке он план держал, и в самый тяжкий час
От замыслов своих не отступился Ленин.

На тех, кто плеткою грозился бедняку,
В руке держал печать, а саблю — на боку,
Кто с нищих шкуру драл, а сам ходил в шелку, —
На них обрушил гнев и ополчился Ленин.

Творил он чудеса: сбывались все мечты,
На ветках высохших опять цвели цветы!
Взяв за руки дехкан, подняв из нищеты,
Свободы и добра для них добился Ленин.

Страницы мудрых книг его слова хранят,
Места, где он бывал, отныне люди чтят:
Великую Москву, Казань и Ленинград,
Сибирь, где некогда в глуши томился Ленин.

Казну всех богачей народу он раздал,
Рукой карающей их всюду настигал,
Была твердыня зла, казалось, тверже скал,
И все-таки ее сломать решился Ленин.

Но подлый враг его однажды подстерег,
Стрелял в него в упор — с тех пор он занемог,
Шестидесяти лет и то прожить не смог —
Ушел, глубоким сном навек забылся Ленин.

Он пламенным цветком над всей землей горел,
Он вещим соловьем о новой жизни пел,
Он и теперь — исток всех наших дум и дел,
Кто путь его избрал, в том отразился Ленин.

Узнав, что умер вождь, был скорбью мир объят,
Как стадо матерью покинутых ягнят.
Но свет его идей ученики хранят,
Не умер — будет жить, с народом слился Ленин.

«Сто тысяч, — говорят, — один вожак ведет!»
Он знаньем и мечтой вооружил народ,
Он создал партию, что движет нас вперед,
Не счесть ее сынов — в них воплотился Ленин.

Мне книжной мудрости учиться не пришлось,
Но главное сказать мне всё же удалось:
Заветы Ленина бессмертны! Всё сбылось,
Что нам предсказывал, к чему стремился Ленин!

58. У КАРАКАЛПАКОВ ЕСТЬ...

На обоих побережьях голубой Аму-реки
Благодатные просторы у каракалпаков есть,
Гуси весело гогочут и садятся в тростники,
Живописные озера у каракалпаков есть.

Эту землю наши предки много лет назад нашли,
Здесь они кобыл доили, скот бесчисленный пасли,
Здесь джейраны и газели скачут весело вдали, —
Степи, солнечные степи у каракалпаков есть.

Беспощадные в сраженье, благородные орлы,
Зря не тратившие в битве ни заряда, ни стрелы,
Пламенные, как Рустамы, мощные, как Гёроглы,
Знаменитые джигиты у каракалпаков есть.

Чуть весна цветы рассыплет, как на поиски невест
Разъезжаются джигиты вплоть до самых дальних мест,
Кони ржут нетерпеливо, возвещая их приезд, —
Много удальцов отважных у каракалпаков есть.

А у девушек-красавиц брови выгнуты дугой,
За плечами чудо-косы вьются, льнут одна к другой,
Украшения сверкают на конце косы любой, —
Сколько гурий черноглазых у каракалпаков есть!

Ах, как талии их тонки — право, тоньше волоска,
Как ловки, проворны руки, как походка их легка,
А застенчивые речи слаще сахара-песка, —
Бесподобные невесты у каракалпаков есть!

Жемчуга и самоцветы, песни мудрой старины,
Ювелиры, чьим издельям изумляться мы должны,
Крутогорбые верблюды, племенные скакуны —
Все сокровища земные у каракалпаков есть.

Вон охотники промчались, издавая громкий клич,
Ловких соколов спускают на взлетающую дичь,
То стреляют по фазанам, то газель спешат настичь, —
Страсть охотничья издревле у каракалпаков есть.

И на пиршествах веселых и на празднике аит
На лихие состязанья люд с волнением глядит.
Получает приз — корову, кто на скачках победит, —
Много конников отважных у каракалпаков есть.

Говорит Гарип: «Немало мест, достойных похвалы,
Но родимые просторы мне особенно милы!»
Словно Алишер, премудры, словно Жиренше, смелы,
Знаменитые поэты у каракалпаков есть.

59. ГДЕ?

Стать правителем-бием я знатным хотел, —
Где же толпы людей, мне подвластные, где?
Стать, подобно Каруну, богатым хотел, —
Где ж мое серебро, скот и золото, где?

Мне хотелось поэтом прославленным стать,
По червонцу за слово за каждое брать,
Все державы объехать, весь мир повидать, —
Где же силы найдутся для этого, где?

В пылких грезах, как птица, я в небо взлетал,
Стройных гурий под сенью садов обнимал,
Сладкий мед с ними пил из узорных пиал, —
Где же мед, где красавицы стройные, где?

Мне хотелось изведать бессмертную страсть,
На тулпаре скакать, позабавиться всласть,
В шубе красной ходить, знать богатство и власть, —
Где ж отвага, душа моя дерзкая, где?

Я увял, как морозом спаленный цветок,
Словно в клетке, от горькой тоски изнемог,
Стал седым я, устал от невзгод и тревог,
Где мой стан-кипарис, удаль прежняя, где?

Ты богат — и друзья окружают гурьбой,
Хвалят, ластятся, скроют грешок твой любой,
Если ж горе внезапно случится с тобой,
Где рука, что на помощь протянется, где?

Если глупый дороги в степи не найдет,
Если гостя приветливо в дом не введет
И болтает, что в голову только взбредет, —
Где к невеждам таким уважение, где?

Хочешь чести джигитской — других уважай,
Слово каждое взвесь — лишь тогда возражай,
Пот сначала пролей — соберешь урожай,
Где же хлеб без труда добывается, где?

60. БЕГИ К ОЗЕРУ

Была ты птицей на руке моей —
Беги, спасайся, к озеру беги!
Вот-вот нагрянет иомуд-злодей,
Скорей скрывайся, к озеру беги!

Кто к озеру успеет — тот спасен,
Кто не успеет — попадет в полон,
С родней навеки будет разлучен, —
Беги, подруга, к озеру беги!

Лежит себе лентяй Хожамурат,
А враг нагрянет — будет сам не рад.
Пусть пули наповал меня сразят,
Беги отсюда, к озеру беги!

Глянь: не теряет времени Палым —
Отару гонит к тростникам густым,
Молю тебя: спеши и ты за ним,
Беги, не медли, к озеру беги!

А я останусь тут — ведь я джигит,
От гнева и обиды кровь кипит,
Клинок, быть может, грудь мою пронзит,
Беги, не думай, к озеру беги!

Был я твоим Махтумкули-певцом,
Был я пленен твоим цветком-лицом...
Ах, черноглазая! Бросай свой дом,
Беги на берег, к озеру беги!

Не убежишь — ворвется иомуд,
Тогда не спрячешься — везде найдут,
А уж найдут — в неволю уведут,
Беги, голубка, к озеру беги!

Помочь не смогут ни отец, ни мать,
Враги не станут их мольбам внимать,
Таких, как ты, красавиц будут брать, —
Беги скорее, к озеру беги!

За что судьба так беспощадно зла?
Беда, беда в наш мирный край пришла!
Вон пыль вдали клубиться начала —
Беги, всё гибнет, к озеру беги!..

Прости, народ, родня моя, прости
За то, что милую хочу спасти,
Такой мне больше в жизни не найти, —
Беги, родная, к озеру беги!

61. ЧЕРНЫЙ ИШАК

Эй, люди, скорее бегите сюда —
Мой черный ишак на дороге упал!
Случилась с моим работягой беда —
Упал он как будто сражен наповал.

А как я гордился моим ишаком —
Поистине резвым он был рысаком,
Веселым, бурливым он был родником,
Но час его смертный сегодня настал.

Он был работягой, каких не сыскать,
Таскал он любую тяжелую кладь,
Не раз мне его предлагали продать,
Но друга не предал я — и не продал.

Вынослив он был, и горласт, и силен,
В базарные дни люди разных племен
Сбегались, как только появится он,
Толпились вокруг, не жалели похвал.

И сглазили, видно... Стал друг мой больным,
Как мать за ребенком, ходил я за ним,
А сплетник и спорщик — болтливый Айтым
Таскался ко мне и советы давал.

Где умный молчит — не поможет дурак,
Лишился я друга, злосчастный бедняк:
В канаву свалился мой черный ишак,
Подергал ногой — и дышать перестал.

Мой верный ишак мне помощником был,
За ним я ухаживал, вдоволь кормил,
Теперь он лежит, молчалив и уныл,
На этой земле, где он долго шагал.

Его я, конечно, прирезать бы мог,
Чтоб мяса отведать хороший кусок,
Но не был я, братцы, настолько жесток —
Не мог я в любимца вонзить свой кинжал.

Оплачу я друга внезапную смерть,
Воткну у могилы высокую жердь,
От горестных дум в голове круговерть:
Погиб мой ишак, одиноким я стал.

Весенние дни наступают опять,
И черви твой труп начинают глодать...
Эх, если бы голову мог ты поднять
И весело крикнуть, как прежде кричал!

62. ДРУЗЬЯ

Расскажу я вам, джигиты, кто такой Кутлымурат:
Он из рода уш-тамгальцев, а из племени Кыят,
Хоть и не был ни отважен, ни особенно богат,
Вечно удалью своею похвалялся он, друзья.

На базар, бывало, едет — смотрит соколом с седла,
А в хурджун ему лепешки, сахар, чай жена клала,
Саятхан, его супруга, раньше гурией была,
Днем и ночью с ней любовью наслаждался он, друзья.

Но стареть супруга стала... И узнал однажды он,
Что в Сорколе есть невеста, — кто ни глянет, тот влюблен!
Повидать ее решил он, тайной страстью распален,
С каждым днем сильней желаньем разгорался он, друзья.

Хоть в глаза ее не видел — верил слухам лишь одним,
Начал хвастаться бесстыдно он приятелям своим:
«Да, не зря слыву повсюду я джигитом удалым,
Эту девушку похищу!» — ухмылялся он, друзья.

«Пусть в моей отваге дерзкой убедится весь народ,
Сам аллах отважных любит и удачу им дает.
Пусть меня трусливой бабой каждый встречный назовет,
Если упущу добычу!» — так поклялся он, друзья.

Вот однажды по рассвете, в золотом сиянье дня,
«Бисмилля!» — сказал он громко, принялся седлать коня,
Весело с женой простившись, а в душе ее кляня,
Гордый удалью своею, в путь помчался он, друзья.

Ехал он в Соркол, конечно, чтоб на девушку взглянуть,
Выбрал этот день базарный, чтоб супругу обмануть,
Дерзко щурясь, улыбаясь и выпячивая грудь,
Сладкой думой всю дорогу упивался он, друзья.

Торопясь к друзьям-сокольцам, чтоб у них найти ночлег,
Скакуна хлестал он плеткой — ускорял веселый бег,
И еще жара не спала, гордый, будто знатный бек,
Средь Кунградского базара торговался он, друзья.

Накупив подарков столько, будто впрямь сошел с ума,
На закате очутился за каналом Саума,
В час вечернего намаза глянул с ближнего холма
И, вдали Соркол увидев, засмеялся он, друзья.

Вдоль по отмелям песчаным, где шумит седой Арал,
Он к знакомому селенью буйным вихрем поскакал,
У приятелей-сорокольцев о красавице узнал
И с желанной в тот же вечер повстречался он, друзья.

Увидал он: за водою стайкой девушки спешат,
Сразу ту, кого искал он, различил орлиный взгляд.
«Вы не к нам ли?» — так джигиту озорницы говорят,
И за девушками следом увязался он, друзья.

Так аллах сумел устроить, что с красавицей вдвоем
Он остался — и поведал о намеренье своем,
Живо голову вскружил ей, умолчал лишь об одном:
Что жену оставил дома, не признался он, друзья.

Обещал украсть красотку перед самою зарей;
«Ты поверь, моя голубка, будешь счастлива со мной!» —

Так доверчивой бедняжке пылко клялся наш герой,
И, восторгом окрыленный, с ней расстался он, друзья.

Перед самою зарею вышла девушка к реке,
До утра, молясь аллаху, простояла в тростнике,
До утра ждала джигита, чуть не плакала в тоске,
Так герой и не явился — испугался он, друзья.

Всю-то ночь, дрожа от страха, наш Кутлымурат не спал:
«Привезу ее без спросу — будет мне такой скандал!
Саятхан не даст нам спуску!.. Что же делать?
Я пропал!»
И от этих дум впервые растерялся он, друзья.

То, что утром было тайной, всем известно стало днем
Собрались толпой сорокольцы, привели лгуна силком,
Дружно девушку жалели, тешились над хвастуном,
Пустомелей перед ними оказался он, друзья.

Попытался оправдаться в их глазах Кутлымурат,
На смех подняли беднягу — сам несчастный был не рад,
Гордым соколом приехал он к сорокольцам, а назад
Улизнуть понезаметней постарался он, друзья.

А в родном дому расправа ожидала хвастуна,
Видно, всё уже узнала оскорбленная жена.
Подбоченясь, возле дома храбреца ждала она,
И, узрев свою супругу, так и сжался он, друзья.

Саятхан подходит к мужу и кривит от злобы рот.
«Вот тебе твоя красотка!» — и пощечину дает,
«Вот тебе жена вторая!» — и опять с размаху бьет,
Бедный, даже заслониться не пытался он, друзья.

Саятхан вопит истошно, а на муже нет лица,
Закружилась от побоев голова у храбреца.
«Что, безмозглый, натворил я! Все срамят меня, глупца!»
И от жгучего позора разрыдался он, друзья.

А жена кричит визгливо: «Слишком сладко хочешь жить!»
И, схватив за ворот мужа, принялась его душить:
«Сделаю тебя калекой, позабудешь, как грешить!..»
И от яростных ударов зашатался он, друзья.

Испугался не на шутку, завопил Кутлымурат:
«Где ты, Курбабай-приятель? Помоги скорее, брат!
Оттащи ты эту ведьму, а не то отправлюсь в ад!..»
Подоспел Курбан, и смело в спор вмешался он, друзья.

Чуть Кутлымурат увидел, что на помощь друг бежит,
Спрятался ему за спину, как осенний лист дрожит,
Собралась толпа большая, Саятхан кричит, визжит,
Громкий был скандал — и долго продолжался он, друзья.

Кутлымурат-бедняга плачет: «Астыпыралла!
Больше я туда не буду ездить, аллахи-билла,
И на девушек ни разу не взгляну, субхан-алла!»
Так перед супругой гневной унижался он, друзья.

Наконец, Курбан воскликнул: «Горе мужу твоему!
За бесстыдство оба глаза выбить надо бы ему!
Но прости его! Да будет он рабом в твоем дому!»
Так за плачущего друга заступался он, друзья.

«Ах, подлец! Ты нас обоих осрамил на целый мир!
Знать вещам обязан цену настоящий ювелир!
Что ж, в последний раз прощаю... Тоже мне герой-батыр!
В дом ступай!» — жена сказала. Молча сдался он, друзья.

В дом вошел бедняк, со вздохом обнял старую жену,
Долго каялся и плакал; проклинал свою вину:
«Буду я глядеть до гроба только на тебя одну!»
Так с достоинством мужчины распрощался он, друзья.

Вот как был судьбой наказан незадачливый бахвал,
С той поры, боясь позора, он в Сорколе не бывал,
Присмирел, стал домоседом, будто в рот воды набрал,
Но посмешищем повсюду оставался он, друзья.

63—65. *ЭКСПРОМТЫ*

1

ТЕНГЕЛУ

Да будь аллах ему в делах защита и опора,
Тенгел убыток потерпел — нет большего разора!
Из дома вдруг пропал бурдюк — тот, с маслом был
который,
Тенгел-бедняк попал впросак... Вы не видали вора?

Тенгелу нанесен урон, он очень озабочен,
Он слезы льет, судьбу клянет, он стонет дни и ночи,
Не пил, не ел, копил Тенгел, замок у двери прочен,
Но для собак замок — пустяк... Вы не видали вора?

2

МАДРЕИМУ

Во главе совета ты сидел,
Мзду взимал с кого и как хотел.
Да хранит аллах от этих дел, —
Стал позорным ныне твой удел.

3

КАЗАХБАЮ

Ты прожил, Казахбай, лишь сорок лет
И ныне, что ни говори, — мираб!
Но выслушай мой дружеский совет:
От баев взяток не бери, мираб.

Пусть сокол твой не ведает тенет,
Богатым не засматривай ты в рот,
Не жди от них щедрот, — наоборот:
Как скорпионов, их мори, мираб.

САДЫК НУРУМБЕТОВ

Народный поэт Узбекистана и Каракалпакии Садык Нурумбетов (1900—1972) родился в местности Кегейли. Первым его стихам присущ юмористический и сатирический характер. В них молодой поэт высмеивал кое-кого из своих аульчан, их пороки и слабости А в 30-е годы С. Нурумбетов выступает с яркими стихами, призывающими дехкан к коллективизации («Вступай в колхоз» и другие стихи).

В 1939 году С. Нурумбетов был принят в члены Союза писателей СССР. В годы Великой Отечественной войны поэт создал немало патриотических стихов («За Родину», «Сын мой», «Отважные воины» и другие).

В послевоенные годы вышли из печати десятки сборников стихов С. Нурумбетова, поэмы «Бердах», «На Аральском море», «Шелковод Жаныл» и дастан «Бахтияр» — о революционных событиях в Каракалпакии, приведших к установлению Советской власти.

Стихи С. Нурумбетова переведены на русский, узбекский, казахский и другие языки народов нашей страны.

66. ВЕСНА

Смеясь от радости, деревья расцвели.
Исполнилась мечта проснувшейся земли,
Растенья ожили — и, сбросив бремя дремы,
Живые существа отраду обрели.

Весенний ветер смел всех горестей следы,
Всё сладостнее дни, и всё пышней сады,
Качаясь на ветвях, среди листвы весенней,
Вновь птицы певчие поют на все лады.
А солнце греет глубь разлившейся реки,
Где нерестятся рыб густые косяки,

К озерам голубым летят станицей гуси,
И зелены в полях хлопчатника рядки.

В атлас узорчатый одет земной простор,
Привольно дышит грудь, и радуется взор,
И девушки поют, и статные джигиты
Заводят с милыми лукавый разговор.

Давно с земли сошел зимы морозный пух,
Повсюду разлился весенний свежий дух,
Не вьюги злобный свист, а трелей соловьиных
Волшебный перезвон теперь ласкает слух.

С улыбкой сладостной вступает в мир весна,
Душа ее светла, просторна и ясна, —
Цветут, красуются, огнем переливаясь,
Земля счастливая и неба вышина.

Вечернею порой, в час возвращенья стад,
Всё звонче блеянье баранов, коз, ягнят,
И радостно мычат бокастые коровы,
И с нетерпением телята к ним спешат.

Теплом и влагою насытиться успев,
Червленым серебром звенит листва дерев,
Гляжу я на полей зеленые просторы,
И в сердце ширится ликующий напев.

67. АМУДАРЬЯ

Ты — сокровищница наша, в ней — сады, поля, леса,
Всех пьянит твоя живая, ясноглазая краса,
Влагу щедро расточая, отражая небеса,
Целый край обогащая, бурно ты течешь, Дарья.

А вокруг — твои озера блещут шелком голубым,
Стали выжженные степи садом пышным, молодым,
Радостно цветут колхозы вдоль по берегам твоим,
Людям силу ты даруешь, к счастью их зовешь, Дарья.

Гуще и пышнее хлопок у твоих обильных вод,
И твоим дыханьем свежим наслаждается народ.

Утки, лебеди взлетают, плещут рыбы всех пород —
Сто богатств разнообразных людям ты даешь, Дарья!

Как сильны твои пороги — их сильнее в мире нет,
Как вкусны твои сазаны — их вкуснее в мире нет!
А воды твоей отведав, вдохновляется поэт.
Словно сладкий сок плодовый, вкус ее хорош, Дарья.

Ты поишь в степях колхозных всходы, травы
и цветы,
Людям свежесть и прохладу в знойный полдень
даришь ты.
Прогоняя все печали, пробуждая в нас мечты,
Бьешь ты в берег, будто плещешь в тысячи ладош,
Дарья.

В нашу летопись живую, в наше новое житье
Золотыми письменами имя вписано твое:
Пробудила ты степное вековое забытье,
Степь зелеными коврами ты покрыла сплошь, Дарья.

Не сочтешь лучистых капель — чистых жемчугов
твоих.
Плодородьем знаменита почва берегов твоих.
И почти слоновья сила у больших сомов твоих,
Ни покоя, ни застоя ты не признаешь, Дарья.

В небеса кидая брызги, как из бурного котла,
Мчишься ты, крутясь и пенясь, непокорна, весела.
Ты не раз меняла русло, много бедствий принесла,
Но умнее люди стали — нас не проведешь, Дарья!

Все преграды сокрушая, мощный твой поток течет —
Как борец играя силой, пролагает путь вперед.
А когда ты выбегаешь на простор аральских вод,
На широкие объятья твой разлив похож, Дарья.

Зря тебя когда-то звали: сумасбродная Джейхун,
Ты — источник изобилья, что всегда могуч и юн,
Край цветет, растут селенья — и, как сотни
звонких струн,
Песню счастья и свободы людям ты поешь, Дарья!

68. ДАУТКОЛЬ

На юг пойдешь — гора Каратау, на север — Нагалай,
Пришел наш кочевой народ с надеждой в этот край.
Пытались рыбу мы ловить — ничтожным был улов,
К тому же гнал оттуда нас объездчик-негодяй.

Как людям мучиться пришлось из-за куска еды —
Нигде защиты не найти от гибельной нужды!
Пришел и я в тот мрачный год на озеро Даутколь,
Лишь песнь была отрадой мне в дни горестной беды.

Тоска пригнула нас к земле, и голод иссушил.
Вдоль мрачных берегов брели мы из последних сил.
Сперва надеялся народ, что пищу здесь найдет,
Но обманул ты нас, Даутколь, — лишь горе подарил!

Меж тем надвинулась зима, пришлось нам голодать —
Рогоза корешки сосать, куски коры глодать.
Боролся каждый за себя — и, чтоб лепешку спечь,
Золы горячей из костра спешил побольше взять.

В степи по снегу босиком, дрожа, шагали мы,
За жизнь цепляясь кое-как, изнемогали мы.
Таким жестоким голод был, что за мешок пшена
Красавиц девушек своих в пути меняли мы.

О память, эту боль и скорбь навеки сохрани!
Напрасны были все мольбы — остались мы одни,
От жадных баев пользы нет, нигде спасенья нет,
Таким узнал я Даутколь в те сумрачные дни.

69. ТИЛЛАХАН

На шее блестели бусы, а грудь украшал хайкели,
Твой стан, и лицо, и голос джигитов с ума свели.
Была ты звездой Аралбая, была украшеньем земли.
Всех дев ты была красивей, прекрасная Тиллахан.

Под шелковым покрывалом, застенчива и мила,
Ты ласковый свет расточала сердечности и тепла,

На наших глазах росла ты, нам сверстницею была,
Казалось, ты всех счастливей, прекрасная Тиллахан.

Ходила ты в пестром платье, не ведала ты греха,
Мечтала Юсупа встретить, как верная Зулейха,
Пылающим, юным сердцем ждала своего жениха,
Увы, оказалась надежда напрасною, Тиллахан!

В ноздре у тебя игриво блестел золотой аребек,
Кто видел тебя хоть однажды, уже не забудет вовек.
Любуясь тобой, от волненья дышать не мог человек, —
Была твоя жизнь беспечной и ясною, Тиллахан.

Когда бы мне предложили продать хоть одну твою
прядь,
Ее и за сотни туманов не вздумал бы я отдать!
Ах, гордые птицы-брови, — нет слов, чтобы их описать,
А кожа твоя казалась атласною, Тиллахан.

Бывало, на улицу выйдешь — джигитов бросает в жар,
Все пленниками становились твоих несравненных чар!
Женге впереди шагала по имени Калбазар,
А следом плыла ты, потупясь, бесстрастная Тиллахан.

Но юность твоя погибла по воле злодея отца:
Напрасно его ты просила и плакала без конца, —
За десять коров отборных, за кровного жеребца
Тебя богачу он отдал, несчастная Тиллахан.

Потом по обычаю сватам отправили сочный тось,
Отца твоего мольбами разжалобить не удалось.
Пылала душа мечтами — теперь их забыть пришлось,
В слезах ты покорно сидела, безгласная Тиллахан...

Под кровлей немилого мужа живешь ты третьей женой.
Как вольная птица в клетке, ты стала худой, больной.
Что делать тебе остается? Бежать? Воротиться домой?
Тебя обмануло счастье, злосчастная Тиллахан!

70. ВСТУПАЙ В КОЛХОЗ!

Ты любишь труд, ты полон сил, —
Сомнений нет: вступай в колхоз!
Чтоб весь народ тебя ценил,
Даю совет: вступай в колхоз!

Эй, Отеген, чего ты ждешь?
Зачем вразвалку прочь идешь?
Не слушай вражескую ложь,
Не медли, друг, — вступай в колхоз.

И ты, мясник, наш Турдыбай,
Без толку нос не задирай,
Жалеть ты будешь, так и знай, —
Пока берут, вступай в колхоз.

Кто честно горький пот прольет,
Взамен получит сладкий мед.
Нас к единенью жизнь зовет,
Смелей, батрак, вступай в колхоз.

Весною семена сажай,
Горячим потом орошай,
И будет щедрым урожай, —
Кто любит труд, вступай в колхоз.

Вступил в колхоз Гобдир-Бозак,
Вступил охотно Алтыншак.
Чего раздумывать, земляк?
К нам примыкай, вступай в колхоз!

Чем будет горячей твой труд,
Тем больше за него дадут.
Тебя почет и счастье ждут,
Спеши, земляк, вступай в колхоз.

Не верьте байской клевете,
Гнить не желаем в нищете,
Нет, времена теперь не те.
Рабочий люд, вступай в колхоз.

Нас правда Ленина ведет —
К свершенью всех надежд зовет,
Колхоз — твой новый путь, народ,
Объединись, вступай в колхоз.

Наш общий труд — непобедим,
Колхоз могучий создадим,
Один совет мы всем дадим:
Вступай в колхоз, вступай в колхоз!

71. ПОРХАНЫ

«Бисмилля!» — каждый раз говорили вначале они,
По Корану, по камешкам ловко гадали они.
Самых жирных баранов в награду хватали они, —
Так доверчивый, темный народ обирали порханы.

От ишанов и мулл получая поддержку всегда,
Кроме хитрых обманов, не зная иного труда,
Наших женщин бесчестя, отбросив остатки стыда,
Сколько сеяли лжи, сколько зла причиняли порханы!

Поглядите на них: бьют железною цепью, вопят,
Пляшут, прыгают, бесятся, славят святой шариат...
Много лет безнаказанным был их обман и разврат,
И бесчинствовать только теперь перестали порханы.

Многих в страхе держали они, то хитря, то грозя.
Грамотеями слыли — проверить их было нельзя.
Мы таких сумыраев давно раскусили, друзья:
Как драконы голодные, жертву искали порханы.

Совершив коширме, весь аул собирали на той.
Мяса лучшие части тайком отправляли домой,
А остатками тут же делились со всей беднотой, —
Так за мудрых и щедрых себя выдавали порханы.

А случилось, что, кости собрав молодого скота,
Оживить их пытались дыханием смрадного рта,
Только зря надрывались — не вышло у них ни черта.
И тогда, опозорясь, измучась, сбежали порханы.

А в разгаре раденья бесились, кружились волчком,
На красавиц косились и слюни глотали тайком.
Избегали догадливых, тешились над простаком,
Гнусной ложью сознанье людей отравляли порханы.

Чтоб народ запугать, то чертей принимались скликать,
То за фокусы брались — огонь не боялись глотать,
Приходя в исступление, юрты пытались ломать,
Как верблюды, плюясь, всё вокруг оскверняли порханы.

Хитроумным лисицам и жадным шакалам сродни,
Для невежд были издавна мерзким дурманом они.
У ишанов и мулл обучались обманам они, —
Так народную кровь беспощадно сосали порханы.

«Исцелять от бесплодья» любили безропотных жен,
Для «леченья» жену уводили в овечий загон,
И обманутый муж оставался растерян, смущен,
А тем временем похоть свою утоляли порханы.

«Потерпи!» — говорили испуганной божьей рабе,
«Не упрямься, — твердили, — всегда покоряйся судьбе!»
«Дочь моя, — обещали, — мы сына подарим тебе!» —
И за яблоки-груди несчастную брали порханы.

72. ШАНГБАЙ

Он живет по старинке, не сыщешь подобных нерях:
Мухи вечно сидят на посуде его, на мешках.
Горделиво красуется старый чилим на дверях,
А шакча-то, заметьте, серебряная у Шангбая.

Нет приличья в дому... Правда, есть сабаяк и керги,
Но в грязи дастархан, как бывают в грязи сапоги.
Конский череп висит — мол, от сглаза меня сбереги!
А попоны развешаны прямо в жилье у Шангбая.

Очень многое в доме способно отбить аппетит:
С солью грязный мешок у самого входа висит,
А котел и не чищен давно, и ничем не прикрыт, —
За порядком следить не желает никто у Шангбая.

В юрте чашки да плошки — как лавка посуды она,
Старой дряни и рухляди юрта большая полна,
И взирает Шангбай, как, презрев пересуды, жена
Льет в котел ополоски, — грязнуля она у Шангбая.

Прямо в юрте наседки — на яйцах, как им надлежит,
Рядом гончая, — что ж, на почетнейшем месте лежит.
Так хозяин привел всё жилище в постыднейший вид, —
Не берите примера с привычек неряхи Шангбая.

Нацепил амулеты на всех своих грязных ребят.
Чтоб не сглазили, сажею мажет им лица подряд,
Раскаленным кувшином свершает леченья обряд:
Вместо банок для хворых — горячий кувшин у Шангбая.

Не опишешь всего, не расскажешь в коротких стихах.
Ходит в рваной одёже, а сытый — возьми его прах!
Неопрятный, немытый он, дрянью какой-то пропах,
А ведь жизнь вообще-то совсем неплоха у Шангбая!

73. РЫБАЧКА

Вечер. Солнце садится в волны.
Мгла разливается вдоль берегов.
А девушка хмурится недовольно:
Что-то неважный сегодня улов!

И, не спеша повернув к причалу,
В море открытом оставшись одна,
Хоть и порядком за день устала,
Опять налегает на весла она.

А лодка пляшет в пене прибоя,
Но верит девушка: только тех,
Кто не боится спорить с судьбою,
Ждет настоящий, большой успех!

Стирая пот со лба то и дело,
Вдаль устремив напряженный взор,
Плывет молодая рыбачка смело —
Прибою и ветру наперекор.

И вот уже в лодке от рыбы тесно,
Как по внезапному волшебству...
Дивлюсь на красавицу: где, интересно,
Училась рыбацкому мастерству?

74. ПЕРВАЯ ВОДА НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Бежит, клокочá, по арыку вода,
Друзьям-поливальщикам много хлопот!
Веселых, пенистых волн орда
Кипит, шумит, торопясь вперед.

По новой земле поток разлился,
Зеркальною гладью поля блестят,
И сразу же птичий базар начался —
Откуда-то чайки стремглав летят.

У птиц настоящий праздник с утра,
Кричат восхищенно на все лады:
Унылая степь здесь была вчера,
Откуда ж сегодня столько воды?

Туда, где на поле вышли друзья,
По узкой меже осторожно иду,
На каждую струйку любуюсь я,
На каждую влажную борозду.

И словно впервые родной простор
Во всей красоте предо мной встает, —
Как хлеб насущный, радует взор
Любой комочек, что воду пьет!

На землю и воду сейчас взгляни:
Как двое влюбленных, они слились,
В объятьях друг друга лежат они —
Свиданья желанного дождались.

И чтобы веселой змейке-воде
По полю добраться на самый край,
Как будто массирует спину земле —
Ровняет борозду Аскарбай.

А рядом — от мужа не отстает
Веселая наша Давлен-келин,
Смеясь, кетменем всё проворней бьет,
Опередила многих мужчин.

Воде проложили мы путь прямой,
Теперь поливальщикам труд большой!
Не чуя усталости, шел я домой
С поющей, радостною душой.

75. ЕДУ НА СТРОЙКУ

Жми, гони побыстрее, сынок мой — шофер,
Сердце весело бьется, смеется мой взор.
Напевая вполголоса, в светлую даль
Еду я, озирая бескрайний простор.

Я счастливым себя называть не боюсь.
Хоть и стар становлюсь, а задорно смеюсь,
Посмотреть знаменитую стройку решил
И с утра на машине стремительной мчусь.

Только песнею этот восторг передашь:
Был безлюдным, заброшенным Тахиаташ,
Но по воле настойчивых большевиков
Всё чудеснее край обновляется наш.

Этот край был при ханах угрюм и суров —
Голый камень да заросли диких лесов,
А сегодня с волнением еду туда,
Будто слышу грядущего радостный зов.

Еду к тем, кто сплотился в могучую рать,
Чтоб народу богатство и счастье создать,
Еду к нашим батырам — героям труда,
Чтоб крылатыми песнями их вдохновлять!

76. ПЛОД И ЛИСТЬЯ

(Басня)

На ветке Плод созрел — большой, румяный плод,
Взглянул он с важностью да как ворчать начнет:
«Эй, Листья глупые! Ну что вы зря шумите?
Мне дерзкий шепот ваш покоя не дает.

Вкуснее меда я, сочней день ото дня,
С каким почтением все смотрят на меня!
Да, я один таков! А вас хотя и много,
Что толку? — только шум, пустая болтовня!..»

«Конечно, сладок ты, — ему Листва в ответ, —
Но поскромнее будь — вот добрый наш совет!
Мы людям тень даем, — а в знойный летний полдень
Отрадней ничего, поверь, на свете нет.

А главное, дружок, пора уразуметь:
Не мог бы ты без нас родиться и созреть,
На дереве сухом плоды не вырастают,
Мы жизнь тебе даем — и не бахвалься впредь!»

Так посрамлен был Плод, — и, к своему стыду,
Посмешищем он стал с тех пор в родном саду...
Друзья, и среди нас еще людей немало
Подобных этому хвастливому Плоду́!

АББАЗ ДАБЫЛОВ

Годы детства народного поэта Узбекистана и Каракалпакии Аббаза Дабылова (1898—1970) прошли в тяжелой нужде, а молодость — в скитаниях по родному краю и среди приаральских казахов. Владея искусством кыссаханов — мастеров художественного чтения, А. Дабылов с совершенством исполнял старинные народные дастаны, которые позднее оказали на его творчество плодотворное воздействие и помогли ему создать свой многолетний труд — дастан «Бахадыр» (1945—1966) — эпическое полотно, с вдохновением воспевающее лучшие национальные черты родного народа и революционные события в Каракалпакии.

В годы коллективизации А. Дабылов с радостью воспевает социалистические преобразования в ауле, вступает в колхоз и даже работает его председателем. В 1939 году поэт был принят в члены Союза писателей СССР.

Широко популярны стихи А. Дабылова о Ленине («Мавзолей»), о Великом Октябре («Товарищи»). В годы Великой Отечественной войны им написаны стихи, проникнутые патриотическим пафосом. Глубокое освоение многовековых традиций народной песни и дастанов, традиций Бердаха и Ажинияза, Навои и Махтумкули, виртуозное применение в своих стихах образных богатств каракалпакского языка, высокая идейность — вот что характеризует творчество А. Дабылова.

Многие стихи поэта переведены на русский, узбекский, казахский и на другие языки народов нашей страны.

77. МЕЧТА

В юности время бесплодно текло,
Лишь от мечты мне бывало светло,
Часто, совсем выбиваясь из сил,
Я, спотыкаясь, по сколу скользил.

Стал я шаиром, гонимым нуждой,
Только в те годы я был как немой, —
Если земля, словно камень, крепка,
Трудно пробиться струе родника.

В горе мои проходили года.
Весело я не певал никогда, —
Жизнь беспощадно душила весну,
Вольную песню держала в плену.

Если нам солнце не светит, — скажи,
Будут ли светлыми песни души?
Если сомкнет твои губы печать,
Сможешь ли звонкую песню начать?

Был я забитым, неграмотным был,
Сердцем, казалось, навеки остыл,
Но наконец, лучезарно горя,
Новая встала над степью заря.

Счастлив я нового видеть черты,
В них — исполнение давней мечты.
Стал я шаиром в свободном краю —
Песни свободные людям пою.

78. БЕРДАХУ

Склоняю голову перед Бердахом-дедом,
Хоть нет его в живых, но тлен ему неведом, —
Граненый, как алмаз, лучистым, ярким светом
Сверкает каждый стих, что создал наш Бердах.

Был век его жесток. Но, смелый и упорный,
Он правду говорил со страстью непритворной,

И даже байский взгляд, горящий злобой черной,
Тебя, бесстрашного, не мог смутить, Бердах.

Крылаты и смелы, как птицы в поднебесье,
Из кишлака в кишлак его летели песни.
Грядущих дней певец, большого счастья вестник,
Дорогой трудною по жизни шел Бердах.

Живет он и сейчас — ему дружить с веками,
Жить в нашей памяти, в томах, любимых нами,
И светлой мудростью, испытанной годами,
В дни счастья и беды поможет нам Бердах.

Недаром в этот день — в день славный юбилея,
Спеша со всех сторон, любовью пламенея,
Народ ему цветы несет, благоговея,
Как будто говорит: ты вечно жив, Бердах!

Дутаров чистый звон звучит, не умолкая,
И песня ширится, бессмертно молодая,
Поют кругом, дни наши прославляя,
Тобой взращенные ученики, Бердах.

И с нами в лад поет, дутар настроив старый,
С волненьем истинным и юношеским жаром,
Познавший, как и ты, былой судьбы удары,
Почтенный аксакал — родной твой внук, Бердах.

И песня нас зовет в сияющие дали,
В ней голос есть и мой — его не раз слыхали.
Я был бы вечно горд, когда б меня назвали
Твоим учеником, прославленный Бердах!

79. ЗАЧЕМ ДЖИГИТ ТРУСЛИВЫЙ НУЖЕН?

Если честь ему не дорога,
Если он уходит от врага,
Ищет поукромней берега,
Нужен ли стране такой джигит?

Если он не дорожит страной,
Смело за нее не вступит в бой,

Если край не защитит родной,
Нужен ли стране такой джигит?

Если он в сражении пуглив,
Если, не в пример другим, болтлив,
Прячется от пули под обрыв,
Нужен ли стране такой джигит?

Если он ленив, как старый конь,
Если не мозолиста ладонь,
Если, как цветок, его не тронь,
Нужен ли стране такой джигит?

Если он за Родину в бою
Пожалеет жизнь отдать свою,
Опозорит отчую семью,
Нужен ли стране такой джигит?

Ловкий и красивый на коне,
Мужественный в танковой броне,
Беззаветно преданный стране —
Вот такой необходим джигит.

Твердый в слове, в деле — молодец,
Настоящей выучки боец,
Первым в бой шагающий храбрец —
Вот что значит истинный джигит.

Славен он в походах боевых,
Уважают девушки таких.
В честь тебя слагаю этот стих,
Славный сын Отечества — джигит!

80. НАШ НУКУС

Стонала степь от засухи и зноя,
И ветер пыль вздымал над головою,
Стояли юрты жалкою толпою
В степи на месте нашего Нукуса.
А в наши дни его зовут столицей,
Теперь он многим может похвалиться.

Кто не был долго — очень удивится
И не узнает прежнего Нукуса.
Пусть молод он, но окрылен мечтою,
Стремится звезд коснуться головою,
С Ташкентом-братом, с матерью-Москвою —
Мечты и мысли нашего Нукуса.
Какая выше может быть награда,
Когда страна его успехам рада,
А жители Москвы и Ленинграда —
Родные братья жителям Нукуса.
Растет Нукус, барханы раздвигая,
В простор домами новыми шагая,
На много верст протянется, сверкая,
Асфальт на главной улице Нукуса.
И что ни год, он всё стройней и выше.
Всё радостнее жизнь под каждой крышей,
И с каждым днем ясней столица слышит
Далекий голос нашего Нукуса!

81. ВЕСНА

Она зиме сказала: «По закону,
Пора тебе кончать свой скучный век», —
И ручейками побежал по склонам
Еще вчера в полях белевший снег.

Я не встречал красавицы нарядней,
Уже во всем видны ее права:
Простор всё голубей и необъятней,
Пышней сады и зеленей трава.

Амударья, разлившись на просторе,
Вскипая пеной, радостно шумит:
Она, как прежде, по дороге к морю
Поля насытить влагою спешит.

Поднимутся опять в степных просторах
Под вешним солнцем хлопка зеленя,
И по канавкам весело и споро
Пойдет вода, сверкая и звеня.

Весна во всем! Теплей, душистей воздух,
Кричит жылкыш, повсюду птичий гам,
И, словно кем-то брошенные, звезды
Крупней в огромном небе по ночам.

Да, ты, весна, ковром устелешь землю,
Раскроешь клейких почек узелки,
Живительным теплом поля объемлешь,
Из почвы к свету вытянешь ростки.

Ты по душе, весна, и для влюбленных:
Они сейчас особенно нежны...
Высоко в небе ярколистым кленом
Легко и вольно реет флаг весны.

82. БИБИСАНЕМ

Дочь нашей Родины, привыкшая к дерзанью,
Взор нашей Партии, отверстый ранней ранью,
Дороже золота призыв к соревнованью —
Горячие слова моей Бибисанем.

На днях исполнилось ей девятнадцать ровно,
В колхозе трудится усердно и любовно.
Широкий ясный лоб, а чудо-брови — словно
Два выгнутых крыла на лбу Бибисанем!

Я сразу покорен был этим стройным станом.
Созвездьем родинок на том лице желанном!
От жгучей сладости, наверно, станет пьяным
Счастливец, что прильнет к губам Бибисанем.

Нежны ее черты, а воля крепче стали,
Пред нею коммунизм раскрыл большие дали:
На зорьке утренней, дневных трудов в начале,
Трепещет радостно душа Бибисанем.

Народ в родном краю о ней толкует лестно,
О достижениях ее везде известно,
В душе становится восторженно, чудесно,
Лишь стоит увидать труды Бибисанем!

Едва сошли снега, за первые недели
С прополкой справилась она, не канителя,
И завершила сев до первого апреля, —
План перевыполнить спешит Бибисанем.

Хлопчатник девять раз подвергла обработке,
И ровно столько же, как сообщают в сводке,
Поливок провела, — ведь глубоки и четки
Агропознания моей Бибисанем.

Июнь к концу идет — коробочки что надо!
Июль к концу идет — не хлопок, а отрада!
Еще недели две — и, урожаю рада,
Сбор начинать велит моя Бибисане··

Тут руки быстрые ее начнут чудесить,
И только поспевай пушистый хлопок взвесить!
Я видел сам, друзья, как за день двести десять
Собрала килограмм моя Бибисанем!

Толпятся вкруг нее влюбленные джигиты,
Но как узнать мечты, что в гордом сердце скрыты?..
Слепят глаза лучи награды знаменитой,
Горящей на груди моей Бибисанем!

83. УЧИСЬ!

Немало я пережил в жизни своей:
Мне рано отца довелось потерять,
Опорой была мне с младенческих дней
Лишь старая мать, терпеливая мать.

Была моя мать одинока, бедна,
На баев трудилась с утра до темна,
И всё до гроша отдавала она,
Чтоб сына кормить, обувать, одевать.

Сгибалась, бедняжка, под ношей невзгод,
А всё же надеялась из года в год,
Что время нужды и страданий пройдет —
Когда-нибудь счастливы будем опять.

Однажды она мне сказала с утра:
«Сынок, собирайся — учиться пора,
Смотри, уже всё собрала я вчера:
Вот книги, сынок, вот перо и тетрадь.

Взгляни с уваженьем на это перо, —
Есть в мире и золото, и серебро,
Но знание — высшее в мире добро,
Учись же и времени даром не трать! ..»

Увы, непослушным и глупым я был,
Слова эти мудрые не оценил,
С дружками беспечными дни проводил:
Чем в школу ходить, лучше в бабки играть.

Не слушал я маминых вздохов и слез,
Забросил учение — неучем рос,
Себе непростительный вред я нанес
И этой ошибки не смог наверстать.

У лени два спутника — глупость и ложь,
Невежда на птицу без перьев похож,
А к знанью придешь — клад бесценный найдешь,
Но я этот клад не сумел отыскать.

О внуки — весенняя поросль моя,
Крепки вы, свежи, как цветы у ручья!
Безграмотными не останьтесь, как я,
Не смейте ошибки моей повторить.

Учитесь! — и всё одолеете вы,
Любым мастерством овладеете вы.
Учитесь! — тогда лишь сумеете вы
Людьми настоящими стать!

84—86. ⟨*ИЗ ПОЭМЫ «БАХАДЫР»*⟩

1

ПЛАЧ ШНАРГУЛЬ ПО МУЖУ АЛЛАНГОРУ

В мире нет никого, кто страдал бы, как ты,
Ни халата, ни шубы — одни лоскуты,

А тоска всё росла, всё тускнели мечты,
Горы горя унес ты с собой, Аллангор!

Мы с тобою сошлись в восемнадцать, супруг,
Мы друг в друга впились, как репей-шырмаук,
Но прорвать не сумели мы горестей круг:
Так печаль стала нашей судьбой, Аллангор.

Пас ты стадо с кривою дубинкой в руках,
Босый бегал, и кровь запеклась на ногах,
Днем и ночью одно лишь унынье и страх,
Силы тратил впустую ты, мой Аллангор.

Нас на каждом шагу донимала беда,
Ты с концами концы не сводил никогда,
А в котле только жидкая стыла бурда,
Пустота была в плошке любой, Аллангор.

Не успел в белой юрте прожить ты и дня,
Не успел завести ты арбу и коня,
Ни клочка не засеял, — ушел от меня.
А мешок твой, как прежде, пустой, Аллангор.

Кто на свете мучительней, горше страдал?
Кто на свете такую нужду испытал?
Долго жил, а дородным ты так и не стал,
Жаль смотреть, до чего ты худой, Аллангор!

Знал ты голод да вечную тяжесть невзгод,
В нашей нищей лачуге не резали скот,
И от пищи безвкусной сводило нам рот,
Не едал ты похлебки густой, Аллангор!

Хоть и дружен ты был только с горькой бедой,
Сожалел, что уходишь, и плакал, седой,
Обнимал тебя сын — Арыслан молодой,
В мир иной уходил ты с тоской, Аллангор.

Вот что скажет Шнаргуль: «Стойко встречу беду,
На работу поденную завтра пойду.
Быть с народом написано мне на роду,
Пусть, друзья, вам запомнится мой Аллангор!»

2

СОВЕТЫ ШНАРГУЛЬ МОЛОДОМУ СЫНУ

Влюбленный, не познавший мук,
Цены счастливым дням не знает,
И соловей, не знавший вьюг,
Цены весенним дням не знает.

Ленивец, избегавший дел,
Тот, что всегда в тени сидел,
Кто хлеба горького не ел,
Цены сухим ломтям не знает.

Скупец, зарывший в землю клад,
Иль хлебосол, что скуповат,
Не знавший, что в скитаньях — ад,
Цены своим гостям не знает.

Обжора, ненасытный жмот,
Богач, сосущий кровь и пот,
Трудов не знавший и забот,
Цены людским грошам не знает.

Тот тунеядец, чья рука,
Не прививала черенка,
Не вырастила и цветка,
Тот и цены плодам не знает.

Кто странников не почитал,
Кто чести им не оказал,
В безводье не изнемогал,
Цены и двум глоткам не знает!

Кто радость не познал в трудах,
Кто не был гордым на пирах,
Свой дух не закалял в боях,
Цены стальным сердцам не знает.

Коль недруг племени грозит,
Сардар вздымает знамя битв,
А в бой не мчавшийся джигит
Цены лихим коням не знает.

Тот, кто от страсти не страдал,
Волос девичьих не ласкал,
Кто от неверной не рыдал,
Цены тот верности не знает.

Кто с белым черное смешал,
В ущельях мрачных не блуждал,
Тот, в темноту попав, пропал —
Цены гаухару он не знает.

Что делать в дни жестоких сеч?
Иль победить, иль в землю лечь!
Пока не притупится меч,
Цены мечу джигит не знает.

Кто в грозной битве не бывал,
Кто бурных волн не рассекал,
Голов врагам не разрубал,
Тот цену мужеству не знает.

Глянь на парней — красив любой,
Глянь на коней — ретив любой,
Но, не узнав, как скачет свой,
Цены джигит ему не знает.

Ну а теперь довольно слов,
Сынок, будь счастлив и здоров, —
Кто нищенских не знал годов,
Тот мерзости их не узнает!

8

ОБРАЩЕНИЕ КЫРМЫЗЫ К ОТЦУ

Ата, ужели ты так беден, что хочешь сбыть меня за грош?
Так радуешься, словно вправду за чистым золотом
идешь!
А у меня пылает сердце, в груди как будто острый нож, —
Смотри, отец: передо мною в долгу ты неоплатном
будешь!

За сына байского ты отдал меня, почтенный мой ата,
Польстился, видно, на богатство, на стадо тучного скота,

Но долго ли беды дождаться? Вернется снова нищета.
Иль думаешь, что в самом деле богатым ты и знатным
будешь?

Тебе сначала поглядеть бы хоть раз на байского сынка,
Потом бы получить награду — погладить телку и телка.
Когда заранее не взвесишь, обманешься наверняка, —
Сегодня весел ты, а завтра в позоре ты отвратном будешь.

Позарился ты на скотину, а знаешь ли, каков зятек?
Вот тут-то, мой отец почтенный, жестокий ждет тебя урок,
Ты рад, как будто за бесценок купил жемчужный
перстенек,
Когда ж подделку обнаружишь, жалеть ты, вероятно,
будешь.

Когда меня ты подло продал, когда ударил,
Уже мечтал: не будет счета твоим коровам и быкам!
Смотри, отец, не просчитайся! Хоть и вознесся к облакам,
Но, погубив родную дочку, себя корить стократно
будешь.

Коль совершишь ты эту сделку, мне гибель суждена
судьбой,
Невольницей несчастной стану, чужою жалкою рабой.
Ценней я тысячи туманов — умна и хороша собой,
Еще опомнишься, но тщетно просить меня обратно
будешь!

Знай, если после пышной клятвы приходит
тягостный конец,
То не легка любовь такая, а тяжелее, чем свинец.
Халат богатый не по росту тебе, почтенный мой отец,
И жить с замаранною честью, с душою неопрятной
будешь.

Зачем со мной не посчитался, не поглядел, каков
твой зять?
Теперь порву я эту сделку — и будешь сам ответ держать:
Под байской палкою придется покорно гнуться
и дрожать,
И жалостные оправданья ты бормотать невнятно будешь.

Вот слово Кырмызы: «Запомни! К негодному я не пойду!
Не стану я его подстилкой — получше место я найду.
Раскинь умом, а там — как хочешь! Смотри, накликаешь беду,
Перед загубленною дочкой в долгу ты невозвратном будешь!»

ПРИМЕЧАНИЯ

В истории каракалпакской поэзии различаются три большие эпохи. Это, прежде всего, длительный период господства устнопоэтического творчества, самые ранние стадии которого относятся ко времени формирования национального языка народа, т. е. к X—XV вв. На протяжении столетий — вплоть до середины XVIII в. — фольклор был главным видом поэтического искусства, выражавшим духовную жизнь народа, его идеалы и эстетические запросы. Бесценным достоянием культуры Каракалпакии являются ее широко известные памятники устной поэзии, в особенности такие монументальные произведения, как дастаны «Алпамыс», «Шарьяр», «Сорок девушек», «Коблан» и др.

Фольклор был непосредственной почвой, на которой выросла классическая каракалпакская поэзия. Первым ее представителем, чье имя история сохранила до нашего времени, был народный сказитель Жиен-жырау. Этим именем открывается новый период в поэтическом развитии Каракалпакии, когда наряду с фольклором в общественный быт народа входит художественное творчество, отмеченное печатью авторской индивидуальности и пытливостью социальной мысли. Распространявшиеся в рукописи, а чаще всего изустно, на правах безымянных памятников фольклора, произведения Кунходжи, Ажинияза, Бердаха, Отеш-шаира и других признанных мастеров художественного слова с замечательной яркостью запечатлели рост национального самосознания каракалпаков во второй половине XVIII—XIXвв., их борьбу за социальную справедливость и светлое будущее.

Лишь в советское время, вступив в новый период своего существования, каракалпакская поэзия еще больше обретает признаки писательского профессионализма. Не порывая тесной связи с традициями отечественного фольклора и письменными традициями Бердаха и Ажинияза, каракалпакские советские поэты обильно черпают из опыта литературного развития русского и соседних братских народов, встают на путь художественного эксперимента, поиска, углубленного осмысления современной им действительности.

На русском языке публиковались некоторые знаменитые памятники каракалпакского фольклора, как, например, поэмы «Сорок девушек» (в переложении А. Тарковского и в переводе С. Сомовой), «Сказание о шарьяре» (переложение С. Северцева). Менее известна русскому читателю классическая и советская поэзия Каракалпакии, Именно ей и посвящен настоящий сборник.

В книге два раздела. В первом представлены поэты дооктябрьского периода, во втором — советского времени. Главное место в первом разделе, естественно, отведено произведениям Бердаха, крупнейшего мастера стиха, заложившего прочный фундамент для всего последующего развития каракалпакской поэзии. Всенародно отмечавшееся в конце 1977 — начале 1978 г. 150-летие со дня рождения поэта с исключительной убедительностью продемонстрировало духовное богатство и неувядаемую жизненную силу его творчества.

Из значительного числа поэтов советской эпохи в настоящее издание включены произведения наиболее крупных, признанных авторов, уже закончивших свой жизненный путь, чье творчество выдержало проверку временем (А. Мусаев, С. Маджитов, С. Нурумбетов, А. Дабылов). Им посвящен второй раздел книги.

Произведения каракалпакских поэтов неоднократно публиковались в русских переводах, как в периодике, так и в антологиях («Поэты Советской Каракалпакии», Нукус, 1956; «Антология каракалпакской поэзии», Ташкент, 1968; «Степные струны», М., 1973). Выходили они и отдельными изданиями. Чаще других, конечно, печатались произведения Бердаха, переводы из которого стали появляться на русском языке со второй половины 30-х годов. С 1951 по 1977 г. вышли следующие издания Бердаха: Избранные произведения (Ташкент, 1951); Избранное (Нукус, 1957); Избранное (Ташкент, 1958); Избранное. Стихотворения и поэма (Ташкент, 1977); Избранная лирика (Нукус, 1977). Отдельным изданием были выпущены также произведения Ажинияза (Избранные стихотворения, Нукус, 1975). Наконец, в серии «Соцветия. Поэзия Советской Каракалпакии» (Нукус, 1973) четырьмя выпусками были напечатаны переводы стихотворений А. Мусаева, С. Маджитова, С. Нурумбетова и А. Дабылова. Стихи последнего еще раньше были представлены сборником «Светлый день» (Нукус, 1956).

При составлении настоящей антологии использовались последние, уточненные редакции переводов. Это относится прежде всего к центральному произведению Бердаха «Царь-самодур». Исправленный текст его перевода приведен в соответствие с недавно обнародованной У. Раметуллаевым в Избранных сочинениях Бердаха (Нукус, 1977, на каракалпакском языке) новой версией оригинала.

Книга снабжена примечаниями, содержащими справки исторического и географического характера, а также пояснения имен собственных. В Словаре поясняются специфические термины и понятия из области быта, культуры каракалпаков и других народов Востока.

В некоторых биографических справках использован фактический материал, приведенный В. А. Бочиным в «Антологии каракалпакской поэзии» (Ташкент, 1968).

ЖИЕН-ЖЫРАУ

1. Основой поэмы послужили реальные исторические события. См. об этом биограф. справку о Жиене-жырау, с. 27. *Ковш Плеяд.* Подразумевается звездное скопление в созвездии Тельца, по форме напоминающее ковш. *Мунайтпас, Тербенес* — названия островов на юге Аральского моря. *Куга* — болотный тростник. *Жайык* — река

Урал, в прошлом называвшаяся Яиком. *Шуга* — тонкий осенний лед на водоемах. *Акдарья* — один из рукавов Амударьи. *Каратау* — гора в Каракалпакии.

КУНХОДЖА

2. *Жылкышы-ата* — покровитель табунов. *Занги-баба* — покровитель стад крупного рогатого скота. *Шопан-ата* — покровитель чабанов и овечьих отар. *Сулейман* — библейский царь Соломон, почитаемый и мусульманами. По преданию, обладал властью над тремя царствами: земным, небесным и подземным. *Чингисхан* (ок. 1155—1227) — монгольский хан и полководец, организатор грабительских завоевательных походов, создатель огромной державы, распавшейся после его смерти. *Мадреим* (Мухаммад Рахим) и *Мадамин* — хивинские ханы. *Махтумкули* — туркменский поэт-классик XVIII в.

5. *Магруфи* — туркменский поэт XVIII в.

7. *Тэрис-тобе* и *Ырза* — названия местностей. *Ержан* — остров в Аральском море. *Мантык* — пойма Амударьи. *Кыят* — один из каракалпакских родов. *Кунград* — самое многочисленное каракалпакское племя и город в Хорезмском оазисе (в низовьях Амударьи). *Жалайыр* и *Бекман-шагыл* — названия местностей. *Айрша* — название местности на территории Муйнакского района Каракалпакской АССР.

АЖИНИЯЗ

9. *Бозатау* — буквально: «Остров плодородия». Об исторических событиях, приведших население Бозатау к описанной в поэме трагедии, см. в биограф. справке об Ажиниязе, с. 62. *Кийсык Порхан* — название местности. *Гурген, Атрек, Хаджар* — города и местности, куда угоняли захваченных во время набега людей для продажи их в рабство. *Шам* — древнее название Сирии. *Гурд* — город в Иране. *Лейли* — героиня широко распространенного на Востоке сказания о красавице Лейли и безумно влюбленном в нее юноше Меджнуне. *Многие хлебнули горя от туркмен.* Подразумеваются туркменские феодалы, совершавшие набеги на каракалпакские земли. *Причина наших бед — Кунград.* Речь идет о кунградском хане Мухаммеде Фене. *Сейилхан* — боевой клич некоторых туркменских племен. *Ашамайлы* — один из каракалпакских родов. *Кыят* — см. прим. 7. *Пирим* — имя одного из односельчан Ажинияза. *Зийуар* — литературный псевдоним Ажинияза.

10. *Лейли* и *Меджнун* — см. прим. 9.

11. *Кожбан* — имя влиятельного казаха, у которого гостил Ажинияз, будучи в Казахстане. *Кунград* — см. прим. 7. *Кытай* и *Кенегес* — названия двух каракалпакских родо-племенных объединений. *Ургенч* — столица средневекового Хорезма, древний Гургандж (ныне на территории Куня-Ургенчского района Туркмении). *Лейли* — см. прим. 9. *Зухра* — героиня популярного на Востоке сказания «Тахир

и Зухра», образ преданно влюбленной девушки. *Мангит* — одно из крупнейших каракалпакских родо-племенных объединений. *Ернавар* — каракалпакский национальный герой, возглавивший в 1855—1856 гг. восстание народа против власти хивинских ханов.

12. *Бозатау* — см. прим. 9. *Джейхун* — старинное (арабское) название Амударьи, означающее: безумная, бешеная. *Туребек* — средневековая правительница древнего Ургенча (см. прим. 11).

13. *Чин-Мачин* — старинное название Китая. *Герат* — город в Афганистане, в прошлом столица Хорасана.

15. *Азраил* — ангел смерти. *Карун* — персонаж древней арабской легенды, обладатель несметных богатств; проклятый Мусой (Моисеем) за скупость, был поглощен землей вместе со всем своим богатством. *Али* — двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, четвертый его преемник на халифском престоле, почитаемый и как отважный полководец. Был убит во время междоусобной войны.

16. *Сель* — талая и ливневая вода с гор, которая, увлекая своими потоками камни и грязь, обладает мощной разрушительной силой.

20. *Меджнун* — см. в прим. 9 справку о Лейли.

БЕРДАХ

21. *Стал Бердахом Бердимурат.* О смысловом значении выбранного поэтом литературного псевдонима см. прим. на с. 77. *Куленболыс* — имя волостного управителя Таллыкского уезда Каракалпакии. *Предложил он тестю тукум.* По преданию, отец поэта, бедный дехканин-рыбак, когда женился, дал за невесту вместо калыма семена дыни. *Гёроглыбек* — герой монументального эпоса «Гёроглы», известного у многих тюркских народов. *Базирген* — один из героев эпоса «Гёроглы», трагически погибший джигит-богатырь.

26. *Нурмурад, Кадиримбет, Сапар, Мирза, Арзу, Нуримбет* — собственные имена.

33. *Пятидневный гость.* Кратковременная жизнь человека, как гласит Коран, подобна пяти дням.

34. *Юсуп* — библейский Иосиф Прекрасный, герой популярного на Востоке сказания «Юсуп и Зулейха». *Лукман* — легендарный арабский врач и мудрец. *Дауд* — библейский царь Давид, почитался мусульманами как покровитель кузнечного ремесла. *Рафраф* — повидимому, конь Рахш, который принадлежал богатырю Рустаму, герою эпопеи Фирдоуси «Шахнаме». *Сулейман* — см. прим. 2. *Туркестан* — буквально: страна тюрок; в данном случае подразумевается Южный Казахстан. Каракалпаки долгое время — вплоть до 1723 г. —

населяли местность в районе нынешнего города Туркестан, пока их не вытеснили оттуда джунгарские калмыки. Тогда каракалпаки переселились в Хорезмский оазис (долину Амударьи) и Приаралье, где живут и поныне. *Пять городов* — так соседние народы в прошлом называли территорию Каракалпакии и часть Хорезма, где располагались города: Чимбай, Ходжейли, Кунград, Турткуль, Мангит. *Исрафил* — в мусульманской мифологии ангел, который трубным звуком возвестит о наступлении дня Страшного суда.

35. *Обвивает щука сосну* — намек на легенду о всемирном потопе; поэт уподобляет ему бедствия своего угнетенного народа. *Две оглобли, а грудь одна.* Каракалпакский народ издавна разделялся на два арыса, т. е. ветви (дословно: оглобли арбы). Одну ветвь составляло племя Кунград, другую — четыре рода: Кытай, Кыпчак, Кенсгес, Мангит. Бердах призывает их всех к объединению. *Кааба* — священный храм в Мекке (в Аравии), являющейся религиозным центром ислама, местом паломничества мусульман. *Едиге, Алпамыш* — герои одноименных каракалпакских народно-поэтических сказаний. *Навои* Алишер (1441—1501) — основоположник узбекской литературы, поэт. *Физули* Мухаммед Сулейман оглы (1494—1556) — азербайджанский поэт. *Махтумкули* — см. прим. 2. *Лукман* — см. прим. 34. *Ургенч* — см. прим. 11. *Джейхун* — см. прим. 12. *Арастун* — Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. *Афлатун* — мусульманский вариант имени древнегреческого философа Платона (428/427—348/347). *Бедиль* Мирза Абдукадир (1644—1721) — поэт и мыслитель, живший в Индии и писавший на языке фарси (древнеперсидском). *Аттар* Фарид-аддин-Мохаммад бен Ибрахим — ирано-таджикский поэт XII в. *«Бедаян»* — старинное учебное пособие по арабскому языку. *«Хидаян»* — свод мусульманского права, написанный на арабском языке, некогда весьма авторитетный в странах Средней Азии. *«Шарх-и мулла»* — пособие по арабскому языку, составленное ирано-таджикским поэтом и ученым А. Джами (1414—1492) и получившее широкое распространение в Средней Азии. *Фирдуси* — Фирдоуси Абулькасым (между 932 и 935 — ок. 1020) — ирано-таджикский поэт, автор громадной эпопеи «Шахнаме». *Каратау* — см. прим. 1. *В год Свиньи* — одно из наименований года по мусульманскому летосчислению.

38. *Жиренше* Шешен — герой народных сказок, олицетворяющий народную мудрость и красноречие, который ловко обманывает хана и баев. 3. *Рядно* — грубый домотканый холст. *Лал* — рубин. *Азраил* — см. прим. 15. 4. *Зулейха, Юсуп* — см. прим. 34. 5. *Султан-суюн, Великий Мурали* — Хусейн Байкара, правитель Хорасана (1469—1506); в течение ряда лет был покровителем Навои.

ОТЕШ-ШАИР

39. *Гариб, Шасенем* — герои распространенного на Востоке народного эпоса «Шасенем и Гариб». *Махтумкули* — см. прим. 2. *Кунград* — см. прим. 7. *Ашамайлы* — см. прим. 9.

40. *Ермекбай* — в подлиннике игра слов: ермек — насмешка, злая шутка.

САРЫБАЙ

45. *Сулейман* — см. прим. 2.

АЯПБЕРГЕН МУСАЕВ

57. *Сел на коня бедняк.* «Сесть на коня» — идиома, означающая: стать хозяином своей судьбы, своего положения. *В руках держал печать, а саблю — на боку.* Печать и сабля — атрибуты ханской власти. *Но подлый враг его однажды подстерег.* Подразумевается покушение на В. И. Ленина, совершенное 30 августа 1918 г. эсеркой-террористкой Ф. Каплан.

58. *Рустам* — герой-богатырь поэмы Фирдоуси (см. прим. 35) «Шахнаме». *Гёроглы* — см. прим. 21. *Гарип* — один из литературных псевдонимов А. Мусаева. *Алишер* Навои — см. прим. 35. *Жиренше* Шешен — см. прим. 38.

59. *Карун* — см. прим. 15.

60. *Махтумкули* — см. прим. 2.

62. *Он из рода уш-тамгальцев.* Уш-тамгалы — один из каракалпакских родов, входивших в племя Кыят. *Соркол* — название местности в Каракалпакии. *Аллахи-билла* — дословно: пусть меня поразит аллах. *Субхан-алла* — дословно: аллах свидетель; выражение, означающее клятвенное заверение.

САДЫК НУРУМБЕТОВ

68. *Даутколь* — озеро в Кегейлийском районе Каракалпакской АССР. *Нагалай* — название местности.

69. *Аралбай* — каракалпакское селение. *Юсуп* и *Зулейха* — см. прим. 34.

75. *Тахиаташ* — город в Каракалпакии на левом берегу Амударьи, выросший после сооружения гидроэлектростанции.

СЛОВАРЬ

Агабий — старший бий (см.), вождь племени, рода.
Аит — название мусульманского праздника.
Аксакал — старейшина; почтительное обращение к старшему.
Алиф — первая буква арабского алфавита, имеет форму прямой вертикальной черты.
Аребек — серьга, продеваемая в ноздрю.
Арык — небольшой искусственный канал или канава для орошения земли и водоснабжения.
Астапыралла — возглас, означающий удивление или сожаление.
Ата — отец, дед; почтительное обращение к пожилому мужчине.
Аталык — в Хивинском ханстве один из высших государственных чинов, управитель, поставленный над биями (см.).
Ахун — мусульманское духовное лицо, богослов.

Бай — богатей, крупный скотовод или землевладелец.
Байга — конные состязания всадников, скачки.
Батыр — богатырь.
Бахсы — певец, исполняющий под аккомпанемент дутара (см.) песни и дастаны (см.).
Бедеу — скакун благородной бедуинской (арабской) породы.
Бек (бей) — правитель племени, рода или области.
Бий — глава рода или племени.
Бисмилля — первое слово в Коране, которое произносят верующие мусульмане, начиная каждое новое дело.

Визирь — первый министр.

Гаухар — волшебный светящийся камень, бриллиант.
Геурек — дикорастущее степное растение.
Гурия — райская дева в мусульманской мифологии; синоним красавицы.

Дал — буква арабского алфавита, имеющая форму ломаной линии; в литературе — символ сгорбленности, угнетенности.

Дастан — жанр устнопоэтического творчества, большое эпическое произведение, поэма.

Дастархан — скатерть; в переносном смысле — обильное угощение.

Джинн — злой дух.

Джугара — старинная сельскохозяйственная культура у народов Средней Азии.

Дийхан — дехканин (крестьянин).

Дутар — двухструнный музыкальный инструмент.

Жылкыш — коростель.

Женге — сноха, жена старшего брата.

Зиндан — темница, подземная тюрьма.

Инак — придворный вельможа хивинского хана.

Иомуды — кочевое туркменское племя, совершавшее в старину набеги на селения каракалпаков.

Ичиги — обувь, поверх которой надевали галоши.

Ишан — духовное лицо у мусульман, наставник группы суфиев (см.).

Казий — судья, который вершил суд по законам шариата (см.).

Казы — конская колбаса.

Калым — выкуп за невесту, уплачиваемый ее родителям.

Камча — плеть.

Карабарак — солончаковое кустарниковое растение.

Кебаб — баранина, поджаренная на вертеле.

Керги — ковровый мешок для хранения посуды или хозяйственной утвари.

Кетмень — род мотыги с широким, как у лопаты, лезвием, насаженным перпендикулярно к черенку.

Кобыз — струнный музыкальный инструмент.

Коран — священная религиозная книга мусульман.

Коширме — знахарский (шаманский) способ лечения огнем при изгнании злых духов из тела.

Кошма — войлок, свалянный из верблюжьей или овечьей шерсти.

Кыпчаки — каракалпаки из крупного родо-племенного объединения Кыпчак.

Кяфир — неверный, т. е. немусульманин.

Медресе — мусульманское среднее духовное училище.

Мектебе — мусульманская начальная духовная школа.

Метер — ханский чиновник.

Мираб — чиновник, распоряжавшийся прокладкой, очисткой оросительной воды и распределением ее для поливов.

Муйтены — каракалпаки из рода Муйтен.
Мулла — человек с духовным образованием, мусульманский священнослужитель.

Намаз — обряд молитвы у мусульман, совершаемой пять раз в течение суток.
Нар — верблюд-самец особой породы, отличающийся большой выносливостью.
Насвай — особо приготовленный табак, который закладывается под язык.
Ногайцы — одна из тюркских народностей.

Пери — райская дева, нечто вроде доброй феи; синоним красавицы.
Порхан — колдун, шаман, заклинатель духов.

Сабаяк — деревянный сундук для хранения посуды.
Саз — струнный музыкальный инструмент.
Саид (сеид) — первоначально титул потомков пророка Мухаммада от браков с его дочерьми.
Саратан — название особенно жаркой летней поры, приходящейся на вторую половину июня месяца и весь июль.
Сардар — военачальник.
Суйинши — подарок за хорошее известие.
Сумырай — вид рыбы; в данном случае: злодей, негодяй.
Сутилмек — дикорастущее растение, произрастающее по обочинам полей, у арыков, продолговатые плоды которого содержат молочно-белую жидкость.
Суфий — последователь суфизма, религиозного мистико-аскетического течения в исламе.

Табиб — лекарь, знахарь.
Тандыр — глиняная конусообразная печь для выпечки хлеба.
Той — праздник, пир.
Томага — кожаный колпачок, надеваемый во время охоты на глаза беркута, сокола и других ловчих птиц.
Тось — грудинка.
Тотия — краска вроде сурьмы для век и бровей.
Тукум — семена.
Тулпар — мифический крылатый конь богатыря.
Туман — монета, имевшая хождение в Иране и Средней Азии до XIX в.

Улем — представитель высшего мусульманского духовенства, ученый-богослов, знаток шариата (см.).

Хадж — паломничество в Мекку, священный город мусульман.
Хайкел — женское нагрудное украшение из золота или серебра.
Хаким — административное лицо в дореволюционном Туркестане.
Хурджун — переметная сума.

Чапан — кафтан.
Чилим — курительный прибор, род кальяна.

Шаир — поэт; в старину шаиром называли всех, кто умел слагать песни экспромтом и исполнять их под игру на дутаре или без него.
Шакша — рожок для хранения табака.
Шариат — свод мусульманских религиозных, правовых и бытовых установлений, основанных на Коране.
Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты или школы; почетный титул, дававшийся ученым людям и поэтам.
Шинкобыз — старинный губной тростниковый или железный музыкальный инструмент, на котором играли исключительно женщины.

Юрга — темп конной скачки.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕРДАХ

Переводы Н. Гребнева

Переводы Гл. Семенова

Переводы Н. Гребнева

ОТЕШ-ШАИР

ГУЛЬМУРАТ-ШАИР

САРЫБАЙ

ОМАР-ШАИР

II

СЕЙФУЛГАБИТ МАДЖИТОВ

АЯПБЕРГЕН МУСАЕВ

САДЫК НУРУМБЕТОВ

Переводы С. Северцева

АББАЗ ДАБЫЛОВ

ПОЭТЫ КАРАКАЛПАКИИ

Л. О. издательства «Советский писатель», 1980 г.
256 стр. План выпуска 1978 г. № 386.

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редакторы *М. А. Ульянова*
и *Л. П. Полякова*
Корректор *Е. Я. Лапинь*

ИБ № 2852

Сдано в набор 16.07.80. Подписано к печати 28.11.80. М 15298. Высокая печать. Литературная гарнитура. Бумага тип. № 1. Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 11,65. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1895. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Советский писатель» Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Стихотворения и поэмы

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Стихотворения и поэмы

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Стихотворения и поэмы

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

Стихотворения и поэмы

ЯН РАЙНИС

Избранные произведения

СИМОН ЧИКОВАНИ

Стихотворения и поэмы

АЛИШЕР НАВОИ

Стихотворения и поэмы

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

Стихотворения и поэмы

НИКОЛАЙ УШАКОВ

Стихотворения и поэмы

ЛЕСЯ УКРАИНКА

Избранные произведения

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

Стихотворения и поэмы

ВААН ТЕРЬЯН

Стихотворения

ГАФУР ГУЛЯМ, АЙБЕК, ХАМИД АЛИМДЖАН

Стихотворения и поэмы

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Малая серия

Третье издание

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Стихотворения и поэмы

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Стихотворения и поэмы

«ПОЭТЫ АРМЕНИИ»

«ПОЭТЫ УЗБЕКИСТАНА»

«ПОЭТЫ КИРГИЗИИ»